

ВМЕСТЕ С КНИЖКОЙ
КОНАН

КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ



САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛКСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫ ИДОЛА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОВЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

«Северо-Запад Пресс»

КОНАН

Керк Монро
КОНАН
И УБИЙЦЫ
ЧУДОВИЩ



ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2003.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
М77

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Иллюстрации Петра Кудряшова

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.08.02.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая с ФПФ.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 10 000 экз. Заказ 4014.

Монро К.

М77 Конан и убийцы чудовищ: Роман / К. Монро. — М.:
ООО «Издательство АСТ», СПб.: «Северо-Запад Пресс»,
2003. — 406, [10] с. — (Конан).

ISBN 5-17-010620-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93699-016-9 («Северо-Запад Пресс»)

Прибыв в далекую Британию, чтобы немного отдохнуть от битв и приключений, Конан забывает о спокойной жизни, попав в компанию охотников на чудовищ. С какими только тварями не приходится столкнуться отважным воинам, искореняющим нечисть!.. И в этой борьбе их оружием становится острая сталь — но также острый ум и способность не унывать ни при каких обстоятельствах.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Conan Properties, 2003

© Серия «Конан» на русском языке.

ООО «Издательство АСТ», 2003

© Русский текст. «Северо-Запад Пресс», 2003

ISBN 5-17-010620-3

ISBN 5-93699-016-9



Предисловие автора



Если вы не знаете, что такое писательские симпозиумы, то это невеликий пробел в вашем образовании. Жалеть о том, что вас туда не приглашают, отнюдь не следует — можно найти гораздо более интересные развлечения! Это я говорю как человек, изрядно поскукавший на подобных мероприятиях и потерявший массу полезного времени.

В немыслимом захолустье (например, в Университете штата Мэн, в Огасте) собирается внушительная компания самых разнообразных представителей рода человеческого, отчего-то полагающих себя писателями. Как опытный орнитолог отличает в огромной стае птиц олушей от бакланов или чирков, так и наметанный глаз сразу выделит определенные «группы по интересам». Вон та шумную компанию, определенно интересует спрос читательского рынка на детективы и триллеры — боевики обычно пишут упитанные трусоватые джентльмены. Нависающие над ремнями животики, лоснящиеся щеки, нервные тенорки, никак не походящие на создателей героев 007 и спецагентов, поминутно спасающих мир. Ставлю сто долларов: ни один из этих господ ни разу не держал в руках ничего страшнее охотничьего ружья, а о



том, что такое рукопашный бой или многоцелевой ночной перехватчик (с помощью которого они обычно спасают самолет президента от налета террористов) грозные романисты боевого жанра знают только из дешевых журналов наподобие «Рейнджера» или последних киношедевров Поля Верховена. В частичное оправдание скажу, что часть создателей боевиков иногда заглядывают в серьезные оружейные или технические справочники, а некоторые даже служили в армии. Правда, очень давно — примерно во времена Гарри Трумэна.

Поодаль щебечет вторая группка — в основном, женщины. Очкастые девы в строгих костюмах, глубокомысленные выражения на лицах и раскрытые блокноты. Некоторые в джинсах и техасских шляпах над распушенными волосами — эти пьют не коктейли, а чистый виски. Протяжный акцент южных штатов...

Разгорается спор, в каком именно году был основан форт Канаб, на границе Аризоны и Юты. Все ясно — передо мной стайка сочинительниц вестернов. Ничего удивительного — этот вид литературного бизнеса теперь прочно оккупирован прекрасной половиной человечества, очарованной романтикой освоения Дикого Запада. И в уголке любого супермаркета вы найдете стопочку книг в мягких переплетах, живо описывающих поединок Неукротимого Джо с каким-нибудь Гнилозубым Биали и злобным индейцем Чиро Десять Черепов... Имя автора на обложке будет выглядеть совсем невинно — что-нибудь наподобие Лизелотты Литтлмаус, зато со страниц вестерна в вас преизобильно полетят кровь и мозги вкупе с индейскими стрелами и пулями сорок пятого калибра.



Ага, следующий конклав, гвардейским строем окруживший стол с пирожными и шведской закуской, смотрится куда более внушительно.

Пожилые джентльмены с неперменными трубками, при золотых очках и визитках. Ни дать, ни взять, деловой прием в госдепартаменте, где за бокалом кларета решаются судьбы мира. Точнее, миров. Это — фантасты. Разговоры — так себе. Вы не услышите никаких откровений по новым разработкам в области теории относительности или возможности посетить Альфу Центавра еще до конца бюджетного года. То и дело слышатся словечки: «чек», «продажа прав агентству Аллена и Анвина», «тираж», «сиквел». Они не создают миры, они продают их книгоиздателю...

Рядом с внушительными господами совсем не смотрится группка старых и не очень дев, с грустными влажными очами кокер-спаниелей, в которых (если присмотреться) заметен отблеск свечных люстр XVII века, освещавших пышные кринолины и драгоценные диадемы герцогинь, маркиз и баронесс, поголовно влюбленных в своих конюхов или гвардейских офицеров, которые на завтра обязаны навсегда отбыть в отдаленную колонию.

Впереди у юной герцогини (маркизы, баронессы) постылый брак с богатым стариком, грязные домогательства со стороны распутного короля Людовика и осененная печалью вечная любовь к уже упомянутому конюху или гвардейцу, раненому в Индии во время восстания сипаев!

Но утри слезу, читатель! На пятисотой странице выяснится, что конюх был сыном пэра Франции, и возлюбленные обретут друг друга до гробовой доски и после нее тоже.



Уф. Всегда хотел попробовать написать дамский роман. Уверен, что получится! Достаточно лишь хорошо изучить какие материалы шли на платья, в каких каретах разъезжали графы-герцоги-маркизы, и где в Париже продавались самые лучшие золотые блохоловки. Побольше слез, побольше страданий, одно или два самоубийства, тайное венчание в деревенской церкви, страшная смерть главного злодея (отравить крысиным ядом!) и все — роман готов.

Меня, двадцатипятилетнего мальчишку из Канады, мэтры литературы воспринимали либо как родственника одной из приглашенных на симпозиум знаменитостей, либо в качестве студента-отличника, решившего одним глазком взглянуть на мир великих. Зато потом этот юнец будет хвастаться приятелям, что вхож в круги, окружения и окружения окружений.

Бесцеремонно пользуясь столь двусмысленным положением, я взял автографы у всех, кто попался на глаза, начиная от Дэна Симмонса и заканчивая Гленом Куком, честно отсидел на полуторачасовом семинаре по жанру «Horror», который вел Стивен Кинг (вовсе, между прочим, не похожий на самого издаваемого автора планеты). Потертые джинсы и черный свитер никак не выдавали в нем одного из лучших писателей-психологов нашего времени. Так, обычный докер из бостонской гавани без зримых претензий на призрачное «величие».

Весь день продолжались семинары по различным жанрам, я наблюдал за тем, как писатели вручали призы сами себе, заглядывая то к детективистам, то к детским писателям, не зная, к чему отнести самого себя.



Дело в том, что я довольно рано женился — в девятнадцать лет. Последствия сего поступка обозначили себя через девять месяцев в виде двойняшек-близнецов, которые (как и все уважающие себя дети) с возрастом начали требовать рассказывать сказки на ночь. На некоторое время сказок хватило, но когда запасы книг Астрид Линдгрен, Тууве Янсен, Алана Александра Милна и Г.Х.Андерсена иссякли, я оказался в тупике. Поскольку живем мы в консервативном канадском Квебеке, провинции католической (а это на севере американского континента немаловажно!) пичкать малышей американской детской литературой было правилом дурного тона — ну кому, скажите, нужны, туповатые байки про Супермена или Бэтмена? И у взрослых-то эти сомнительные персонажи вызывают желудочные колики и воспаление геморроидов.

Поскольку психология ребенка закладывается с самого раннего возраста, следует направить развитие его психологического типа в нужное русло. Старые детские писатели выбрали беспроегршный ход, изобретая Красную шапочку, Муми-троллей, Карлсона, Винни-Пуха или хоббита Бильбо Бэггинса. Бесспорно, и в этих сказках наличествуют отрицательные персонажи, но согласитесь, что они вовсе не выглядят клыкасто-когтистыми монстрами с огнем и дымом, извергающимся из всех естественных отверстий. Так я и принялся сочинять коротенькие сказочки, где группа «хороших ребят» охотилась в фантастическом мире на зловредных существ, не дающих спокойно жить мирным обывателям. И ничего, получалось — детям нравилось. Наконец, близнецам надоели отдельные рассказы, и они начали требовать продолжений.



Примерно через год, мне пришла в голову мысль отослать часть сказок в США, в детский журнал «Америкэн тин» (без всякой надежды, само собой). Вскоре мне доставили чек на 250 долларов и предложили договор еще на несколько повестей. Собственно, невинная попытка развеселить собственных детей рассказами о сказочной стране и привела меня к статусу писателя средней руки.

Но вернемся в Университет Огасти. Ближе к вечеру был открыт лишь один семинар — прочие мэтры разбрелись по барам и гостиничным номерам. Табличка на двери гласила «Роберт Говард. Меч и магия». Вошел, уселся в одном из задних рядов, прислушался.

За кафедрой бушевал очкастый бородатый джентльмен, говоривший на английском с акцентом австралийца или новозеландца. Он чертил какие-то схемы, приводил никому (мне, по крайней мере, точно) неизвестные даты, доказывал, что Конан Канак (я раньше и не подозревал, что у дуболома из фильмов Дино де Лаурентиса еще и фамилия есть!) в таком-то году никак не мог оказаться на Полуденном побережье, а находился он, скорее всего в Офире...

Все это украшалось огромной, многоцветной картой придуманного Р. Говардом Хайборийского мира с обозначениями городов, храмов, рек и их притоков, дорог и всего прочего. Я бы не удивился, увидев на карте отметки бензоколонок фирмы «Тексако».

Можно смеяться, а можно рыдать над моей несчастной судьбой — я вдруг заинтересовался. Раньше я никогда не мог подумать, что мир Хайбории весьма похож на Средиземье из романа Толкина «Властелин Колец», на карту которого также нанесены все воз-



можные подробности, вплоть до придорожных кафешантанов.

Как выяснилось из программы семинара, выступал некий Олаф Бьорн Локнит, довольно известный автор в США, Австралии и Новой Зеландии. А доклад именовался претенциозно: «Унификация мира Хайбории». Лично я не до конца представляю, каким образом можно «унифицировать» три с лишним сотни романов и повестей, посвященных Вечному Герою, но если у сумасшедшего новозеландца зародилась подобная мысль, значит, такое в «говардоведении» теоретически достижимо. Впрочем, Альфа Центавра тоже достижима. И тоже теоретически.

Примерно такой вопрос я и задал мистеру Локниту по окончании семинара. Он спросил, чем я занимаюсь, выслушал невнятный ответ о сказочных и фантастических историях для журналов, вытащил визитную карточку, что-то на ней написал и вручил мне, сказав:

— Мистер Монро, хотите небольшой совет? Купите эти книжки и сравните, кто более правильно и достоверно описал одно и то же событие. Потом напишите мне. У вас есть доступ в интернет? Вот и отлично. А теперь прошу извинить — мне пора в аэропорт. Желаю удачи!

Совету я последовал. На визитной карточке мистера Локнита значились два названия: «Р. Говард, «Феникс на мече»» и «О. Локнит, «Полуночная Гроза»». Купил, прочитал. И на следующий день отослал в Окленд e-mail со своим отзывом и приписочкой — а нельзя ли и мне поработать в деле «унификации»? Попробовать?..

Не получится — что ж, переживу.

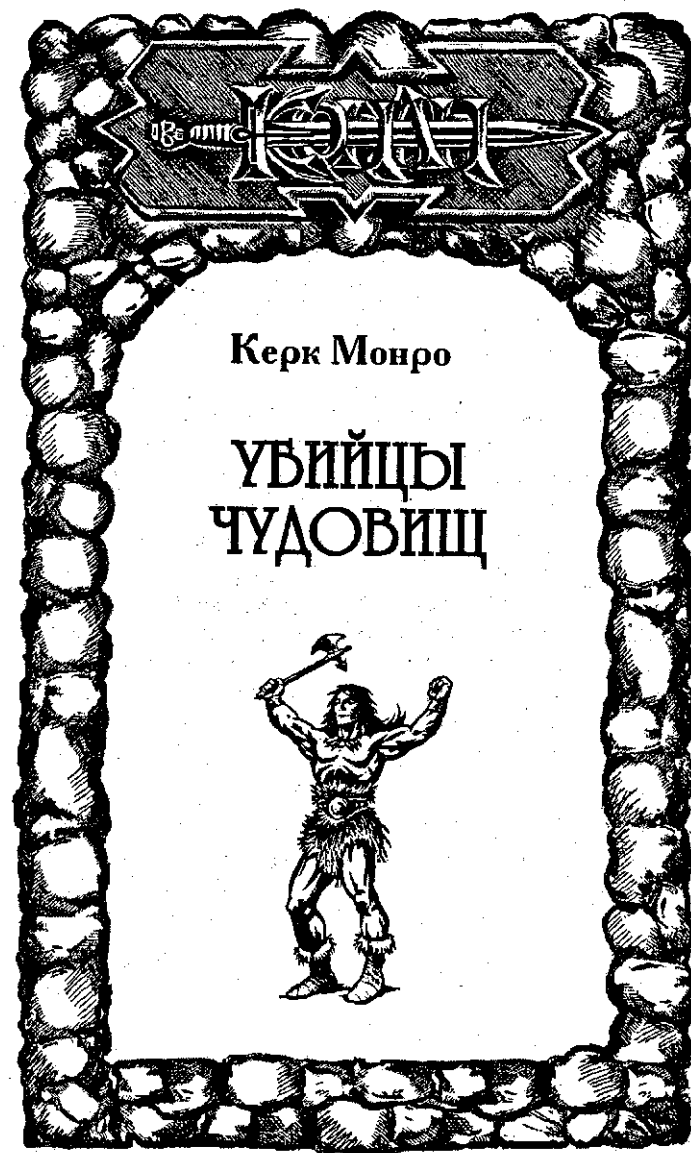


Мы уговорились на следующем: Олаф любезно позволил мне воспользоваться тремя летними месяцами 1285 года от основания Аквилонии. До этого Конан служил на каперском флоте Зингары, а осенью влип в историю с Карающей Дланью, описанную в трех повестях О. Локнита. Пробел в двенадцать недель мне можно было заполнить самостоятельно придуманными событиями.

Я немедленно припомнил сочиненные для двойняшек сказки, «подстроил» героев «под Хайборию», и за довольно быстрый срок написал четыре новеллы. Скоро появится еще несколько. Кроме того, меня отчасти вдохновляют издательские чеки, ставшие частыми гостями в моем почтовом ящике.

Не подумайте, я работаю не ради гонораров — в сероватом и неподвижном мире старика Говарда жизнь оказалась куда интереснее, чем я мог предположить. Да и подросшим близнецам мои рассказы вполне нравятся. Хотя бы потому, что я пытаюсь избежать неперенных атрибутов жанра «Меч и магия» — рек крови и мозгов стекающих по стенке. Мой цикл «Ночная Стража» скорее всего можно квалифицировать как «магический детектив», чем я весьма доволен — хватает и приключений и работы мысли.

Искренне ваш — Керк Монро
Канада, Квебек





ЧАСТЬ 1

Глава первая,

*в которой Конан Канах покупает
удивительного жеребца, а затем спорит
с Гвайнардом из Гандерланда о Вратах Миров*



*Королевство Бритуния,
Чарнина, Лето 1285 года
по основанию Аквилонии.*

Серьезное это дело — покупка лошади. Настолько серьезное, что ему следует отдать весьма много времени и усилий. Человек несведущий вряд ли обратит внимание на состояние копыт своей будущей четвероногой собственности, не посмотрит, нет ли потертостей на спине и боках от седла и подпруги, не гноятся ли глаза и нет ли паразитов в ушах, а удовлетворится лишь кратким осмотром внешних качеств да взглянет на зубы. Так лошадей не выбирают!

Посему Конан Канах явился на Красный рынок Чарнины Бритунийской вскоре после рассве-



та с отчетливым желанием провести здесь если не полный день, то хотя бы время до полудня. В Чарнине, третьем по величине и значению городе Бритунийского королевства, наименования торговых площадей отнюдь не блещут изобретательностью и остроумием. По сравнению с Шадизаром, где человек за день может посетить Телячий, Блошиный, Тряпичный, и еще почти десяток самых разнообразных рынков, бритунийцы лишним словотворчеством не увлекались — на Зеленом рынке торговали как овощами, так и любой другой снедью, на Красном продавалось все, что относится к миру животному, от овечьей шерсти до редких зверьков и верблюдов, а на Желтом — всем остальным: книгами, рабами, ювелирными изделиями, дуращим зельем из степей Гиркании и вообще любыми, необходимыми каждому человеку, вещами. Провинция, ничего тут не повишешь. Нет в Бритунии того удивительного торгового размаха, что царит на степных просторах Заморы.

Конан благополучно миновал загоны с овцами, прошествовал мимо полудесятка редких на Полуночи материка верблюдов, на «собачий ряд», где торговали псами, как породистыми, так и имеющими насквозь плебейское происхождение, даже не посмотрел, а мимо свинаярей, всю расхваливающих жирный и хрюкающий товар, предпочел пройти как можно быстрее — свинки несносно благоухали.

Вот они, лошади. И выбор неплохой. Разумеется, чистокровного пуантенского жеребца ты



здесь не найдешь, равно как и скакунов редких зингарских или туранских пород, но зато на продажу выставлено множество помесей — Конан по собственному опыту знал, что бастарды частенько превосходят по своим качествам лошадей с самыми благороднейшими и длинными родословными. Да и на что сдалась человеку, для которого конь не игрушка, не дорогое развлечение и не предмет всеобщей зависти, а верный друг и помощник, тонконогая и нервная кордавская кобыла, на которой лишь на прогулки ездить по ровным дорожкам дворянских поместий?

Извольте видеть, заморийский купец продает лохматых и приземистых, необычайно выносливых и неприхотливых лошадок степной гирканской породы. Не пойдет — гирканцы хороши для походов по степи или горам, да и маловаты они для киммерийца, вымахавшего аж до четырех локтей и трех пальцев от пят до макушки. А тут почему шумят? Ясненько, гномы из Граскальского подгорного королевства покупают себе пони — низенькие, словно игрушечные коньки идеально подходят под невеликий росточек карликов-рудознатцев. Гномы вопят, краснеют, брызжут слюной и топают ногами — торгуются. Вроде бы кошельки доверху набиты золотом, а криков столько, будто владелец табунка пони сам лично виновен во всех бедах мира, начиная от падения Небесной Горы и заканчивая прошлогодним неурожаем. Киммериец подумал, что после такой ожесточенной торговли цена на лошадок непременно упадет вдвое. Связываться с



гномами — себе дороже, хотя карлики вовсе не жадные, просто очень любят поспорить.

Тягловая и хозяйственная скотина варвара не интересовала — ну сами представьте, как будет выглядеть нормальный человек верхом на могучем боссонском тяжеловозе? Смех да и только. Боссонцы отлично подходят для перевозки больших грузов, для упряжи или работы на каменистых полях полуночной Бритунии, но только не для верховой езды. Впрочем, как Конан выяснил совсем недавно, тяжеловоз еще владеет некоторыми незаменимыми способностями, поспешествующими нынешнему, не совсем обычному, занятию киммерийца. Но не о том сейчас речь...

Ага, вот и требуемые полукровки. Выбор изрядный — несколько лошадей с преобладанием заморийской и атренской кровей, полдесятка офирских ездовых, столько же вороных двухлеток из Шема. Высокие, крепкие, каждый со своим норовом, причем далеко не всегда добродушным. Конан не особо любил злых лошадей — конечно, чужака они к себе не подпустят, но сколько ты намучаешься, пока конь привыкнет к новому хозяину, усвоит его привычки и манеру езды! Лошадь и человек всегда должны составлять взаимодополняющую пару — не будет понимания, не будет и взаимного согласия в действиях.

— Заинтересовался? — полноватый бритуниец средних лет, углядев возможного покупателя немедленно подошел к варвару. — Выбираешь для скачек, для путешествия или?..



— Или, — подтвердил Конан, пристально осматривая живой товар. — Нужен выносливый молодой конь, желательный приученный к боевому порядку. Чтобы мог действовать в строю, не боялся громких звуков, знал основные команды принятые в кавалерии стран Заката. И чтоб по-сообразительнее, а не дубовая колода с копытами! Найдется?

— Смотри сам, — пожал плечами торговец. — Вон тот, соловый, попал ко мне из Пайрогии, раньше ходил в конных сотнях короля Эльдарана. Продали оттого, что по породе не подходит, масть неправильная, извольте видеть... Государевым конникам сплошь вороных да каурых подавай. Этих двоих купил у поиздержавшихся наемников — молодые, здоровенькие жеребцы. Или кобылок предпочитаешь? Они поспокойнее да понятливее. И подешевле.

— Увидим, — удовлетворенно проворчал Конан. — Я похожу, посмотрю?

Бритуниец вторично вздернул плечи. Отошел молча — зачем надоедать знающему покупателю?

Варвар никогда не был особым придирой, но выбирать добротный товар умел. Тем более, что от коня частенько зависит жизнь его владельца — уйти от погони или настигнуть врага на порченной или больной кляче ты не сумеешь. Бывших наемничьих коньков Конан отверг сразу — у одного расколото копыто, другой оказался глуховат: не реагировал на тихое посвистывание и даже на хлопок в ладоши. Соловый жеребец вро-



де бы всем был хорош, но киммерийцу не понравился за некоторой трусоватостью — стриг ушами и приседал на задние ноги, когда подошел незнакомец. Уважающая себя лошадь обладает куда большим чувством собственного достоинства.

За полтора колокола варвар успел пренебречь почти тремя десятками скакунов самых разных мастей и характеров — первый некрасиво выглядит, второй излишне тощий, пятый злобен будто гарпия и кусается не хуже любого вампира, семнадцатый чересчур флегматичен... Но, хоть убей, выбор делать придется. Оставаться без коня Конан не собирался — считай, то же самое, что ноги себе отрубить. А погуляв несколько дней на своих двоих или покатавшись на скакунах верных соратников-сподвижников, Конан уяснил, что ходить в пешем строю ему до крайности несподручно. Ремесло обязывает к быстрому передвижению.

— Ох, ты каков! — непроизвольно выдохнул варвар, обнаружив привязанного у самой дальней коновязи гнедого. — Красавец... Давай-ка познакомимся поближе!

Гнедой скосил глаз на человека, фыркнул, выражая спокойное презрение к двуногому, но осмотреть себя позволил без лишних выкрутасов — лягаться или пускать в ход зубы не пожелал.

Классический образец гандерландской породы с примесью полуденных (скорее всего зингарских) кровей. Грудь мощная, шкура лоснится, в холке почти достигает роста киммерийца. Голо-



ва правильная, небольшая, грива коротко острижена, да и хвост подрезан. Держится с гордым хладнокровием — ни дать, ни взять, что твой герцог. Только бы гнедой не оказался собственным любимцем месьора торговца! Конан всегда доверял первому впечатлению и интуиции. Он сразу понял, что гнедой предназначен именно для него. Плевать, сколько за него запросят — денег у варвара сейчас было в избытке — не то что лошадь, дарфарского слона можно купить. Одна беда — разъезжать по Бритунии на элфанте несколько не с руки, обыватели не поймут.

— Продано, — холодно ответил бритуниец, когда Конан недвусмысленно дал понять, что собирается купить именно гнедого. — Это очень дорогая лошадь.

Сказав эти слова торговец окинул выразительным взглядом варвара, отнюдь не выглядевшего человеком, способным выложить большую сумму. И впрямь, Конан смотрелся простым и очень небогатым наемником, родом, скорее всего, из Нордхейма — серая летняя рубаша с простенькой вышивкой, полосатые асирские штаны, стоптанные мягкие сапоги да скромный суконный плащ, схваченный на плече дешевой серебряной фибулой. Откуда у такого деньги? Да ниоткуда!

— Даю в полтора раза больше против прежнего, — самоуверенно заявил варвар. — Перекупаю. От старого покупателя отбрешешься и вернешь ему золото. Итак, сколько?



Торговец помолчал, пожевал губами, проникновенно уставился на странного нордлинга и, наконец, высказался:

— В полтора раза? Оно, конечно, неплохо. Я человек честный, а посему обязан предупредить — лошадка необычная, со временем поймешь, почему... Если сразу не заметил, само собой. Тогда к четырем сотням немедийских золотых ауреев, которые я запрашивал изначально, прибавляем половину, выходит шесть сотен.

Конан ушам своим не поверил. Шестьсот ауреев? Да на такие деньжищи табун можно купить! Хорошая (даже очень хорошая!) лошадь стоит от силы ауреев двадцать, особо породистая — пятьдесят. Почитай, стоимость добротного дома с яблоневым садом, колодцем и пристройками! А тут — шестьсот!

Свою роль в необычной покупке сыграл и старый закон, который варвар давно принял сам для себя: сказал — делай! Не бросай слова на ветер, иначе выйдет побоку.

Но шесть сотен золотых чеканки Трона Дракона?.. Это чересчур. На столь огромную сумму можно целый год жить, причем не особо бедствуя!

Чем же так необычен гнедой? Не одной же статью?

— Беру, — пытаюсь не растерять невозмутимости пред лицом жадюги-торговца бросил Конан. — Как расплатиться? В немедийском золоте? А может, аквилонские Двойные Львы подойдут?



Варвар вытянул из-под плаща увесистый кошель, доверху набитый платиновыми монетами короля Аквилонии Нумедидеса. Рванул шнурки и продемонстрировал содержимое хозяину — на крупных белесо-золотых монетах скалились подерживающие королевский венец клыкастые львы и вился девиз: «Где властна воля — там путь к победе».

Хозяин лошадей только рот раскрыл.

Сделка совершилась. Надлежащая сумма в аквилонских монетах перекочевала к изумленному торговцу, Конан в придачу к гнедому получил от щедрот замечательное туранское седло с серебряными украшениями и такую же упряжь, проверил свою драгоценную покупку на небольшой арене, устроенной здесь же, на Красном рынке, и в целом остался доволен.

Гнедой слушался, сбросить нового хозяина не пытался, шел уверенно, высоко вскидывая передние ноги.

— Имя-то у него есть? — осведомился Конан напоследок.

— Сам назови, — бесстрастно ответил торговец. — И запомни — если не понравится, обратно его не возьму. С такими зверюгами предпочитаю не связываться...

На эти слова Конан не обратил никакого внимания, хотя следовало бы. Варвар забрался в седло, легонько дал шпор своему приобретению и отправился домой. Ныне домом киммерийца считался прекрасный постоялый двор «Золотое солнце», расположившийся на главной улице не-



большой Чарнины, совсем рядом с городской управой и ратушей.

Вместе с Конаном в довольно недорогих, однако тихих и вполне уютных комнатах «Солнца» расположилась довольно странная компания — выходец из Гандерланда по имени Гвайнарда, дочь нордхеймского вождя-херсира Асгерд и молодой русоволосый парень, отзывавшийся на ванирское имечко Эйнар. Эти трое, вкупе с Конаном, составляли маленькую ватагу искателей приключений, которых в государствах Заката именуют «Ночными Стражами», а попросту — охотниками на чудовищ.

* * *

Всякому известно, что чудище чудищу рознь. Вплоть до нынешнего лета Конан нечасто задумывался, в чем же состоит отличие между сотнями разновидностей клыкастых и когтистых тварей, обладающих несимпатичным видом, скверным характером и дурной привычкой доставлять людям множество самых разнообразных неприятностей.

Только после недавнего знакомства с разудалой ватагой под водительством Гвайнарда, киммериец начал понимать, что далеко не всякий монстр опасен, что мир чудовищ состоит из тварей как живых, так и не-живых, что существуют весьма значительные отличия между демонами воплощенными и не воплощенными, что Хайборию населяет как минимум два десятка видов



самых разнообразных вампиров, каждый из которых ничуть не похож на остальных...

И так далее, до полной бесконечности. «Демонология», как именовал науку о чудовищах предводитель ватаги охотников, являлась исключительно обширной областью знаний, причем настолько обширной, что у варвара частенько ум за разум заходил.

Сами подумайте, каким образом обычный человек отличит пресноводную гронгаду от гронгады болотной? Скажете, что одна обитает в пресной воде, а другая в болотах, где, по большому счету, вода тоже пресная? Глупости! Гронгада — это огромное и очень редкое насекомое, сохранившееся доселе со времен едва ли не Валузии, она действительно обитает в воде, является опасным хищником, да вот только болотная гронгада никогда не нападает на людей, предпочитая добычу помельче, а обитающая в проточных водах озер и рек полуночной части материка тварь, частенько утаскивает в пучину неосторожных купальщиков, либо просто зазевавшихся и неосторожных обитателей прибрежных поселков и хуторов. При условии, что пресноводная гронгада смахивает на гигантскую личинку стрекозы, выросшую до размеров тельца, обладает жуткими челюстями, умеет прекрасно маскироваться и атакует со стремительностью коршуна, то ее присутствие возле обжитых человеком мест становится истинным проклятием — Конан слышал, будто одна подобная чуда может за лунный месяц похитить до полутора десятков



людей. Ночные Стражи вносят гронгад в десятку главных врагов человека. Однако же следует добавить, что гронгада никакой не демон, она не обладает врожденными способностями к волшебству, не владеет даже зачатками разумности, а просто охотится за пищей, как и всякий другой хищник.

И это только один пример из тысяч подобных. Ремесло охотника на монстров подразумевает, что оный охотник обязан помнить повадки если не всех, то большинства чудищ, обитающих в землях, оберегаемых Ночной Стражей, должен уметь отличить совершенно безобидных, но жутковато выглядящих тварей от действительно опасных существ, владеть хотя бы частичным знанием магического искусства (или нанять в свою ватагу волшебника, способного управиться с порождениями колдовства), неплохо действовать как оружием, так и собственной головой, благо лишь весьма небольшая часть трудов Стражи заключается в самой охоте — выслеживание добычи отнимает гораздо больше сил и времени.

...Случилось так, что Конан три седмицы назад оказался в одной из самых захолустных провинций Закатного материка — герцогстве Райдор, что расположено на самой полуночи Бритунии, на стыке границ с Пограничьем и Гипербореей. Никакой особой цели в данном путешествии у варвара не было — желая заработать несколько десятков золотых на дорогу до Аквилонии, где король Нумедидес и герцог Пуантена Троцери собирали большую наемничью армию



для войны с пиктами, Конан нанялся в охрану крупного торгового каравана, проводил купцов из Немедии в Райдорское герцогство и собрался было в дальнюю дорогу до боссонских топей, что граничат с безбрежными лесами Пущи Пиктов.

Однако планы резко изменились. Причиной сего изменения явилась маленькая компания охотников на монстров, попросивших киммерийца помочь (за хорошее вознаграждение, разумеется) в трудном деле поимки упыря, внезапно объявившегося во владениях эрла Ронина.

Охотники показали Конану людьми симпатичными, вознаграждение достаточным, а работа нетрудной, хотя в последнем варвар ошибался — не даром считается, что все Ночные Стражи, как один, скорбны головошкой, ибо никакой нормальный человек никогда не возьмется за столь опасное и тяжелое ремесло с напрочь непредсказуемыми последствиями. Конан, который и прежде водил мимолетные знакомства с Ночными Стражами, отлично знал, что редкий охотник выдерживает хотя бы пять лет непрерывных походов и опасностей, а в абсолютном большинстве случаев погибает через год-полтора. Бесспорно, этим умалишенным платят огромные деньги (в том варвар убедился, когда ватага Гвайнарда истребила ронинского вампира), но ни за какое золото невозможно купить себе ни здоровье, ни жизнь...

Можно сколько угодно удивляться, однако командир небольшого отряда, Гвайнард, которого чаще звали просто Гваем, трудился на попри-



ще Ночной Стражи аж целых девять лет — с двадцати! — и ранен был всего однажды. Его верные соратники, а именно Асгерд из Нордхейма и Эйнар-броллайхэн тоже оставались безоговорочно верны странному ремеслу и искренне гордились столь необычным родом занятий. Следует заметить, что Эйнар вообще никаким боком не относился к человеческому роду, являясь самым настоящим Духом Природы воплотившимся в облике молодого говорливого парня с русыми волосами и вечной привычкой спорить по любому поводу.

Конан, всегда относившийся к не-людям с искренней симпатией (в числе его друзей числились и гномы, и гули Рабилов и даже самый настоящий дракон, с которым варвар раззнакомился во время недавних приключений на Полуденном побережье) поначалу не поверил, что Эйнар принадлежит к почти сказочной расе броллайхэн, народу духов-хранителей обитаемого мира, но вскоре убедился, что его никто не обманывает. Эйнар владел всеми достоинствами и недостатками броллайхэн — телесным бессмертием, даром магии Алого Пламени Равновесия и характером плохо воспитанного деревенского мальчишки: Эйнар совал нос в каждую щель, куда таковой нос пролезал, был невероятно любопытен, одновременно с этим ленив и слаб на желудок: беднягу начинало тошнить при виде единственной капли крови.

Асгерд, нордхеймская воительница и дочь асирского военного вождя, сбежавшая из дома



ради приключений, именвала Эйнара «неубиваемым балбесом» и шпыняла броллайхэн как могла: заставляла седлать лошадей, готовить на привалах еду, гоняла по поручениям, частенько совершенно бессмысленным, но перевоспитать существо, порожденное щедрым лоном природы много тысяч лет назад не могла. Эйнар упорно не желал меняться — за столь долгий срок жизни появляются навсегда устоявшиеся привычки. Асгерд, как девица решительная, в чем-то суровая (как и все нордлинги...) и нетерпимая к чужим недостаткам, мириться с разгильдяйством броллайхэн не собиралась, отчего Эйнар полагал ее своим личным проклятием.

Гвай, наблюдая за постоянными стычками своих подчиненных только посмеивался, зная, что в любом случае его ватага является одним из лучших отрядов Ночной Стражи действующих на полуночи материка.

Когда отряд, после краткого, но весьма насыщенного событиями пребывания в землях эрла Ронина изрядно отяготил свои кошельки весьма крупной суммой в золотых немедийских ауреях, неспешно возвратился в столицу герцогства, варвар совсем было решил следовать прежним планам и немедленно ехать в Аквилонию — дорога-то неблизкая!

Не хотелось попасть в осеннюю распутицу, когда тракты Пограничья, Гандерланда и Боссонии превращаются в непроходимое болото. Лето, однако, было в разгаре, а компания Гвайнарда сотоварищи Конану вполне подходила, ибо ким-



мериец прежде всего ценил в людях искренность, честность и верность, какими качествами вся троица выгодно отличалась от большинства прочих людей.

Посему Конан решил задержаться в Бритунии — аквилонцы наверняка справятся с пиктами и без участия безвестного бродяги-наемника. Тем более, что немедленно по завершению дела в Ронине ватага получила от Райдорского герцога заказ на истребление лесного мантикора, устроившего засаду на Пайрогийском тракте. Именно тогда Конан и потерял свою лошадь, которую загрызло взбешенное чудище, весьма недовольное покушением двуногих на его жизнь и охотничьи угодья.

Спустя пару дней после очередной удачной охоты ватага прибыла в Чарнину отдыхать, покупать новое снаряжение и честно проматывать заработанные денежки.

Киммериец твердо решил, что ремесло Ночного Стража ему нравится отнюдь не только потому, что оно весьма прибыльно, а сами охотники являются самыми замечательными людьми на свете, но и оттого, что он впервые за много лет нашел работу, которая доставляла ему искреннее удовольствие (если, конечно, не считать времени проведенного в Зингаре на хлопотливой должности капитана судна королевских корсаров).

Желание уехать в Аквилонию постепенно иссякло. Конан остался в ватаге Гвайнарда по меньшей мере до осени. А дальше видно будет.



* * *

— Ты что купил?!

— Лошадь. Очень красивый молодой жеребец! Выложил кучу денег...

— Конан, я почти уверен, что тебя в детстве стократно роняли из колыбели, и ты всегда ударялся головой! Ты животное осмотрел?

— Гвай, да в чем дело-то? Он не болен, ведет себя смирно, пускай и с характером. Уверен, мы с ним притерпимся друг ко другу.

— Спрашиваю, ты лошадь осматривал?

— От носа до хвоста! Хватит орать, я тебе не кабацкий мальчишка!

— А зубы? Зубы видел? Балда!

Конан призадумался. Будучи увлеченным статью гнедого, его необычным спокойно-независимым характером и внешней красотой, варвар удовлетворился лишь внешним осмотром покупки. Конь совершенно здоров, кормили его хорошо, заботились...

Правда, прежний владелец что-то мимолетно сказал о том, что он «с такими зверюгами предпочитает не иметь дела», но вдруг гнедой просто не любил торговца?

У животных, как и у людей, развиты чувства приязни и неприязни. Сейчас конь вполне благочинно стоит в яслях таверны «Золотое Солнце» и поглядывает на раскрасневшегося от непонятной Конану злости Гвайнарда с высокомерной безмятежностью.

В конце концов, при чем тут зубы гнедого?



Гвай помолчал, тяжело вздохнул и проникновенно глянул на варвара своими невозмутимыми глазами человека, привыкшего к любым неожиданностям.

— Ты на одном только прокормлении этой твари разоришься, — сообщил Гвай. — Хочешь, покажу?

— Что покажешь? — не понял варвар.

Гвайнард развернулся на каблучке, нурнул в боковую дверь, ведущую во внутренние помещения постоянного двора и почти сразу вернулся. В ладони предводителя бравой ватаги находился кусок сырого бараньего мяса. На земляной пол конюшни падали холодные кровавые капли.

— Сам его угошай, — проворчал Гвай, подавая Конану добытую на кухне грудинку. — Иначе этот гад мне ладонь откусит...

— Мясо? — варвар поднял брови. — И кто здесь сумасшедший, ты или я? Кони баранину не едят, это я знаю точно. Гвай, некоторые шутки Ночной Стражи я доселе никак не могу понять!

— А ты попробуй, — бесстрастно сказал Гвайнард. — Покорми милую лошадку лучшей баранинкой. И тогда поймешь, о чем я. Давай, не бойся. Ты теперь хозяин гнедого, тебя зверь не тронет.

Конан, ощущая себя законченным идиотом, забрал мясо и поднес его к морде жеребца на раскрытой ладони. Конь обнюхал приношение, довольно фыркнул, поднял верхнюю губу и аккуратно забрал грудинку.



Киммериец шарахнулся в сторону, будто от ядовитой змеи. Едва не упал, споткнувшись о кожаное ведро, наполненное водой. Ведро, конечно, перевернулось. Гнедой вовсю жевал.

— Увидел? — с непередаваемо ехидной интонацией спросил Гвай. — Поздравляю с удачным приобретением.

— Боги всеблагое... — простонал Конан, оторопело глядя на гнедого. — Этого... Такого просто не бывает! Это же просто лошады!

Гнедой, с удовольствием заглотивший баранью грудинку смотрел на хозяина если не с обожанием, то с заметной благосклонностью. Из-за мягких лошадиных губ сияли мраморной белизной жуткие зубищи — буквально как у натурального льва из Стигийских пустошей. Клыки с человеческий палец длиной, острые резцы — с полпальца. Язык же был раздвоен, будто у змеи...

Выглядел конь жутковато, даже по мнению много повидавшего Конана.

— Это не просто лошады, — наставительно сообщил Гвай и хитро прищурился. — Это сартак. Всамделишный сартак, опасный, но приручаемый хищник. С виду — обычная лошады, а по сущности настоящий волк или леопард. Тварь из чужой Сферы... Не ожидал, что у тебя, Конан, столь утонченный вкус. Где добыл?

— На рынке... — зачарованно сказал варвар, не обратив внимание на слова Гвая о каких-то «чужих Сферах». — Шестьсот золотых, а? За демона! Торговца убью!



— Во-первых, сартак не является демоном, — сказал Гвай. — Это живое существо. Во-вторых, торговца следует не убить, а взять за жаберки и аккуратно допросить — откуда появился столь необычный товар. Жди меня на улице, я кликну остальных. Похоже, появилась работа, которую я так долго ждал!

С этой загадочной фразой Гвайнарда исчез в недрах таверны, а киммериец остался стоять в недоумении. Клыки у гнедого никак не желали исчезать. Они были вполне настоящими. А варвар привык доверять своему зрению.

— Торговца — убью! — вновь процедил Конан. — Кругом одни жулики!

* * *

Еще одной положительной чертой Гвая была привычка никогда не бросать слов на ветер. Недоговаривал — бывало, отказывался что-нибудь объяснить или рассказать — тоже, но если уж говорил, значит его слова содержали истинную правду.

Очень давно (около шести-семи тысяч лет назад, как утверждают ученые мужи), материк, впоследствии получивший название «Закатного» или «Туранского», поразило невероятное бедствие — рухнула Небесная Гора.

Она, как заверял Гвай, цела и доселе, погребенная в недрах Граскаальского кряжа, однако в нынешние времена люди почти позабыли о сем порождении Верхней Сферы. И совершенно зря.



Последствия великой катастрофы давали знать о себе донныне. Хотя бы в виде порталов-врат, ведущих в иные миры.

Врата появились непосредственно в момент Падения — огромный выброс тепла и силы, которую люди именуют «магической» вызвал невиданное прежде явление, поименованное слиянием или сопряжением Сфер. Известно, что обитаемая Вселенная состоит отнюдь не из единственного населенного мира — тысячи иных планов бытия незримо соседствуют с Хайборией, рассеченные непроходимыми стенами, разделяющими пространство и время. Когда Небесная Гора столкнулась с материком Заката равновесие миров было нарушено — образовались порталы, кои опоясали место Падения концентрическими кругами.

Во времена, последовавшие за гибелью цивилизации альбов и уничтожением крепости Роты-Всадника, на континенте насчитывалось до восьмидесяти Врат, ведущих в самые невероятные миры, однако, когда равновесие начало восстанавливаться, большинство порталов закрылось — вначале были заперты Врата отстоявшие от Небесной горы на наибольшем расстоянии, затем исчезли более близкие порталы (одно из таких Врат находится в Руазельском лесу, неподалеку от столицы Аквилонии), а к нынешней эпохе сохранились лишь пять или шесть действующих порталов в Бритунии, Пограничье и Гиперборе. То есть возле Граскаальского кряжа, в котором сокрыта Небесная Гора.



Следует заметить, что большинство порталов открывается всего на несколько дней в году, когда равновесие миров бывает нарушено противостоянием луны, солнца и планет, но и тогда никто не может с полной уверенностью сказать, как долго будет отверста «червоточина» — Врата непостоянны, а проникновение в пределы чужого мира есть предприятие крайне опасное и непредсказуемое: войдешь и не вернешься.

Впрочем, род человеческий всегда мог похвастаться излишне ретивыми и весьма предприимчивыми авантюристами, способными ради приключений и баснословной прибыли рискнуть своей головой, а значит Врата не остались без внимания людей, желающих неплохо заработать и обрести массу неприятностей...

— Заработать? — поразился Конан, внимательно слушавший объяснения Гвайнарда. — Ты полагаешь, что в чужой Сфере можно заработать? Каким образом?

— Не далее как сегодня ты стал тому весьма показательным примером, — Гвай усмехнулся, вспоминая необычную лошадку, ныне отдыхавшую в яслях конюшни при постоялом дворе. — Из порталов обычно привозят необычных животных, которые очень высоко ценятся у скупающего дворянства, странные артефакты, которые с удовольствием покупают маги, волшебные предметы и обереги... Чужие миры богаты редкостями.

— Оно и понятно, — философски заметил шествовавший рядом Эйнар. — Только надо



слегка поправить достойного Гвайнарда. «Чужое», бесспорно, опасно и непознаваемо, а вот «иное»... Я ведь для вас не чужой, но иной. Иное всегда привлекательно, экзотично и почти безопасно. Большинство вещей попадающих к нам из других Сфер как раз иные, но не чужие. Понимаете, о чем я?

Конан только поморщился. Тотчас после данного заявления Эйнара среди месьюров охотников завязался долгий и, на трезвый взгляд варвара, напрочь бесполезный спор, касаемый вещей, понятных только Ночным Стражам. Чужое, Иное, Наше, Не Наше...

Киммериец всегда делил предметы одушевленные и неодушевленные на две части: опасное и не опасное. Последнего отчего-то всегда оказывалось больше.

«Давайте рассудим, — думал Конан, — если Эйнар не-человек, а воплощенный Дух Природы, тот самый «иной», он опасен? Ничего подобного! Сколько раз броллайхэн вытаскивал всю нашу компанию из неприятностей, ни разу, даже в самых тяжелых положениях, не показал спину, не трусил и не оказался в последних рядах при большой драке... Конечно, он долго живет среди людей, отлично знает лучшие и худшие качества нашей двуногой породы, и следует лучшим. За что броллайхэн можно только уважать. Но Эйнар все равно Иной! И гномы такие же. И гули из Рабиоров. Так что же, всех не-людей Хайбории полагать опасными? Или вот например Рэльтонн. Нелюдь зубастая, явился к нам из немис-



лимых далей, упырь, вампир и кровосос, и в то же время очень хороший человек...»

Конан фыркнул под нос, в который раз подумав, насколько странная компания соратников и попутчиков ему досталась. Дело в том, что в ватагу Стражей кроме троих людей и Эйнара негласно входил еще один... э-э... Конан даже не знал как выразиться точнее. Варвар по привычке называл это существо человеком, но таковым оно не вовсе являлось. То есть, оно выглядело почти как человек, имело две руки, две ноги, голову и туловище, разговаривало на бритунийском, аквилонском и туранском языках, умело читать, писать и знало главнейшие философские трактаты древних и современных мудрецов, по учености могло соперничать с самыми выдающимися магами или учеными мужами Тарантии или Бельверуса, но... Но Рэльгонн был вампиром. Причем не простым вампиром, а существом пришедшим в Хайборию через те самые Врата, кои были некогда открыты Небесной Горой.

Рэльгонн, как и положено всякому уважающему себя вампиру, появлялся только ночами, был бледен как смерть, владел набором устрашающих треугольных зубов, сходявшихся друг с другом наподобие зубчиков шестеренки и огромными желтыми глазами без зрачков; он не переносил солнечный свет и умел мгновенно перемещаться на огромные расстояния. Собственно, месьор Рэль (так называл упыря Гвайнарда) был вовсе не вампиром, а каттаканом — существом, явившимся в Хайборию из-за Грани Мира. Как



выяснилось, каттаканы были почти бессмертны, иногда питались живой кровью, однако являлись на редкость обходительными и умными тварями, от скуки вызвавшимися помогать бесптолковому человечеству — оказалось, что Гвай и упырь, обитавший в заброшенном замке Рудна, знакомы много лет, причем Рэльгонн с удовольствием оказывал ватаге Ночных Стражей всевозможное содействие в увлекательном деле охоты на настоящих чудовищ.

Признаться, никто бы не справился с обязанностями разведчика и тайного соглядатая лучше каттакана. Именно желтоглазый Рэльгонн выследил кровавого упыря из Ронинского поместья, помог уничтожить вурдалаков, засевших на фамильном кладбище графа Этьера, вампир доставлял Стражам последние новости о событиях на полуночи Бритунии и вообще был незаменимым партнером месьоров охотников. Конан подозревал, что своей многолетней успешной деятельностью на поприще Ночной Стражи Гвай обязан именно упырю, владевшему воистину невероятными способностями, недоступными никакому волшебнику, и в целом не ошибался.

Впрочем, Гвайнард и сам был не промах. Этот невысокий, широкоплечий и на удивление добрый парень, в молодости служивший в Латеране — тайной службе Трона Льва — умел прежде всего думать, а уж затем пускать в ход оружие. Он ухитрился подобрать себе идеальную команду (пускай и очень небольшую), за несколько лет завоевал уважение бритунийцев, начиная от



великих герцогов и заканчивая распоследними хуторянами из непролазных дебрей Райдора, ему (что, по мнению Конана, было немаловажно) много платили за труды, а отряд с удивительным радушием принимали и в замках благороднейших дворян, и в домах бородатых кметов — настоящие охотники на монстров, знаменитые Ночные Стражи, ценились куда выше знаменитых магов или обыкновенных деревенских знахарей, по большей части являвшихся бездарями и шарлатанами.

Прежде Конан никогда не ходил в отрядах Ночной Стражи, пускай и знал некоторые ухищрения охотников — варвару доводилось сталкиваться в крайне неприятными существами, как живыми, так и не-живыми, каковые подлежали незамедлительному уничтожению за свою зубастость и скверные привычки: приобретенная понаслышке наука всегда оказывалась полезной. Но теперь, всего за несколько седмиц киммериец узнал так много нового, что обретенные знания буквально не уместались в голове.

Мир чудовищ оказался куда более разнообразным и многоликим, чем полагал Конан, но варвар был уверен, что любые новые познания всегда пригодятся — кто знает, что однажды встретится на дороге? По крайней мере теперь Конан мог с уверенностью перечислить десятки разновидностей чудовищ, отличить вполне мирное, но страховидно выглядящее животное от действительно опасной твари и не шарахался от обычного болотного ящера. Тем более, что



означенные ящеры крайне редко нападают на людей.

...О порталах киммериец был наслышан и прежде, а так называемые «Степные Врата», расположенные в степях Гиркании видел самолично — несколько гигантских каменных глыб и впрямь отдаленно напоминали ворота, ведущие в никуда: гирканский портал бездействовал много столетий. Гвай же уверял, будто Врата могут быть расположены где угодно и как угодно выглядеть — примером тому служил портал в заброшенной крепости Рудна, через который в Хайборию пришли каттаканы. Рудненские Врата некогда раскрылись прямиком в подвале замка и смотрелись обычной дыркой в стене. Но Рэльтон и несколько его сородичей не успели вернуться домой — портал неожиданно захлопнулся, а каттаканы навсегда застряли в чужом для них мире и со временем людская молва превратила их в персонажей страшеньких легенд о ночных упырях-кровопийцах.

— ...Врата могут представлять большую опасность, — объяснял Гвайнард внимательно слушающему варвару. — Почему? Да очень просто! Боги не зря разделили миры непроходимыми стенами. Ну, допустим, в одной из соседних Сфер может обитать некое существо, которое у себя дома не представляет никакой опасности и тамошние разумные обитатели полагают его милым домашним животным, наподобие кошки или кролика. Но дело-то в том, что хозяева сей «кошечки» сами являются, к примеру, каменны-



ми троллями или великанами, а прелестная зверюшка выглядит чудовищем, размером с быка, с клыками, когтями и пламенем из пасти. Но для жителей иного мира оно не кажется чем-то страшным или опасным. Понятно?

— Можно привести и обратный пример, — поддержал Гвая Эйнар. — Вообразим, что наша кошка оказывается в соседней Сфере, населенной человечками размером с палец и от голода начинает охотиться на них, будто на обычных мышей. Вполне естественно, что несчастные карлики сочтут пушистого котика жутким монстром и немедленно наймут тамошних Ночных Стражей для истребления кровавого демона. Если, конечно, у них есть Ночные Стражи... Так вот: изредка, через временно открывшиеся порталы, в наш мир лезет немыслимая гадость. Сартак, которого ты купил, по сравнению с некоторыми чужаками покажется всего лишь безобидной ошибкой природы, хотя дикие сартаки могут быть опаснее любого тигра. Ты, Конан, еще не знаешь всех способностей своего нового дружка.

— А в чем, собственно, дело? — наострил уши варвар, подозревая, что неприятные особенности сартака отнюдь не ограничиваются зубастостью и плотоядностью.

— Этот зверь замечательный имитатор, — сказал Эйнар. — Сартаки умеют копировать любые звуки. Частенько они подзывают жертву именно таким образом — изображают как кричит самка или раненое животное, могут рыдать,



будто маленький ребенок, иногда разучивают несколько человеческих слов и в точности воспроизводят голос хозяина... Если, конечно, сартак приручен.

— Кошмар, — поморщилась молчаливая доселе Асгерд. — Если еще и лошадь начнет ругаться, как Конан, то я уйду из отряда. Короче, вот Красный рынок. Где торговец?

— Идем, покажу, — киммериец уверенно повел соратников мимо загонов для скотины к «лошадиному ряду».

Варвар почему-то решил, что недобросовестный бритуниец, продавший ему весьма необычную лошадку обязательно скроется от грядущего возмездия со стороны возмущенного покупателя. Ничего подобного. Полный краснолицый торговец не отходил от своей коновязи. А когда перед ним появился пышущий благородным негодованием Конан, даже бровью не повел. Взглянул на варвара и его приятелей, скрестил руки на груди и проворчал:

— Я же говорил — обратно товар не возьму. Видел же, что покупал.

— Я хотел купить лошадь! — взвился Конан. — А не волка в конской шкуре! Знаешь, что в Шадизаре делают с надувалами? Объяснить?

Киммериец картинно положил ладонь на рукоять клинка.

— Уймись, — Гвай подтолкнул варвара кулаком в бок. — Уважаемый, я прошу простить моего друга за несдержанность, но ты сам понимаешь, что он слегка... расстроен. Конечно, мы



оставим лошадь себе и не будем требовать возвращения денег...

— Шестьсот ауреев! — рявкнул Конан, но Гвай снова приказал ему замолчать.

— Мое имя Гвайнард из Гандерланда, — сказал предводитель отряда торговцу. — Я и мои друзья...

— Знаю, — преспокойно кивнул бритуниец. — Я слышал о тебе. Гильдия Ночной Стражи, верно? Слухи о ваших похождениях в Райдоре и Ронине докатились и до Чарнины. Полагаю, ты жаждешь узнать, откуда у меня появился сартак? Верно, товар редкий, можно сказать уникальный... Хорошо, я расскажу.

* * *

— Гвай, это безумие! Я всегда знал, что ты у нас слабоват на голову, но не до такой же степени! Соваться за Грань Мира!? Благодарю за предложение, но я отказываюсь!

— Между прочим, Конан непогрешимо прав. Если Врата закроются, мы останемся в чужой Сфере как минимум на полгода, до следующего противостояния планет. А если портал вдруг закроется навсегда, то... Я даже не хочу представлять, что случится потом.

Астерд смотрела на Гвайнарда крайне неодобрительно и в кои-то веки безоговорочно поддержала мнение киммерийца, коего доселе полагала слишком неопытным — надо же, не проходил в ватаге и четырех седмиз, а лезет с советами к



матерущим ловцам чудовищ! Гвай, однако, был непреклонен.

— Во-первых, я никого за собой на аркане не тащу. Во-вторых, ты, Астерд, преувеличиваешь опасность. Если я верно рассчитал, Врата будут открыты до начала осени, пока солнце не начнет убывать. В-третьих, вам, часом, не напомнить некоторые законы нашей гильдии? Если Ночные стражи видят нечто, угрожающее спокойствию нашего мира, любую угрозу извне, мы обязаны вмешаться. Денег, само собой, нам никто не заплатит, но по-моему сейчас никто из нас не бедствует и не голодает. Если уж Конан решил купить зубастое чудо за шестьсот золотых, значит на хлеб и пиво ему пока хватает.

— Сколько можно повторять: я купил не чудо, а лошадь! — разъярился варвар. — И ты совершенно зря не позволил начистить рыло проклятому торгашу! Навсегда бы запомнил, как торговать монстрами! Что прикажешь теперь делать с этим... как его?.. сартаком? Не убивать же?

— Зачем убивать? — изумился Гвай. — Зверь приручен, если ты будешь хорошо к нему относиться, то он превратится в верного друга и союзника. Сартаки гораздо сообразительнее обычных лошадей, а некоторые знатоки утверждают, будто они владеют зачатками настоящего разума... Вдобавок, сартак сможет помочь нам избежать некоторых серьезных опасностей за Гранью.

— Я в портал не лезу, — твердо заявил Конан. — Ни за какие деньги. Ну... если только за



очень большие. — Действительно, на практичный взгляд киммерийца, бравый командир ватаги задумал сущую глупость — Гвай решил пройти через Бритунийские Врата и раз и навсегда отбить у любителей необычной контрабанды желание привозить на материк Заката необычных и, частенько, весьма опасных тварей, обитающих вне человеческого мира. Конан, после обстоятельных расспросов выяснил, что по большому счету в деятельности торговцев странными животными нет ничего противозаконного — никакие королевские указы или постановления городских магистратов не запрещали людям ходить через Врата и привозить оттуда необычных тварей или магические предметы. Кроме того, Гвай не учел, что контрабандой занимаются люди отчаянные, смелые и никак не желающие расставаться с таким серьезным источником дохода.

Варвар, отлично знавший, что с отлично организованными шайками контрабандистов лучше не связываться, немедленно высказал свои сомнения — каким это, любопытно, образом, досточтимый месьор Гвайнард предполагает перекрыть канал сбыта всяко-разных сартаков и прочих иномировых чуд, располагая лишь тремя соратниками, собственной головой и нордхеймским мечом? Неужто означенный Гвайнард не понимает, что в этом (абсолютно безнадежном!) деле ему придется столкнуться с многочисленной и решительной компанией дельцов, которые скорее бросят в колодец собственную мать, чем откажутся от баснословных прибылей. Если сле-



довать логике Гвая, то получается, что крохотная ватага Ночных Стражей таким же образом может объявить войну королю Бритунии или вчетвером отправиться завоевывать Стигию.

— Ты пойми, — напряженно втолковывал киммериец, — никому и никогда не удавалось обставить большую, сплоченную и наверняка поддерживаемую властями или местными магнатами банду! Полагаю, что барон, на землях которого стоят Врата, получает свою десятину с прибылей этих странных контрабандистов! Вот помню, лет несколько тому, я хаживал в отряде Карелы Ястреба, так эта изумительная стерва сумела окрутить даже одного немедийского графа — ихняя светлость брал с наших доходов пятнадцатую часть за то, что его дружина закрывала глаза на наши проделки и беспрепятственно пропускала обозы с запрещенными товарами через перевалы, в Аквилонию.

— Карела? — нахмурился Гвай, будто припоминая. — Рыжая такая? Отлично ее помню! Милая, хотя несколько взбалмошная девушка. Она помогала моей ватаге шесть годков назад, мы тогда ловили дракона-амфинтерна на границе Бритунии и Немедии. Вот не думал, что у нас обнаружатся общие знакомые!

— Не переводи разговор в другое русло, — орызнулся Конан, хотя его слегка ошеломило сообщение о том, что столь самовлюбленная особа как Карела Ястреб могла помогать Ночным Стражам. Впрочем, рыжая разбойница всегда была непоследовательной в своих действиях и



пристрастиях. — Гвай, ты считать умеешь? Нас четверо! *Четверо!* Что нам сообщил торгош? Только то, что Врата стоят в предгорьях Граскааля, а сартака ему продал какой-то Четырехпалый Ларн, скорее всего, просто перекупщик. Теперь представь: мы вчетвером объявляем войну многочисленной шайке оторвиголов, которым плевать на свою жизнь и безопасность, ибо никакой разумный человек не станет соваться за колдовские Врата! У нас нет никаких шансов. Да и зачем нам ввязываться? Ты сам говорил, будто сартак приручен и безопасен, надо полагать и прочие звери, доставляемые в Хайборию через порталы не представляют большой угрозы нашему миру.

— Много ты понимаешь, — внезапно озлился Гвайнард, хотя обычно, для того, чтобы вызвать его гнев требовались поистине титанические усилия. — В прошлом году из портала к нам была доставлена статуя. Обычная статуя получеловека — полульва, очень похожая на офирских или стигийских сфинксов. Купил редкостное произведение искусства эрл Альдоа — это маленькое княжество на Полудне. А спустя месяц статуя ожила, подчинила себе и самого эрла и его семейство вкупе с дружиной, превратив обычных мирных провинциалов в отряд смертников, жаждущих завоевать для своего нового божества новые земли и новые народы... С этим «сфинксом» едва управились три самых знающих мага Бритунии и Заморы вкупе с пятью тысячами гвардейцев короля Эльдарана. Причем двое из трех магов погибли, а от гвардейского отряда



ущелела едва ли половина. Ясно? Из-за Грани привезли чужого бога! Магическое существо, наделенное огромной разрушительной мощью, не понимающее и не признающее законы и традиции нашего мира. Если хочешь, могу привести еще несколько примеров, причем куда менее безобидных. Врата не благо — это бедствие. И мы обязаны с этим бедствием управиться.

— Кто обязан, а кто и не очень, — проворчал Конан.

— Еще раз говорю, тебя никто не заставляет. Не хочешь идти с нами — все дороги перед тобой, — Гвай подумал и добавил уже куда более спокойным голосом. — Хотя, мне будет жаль, если ты уйдешь.

— А кто тебе сказал, будто я уйду? — вздернул брови киммериец. — Клянусь своей жизнью и всеми богами, ты просто опасный сумасшедший... Так что ты собираешься делать в этих проклятыми Вратами?





Глава вторая,

*в которой киммериец попадает
в чужую Сферу, оказавшуюся
не столь уж и удаленной от Хайбории*



Спустя два дня

Ей мир собственного названия не имеет, контрабандисты же именуют его «Аурус», что по-аквилонски значит «Золотой». Вероятно, это связано как с доходами, которые приносят шайке ограбление Ауруса, так и с некоторыми природными особенностями — трава и листья тамошних деревьев в большинстве своем имеют ослепительно-золотой цвет осени...

Перед Конаном и компанией восседало удивительное создание. Существо мирно потягивало подогретое красное вино из глиняной кружки, мерцало желтыми шаровидными глазами без зрачков, а гладкий лысый череп отражал огоньки свечей и ламп. Одевался желтоглазый скромно — просторный, не сковывающий движений



черный балахон с капюшоном, на груди поблескивает серебряный медальон в виде свернувшегося в кольцо тощего дракончика. Когда ночной гость приоткрывал рот, Конан невольно морщился — из-за тонких губ визитера показывались острейшие, белые с синевой, нечеловеческие зубы. Добавим к столь непривлекательному облику острые крупные уши, немигающий змеиный взгляд, длинные пальцы, оканчивающиеся изогнутыми отполированными ногтями, нездоровую серовато-белую дряблую кожу и с тем почтем образ законченным.

Настоящий вампир из жутких сказок, которые хорошо слушать на ночь у камина, под заывание зимней вьюги!

Рэльтонн, самопровозглашенный эрл замка Рудна, что в танстве Керново, вовсе и не отрицал свою вампирью сущность. Да, кровь ему пить приходится. Иногда. И только у неразумных животных. А солнечных лучей он боится потому, что горячее дневное светило обожжет его чувствительную белую кожу, да настолько сильно, что можно запросто умереть. Ночует он в своем полуразрушенном замке, однако не в гробу или склепе, а в отлично обустроенном и наглухо скрытом от любопытствующих людей подвале, расположенном на большой глубине. По большому счету в этом и состоят главные отличия месьора Рэльтонна от человека. А на врожденные магические способности упыря можно не обращать внимания — такое случается и в человеческих семьях, правда, крайне редко.



Рудненский упырь, как и положено, явился вскоре после полуночи — просто возник из пустоты, сразу очутившись в самом удобном кресле, коим располагали скромные комнаты занятые Ночными Стражами на постоялом дворе. Рэльгонн вежливо поздоровался с каждым, потребовал вина, устроился поудобнее и принялся рассказывать.

Еще прошлой ночью Гвайнард, при помощи Эйнара вызвал упыря и попросил как можно быстрее разведать все, что только возможно о Бритунийских Вратах и шайке контрабандистов, доставляющих из соседней Сферы животных и артефакты на продажу. Рэльгонн, как и всегда, не стал задавать лишних вопросов, а попросту растворился в воздухе, отправившись на поиски. Если учитывать его возможность мгновенно перемещаться с места на место и редкие способности к перевоплощению и мысленному внушению, можно было надеяться, что первые сведения появятся уже следующей ночью.

Так и получилось — упырь никогда не подводил охотников, с которыми дружил уже несколько лет. Едва Конан вернулся с вечерней прогулки на зубастом сартаке-коне и успел накормить свое приобретение свиным окороком (дабы не пугать прочих постояльцев таверны необычными пристрастиями гнедого, варвар выпросил у хозяина «Золотого Солнца» отдельные ясли для сартака), как прибежал Эйнар и позвал киммерийца наверх — Асгерд накрыла скромный ужин, да и послушать рассказ месьора Рэля



следовало каждому: Гвай утверждал, будто сила Ночной Стражи состоит не в мечах и арбалетных стрелах, а в знании. Конан соглашался с данным постулатом лишь частично, полагая что силы и ума должно быть почти поровну. С небольшим преобладанием силы, конечно.

— Аурус необитаем, — размеренно глаголил упырь, не забывая подливать в кружку свое любимое пуантенское вино. — Я имею в виду, что данная Сфера не населена разумными существами. Животные, птицы — сколько угодно, но человека или его подобия на Аурусе нет. Вернее, нет туземцев, обитающих в этом мире изначально. Разумеется, это лишь поверхностное впечатление — полностью исследовать Аурус за одну ночь невозможно никому.

— Один момент! — перебил Рэльгонна киммериец. — А откуда тогда появляются всякие нехорошие вещицы, вроде сфинкса из поместья Альдой? Мне Гвайнард давеча рассказывал, будто...

— Знаю, — отмахнулся месьор Рэль. — Надо думать, что разумное сообщество Ауруса, цивилизация этой Сферы, погибла много столетий назад по причине нам не известной. Эпидемия, всеобщая война, некая катастрофа наподобие падения Небесной Горы... Все, что угодно! Однако, после бедствия осталось многочисленное население бывших повелителей Ауруса — развалины замков и поселений, заброшенные святилища. Замечу, эти существа не являлись людьми. Как они выглядели в точности неясно, но



судя по некоторым изображениям и скульптурам я сделал вывод, что человеком на Аурусе и не пахло.

— А где это, интересно, ты видел такие изображения? — осведомился Эйнар с ноткой недоверия в голосе. — У контрабандистов?

— Зачем такие сложности? — пожал плечами Рэльгонн. — Просто минувшей ночью я прогулялся через Врата на Аурус и осмотрел близлежащие достопримечательности. Там действительно много древних зданий и нетронутых никем руин... Когда большинство Врат было открыто, я побывал во многих Сферах Вселенной. От скуки. Аурус тоже был в их числе, но раньше меня не привлекали опустевшие миры, которые лишены живого и разумного сообщества. Теперь же мне стало любопытно узнать, кто именно населял Аурус во времена, когда на его золотых равнинах кипела жизнь. Впрочем, мои переживания не имеют отношения к делу. Ну что, рассказать самое интересное?

— Рассказать! — хором потребовали охотники.

— Всегда удивлялся невероятной приспособляемости и изворотливости рода человеческого! — патетично провозгласил Рэльгонн. — Гвай, ты вроде бы говорил, будто хочешь навсегда закрыть контрабандистам проход в чужой мир?

— И от слов своих отказываться на собираюсь, — твердо сказал Гвайнард.

— Боюсь, обстоятельства вынудят, — Рэльгонн невесело усмехнулся. — Ты, наверное не



знаешь, что за последние годы на Аурусе образовалась большая колония людей. Не менее двух тысяч человек.

— Чего?! — Гвайнард подался вперед. — Каким образом?

— Обычным. Бритунийские Врата на редкость стабильны — портал открывается два раза в год на девять седмиц. Летом и зимой. Так происходит уже много тысячелетий и, как можно предполагать, продолжится еще незнамо сколько лет. Вы знаете как заселялось Пограничное королевство? Беглые кметы, которым надоели притеснения землевладельцев, безземельные баронские сыночки, жаждущие основать собственный фамильный лен на ничейных землях, просто неудачники, не сумевшие найти себе подходящего занятия в цивилизованных государствах... В истории с Аурусом получилось точно так же. Вначале туда перебралось несколько крестьянских семей, которые были готовы уйти куда угодно, в том числе и в чужую Сферу, только бы избежать разорительных набегов варваров и неприкрытого грабежа со стороны наглых сеньоров. И вообразите, люди там прижились! А потому как проход обратно, в Хайборию, периодически открывается, они решили воспользоваться своим положением и начать торговлю... За последние тридцать-сорок лет на Аурус переселились сотни людей, образовав там маленькое государство. Продуктами они обеспечены, благо наша пшеница отлично растет на полях Ауруса, а наши коровы и овцы дают молоко и прекрасно размно-



жаются. Но вот большинство изделий мастеровых и ремесленников жители Ауруса покупают в Хайбории. За деньги, вырученные от незаконной торговли. Гвайнард, теперь ты понимаешь, что столкнулся не с обычной шайкой, занимающейся контрабандой меж мирами, а с большим сообществом людей, которым надо выжить в чужой Сфере?

— Демоны зеленые! — огорченно ругнулся Гвай. — Ничего себе новости! Никогда не мог предположить, что все настолько сложно.

— Все гораздо сложнее, — мрачно дополнила Астерд. — Если даже мы, Ночные Стражи, люди весьма осведомленные в многих секретах, доселе никогда не слышали о колонизации соседнего мира нашими соплеменниками, то какую же таинственность развели нынешние жители этого Ауруса! Да узнай любой могучий и богатый владыка о целом мире, незаселенном людьми, он мигом прибрал бы Аурус к рукам! Это же золотое дно! Опустевшая Сфера, хранящая бесчисленные богатства, несчитанные людьми!.. Уважаю тамошних жителей — настолько крепко хранить свою тайну!

— И за эту тайну они умрут, — кивнув, подтвердил Конан. — Гвай, от дела придется отказаться.

— Ни-за-что, — по слогам произнес Гвайнард. — Если серьезно подумать, то даже из этого положения можно найти выход. Рэльгонн, где находятся Врата Бритунии?



* * *

Конан, понаблюдав за упырем из Рудны несколько седмиц, лишь диву давался: необычный приятель Гвайнарда за удивительно краткий срок умел разведать и разнюхать все, что требовали Ночные стражи. Каттакан ухитрялся проникать куда угодно — от подземных казематов и тайных храмов до самых охраняемых сокровищниц и королевских дворцов; Рэльгонн мог познаться с любым человеком и сразу вызвать его доверие, правда для этого ему приходилось «очеловечивать» свой неприятный облик и пускать в ход магию убеждения. Он мог достать что угодно и откуда угодно — совсем недавно упырь доставил из Иранистана редкий амулет, пригодившийся в деле поимки демона-оборотня, случайно сбежавшего из лаборатории придворного волшебника короля Эльдарана, причем Рэльгонн слетал туда-обратно всего за два с половиной оборота клепсидры. Для него не существовало стен и преград, что, по мнению киммерийца, было великим даром — окажись каттакан в славном Шадизаре, ему цены не было бы! Однако Рэльгонн всегда возвращал «позаимствованные на время» вещи их владельцам, ибо придерживался своего неизменного кодекса чести, ясно гласившего, что воровать нехорошо. Всех положительных качеств Рэльгонна и не перечислишь, и одно из них состояло в том, что каттакану была напрочь чужда фантазия. У него полностью отсутствовало воображение и врать упырь по-



просту не умел. Поэтому любая небывальщина, изреченная устами месьора Рэля, всегда оказывалась истинной правдой. Как и в случае с таинственным Аурусом, миром соседним.

Если изложить велеречивое повествование упыря кратким слогом, то выходило, что человеческая колония в соседней Сфере расположилась лигах в семи от Врат, причем вокруг главного поселения были выстроены еще четыре крупных хутора, почти деревни. Жилища людей неплохо защищены, потому что опасностей на Аурусе хватает, а местные хищники оказались не прочь изредка побаловаться человечинкой или домашними животными.

Возглавляет этот странный анклав беглый бритунийский тан, которого власти королевства некогда приговорили не то к повешению, не то к рудникам за государственную измену. Тан, не будь дураком, не стал дожидаться исполнения приговора, увел за Грань Мира часть дружины и семью, после чего быстро захватил власть в колонии и построил некое подобие укрепленного замка.

Следует упомянуть, что именно этот дворянин и есть глава «контрабандистов» переправляющих товары из Ауруса на Закатный материк и обратно. Одни только прирученные сартаки дают ему доход, сопоставимый с налоговыми сборами с целого графства! И это не считая раскопанных на руинах городов Первородных (так именовали нынешние обитатели Ауруса вымерших предшественников) редкостей и сокровищ...



Несомненно, у бывшего тана есть много помощников и доверенных лиц в Хайбории, иначе он не сумел бы наладить тайную торговлю в Полуночной Бритунии. Рэльгонн похвастался, будто обнаружил одного из перекупщиков в Чарнине — таковым оказался (подумать только!) сам прецептор городской стражи. Немудрено, что дозвательная и сыскная управы даже понятия не имеют о сети подпольных торговцев, а если и имеют, то предпочитают ничего не замечать.

— Господин прецептор? — почесал в затылке Гвай, услышав данное сообщение упыря. — Как же, с месьором Лентулом мы отлично знакомы. А я-то, дурак, всегда полагал его честным человеком!

— А он и есть честный человек, — возразил Рэльгонн. — Ничего запрещенного законом прецептор не делает, если не считать того, что Лентул поддерживает отношения с приговоренным государственным преступником, тем самым таном, возглавившим анклав Ауруса. Все делается к взаимной выгоде: за Врата идут ткани, вино и оружие, оттуда — милые домашние зверьки и дивные изделия давно исчезнувших чужаков... Прошлым вечером я явился к месьору Лентулу под видом покупателя, представился магом из Немедии и выразил желание приобрести буллета. Чтобы поместье охранял, вместо цепного пса. И что вы думаете? Мне пообещали доставить молодого буллета примерно через две седмицы.

В комнате повисло ошеломленное молчание. Лишь Конан не уяснил, в чем соль.



— А что такое «буллет»? — жадно спросил киммериец, наблюдая за вытянувшимися лицами соратников.

— Акул на Полуденном побережье видел? — Гвай поднял взгляд на варвара.

— Конечно. Этих тварей особенно много у берегов Шема и Стигии. Мы иногда били их гарпунами.

— Так вот: буллет, это... гхм... сухопутная акула. Ты не смейся, я не шучу. Тварь выглядит как акула и кусается как акула, только бежит на четырех ножках, причем очень резво. Не знал, что буллетов вывозят именно с Ауруса, думал, что они порождены каким-то другим миром. Жуть какая! Как они там умудряются жить?

— Я только что говорил о невероятной приспособляемости человечества, — напомнил Рэльгонн и повернулся к Конану. — Гвайнард действительно не шутит. Буллеты частенько вырастают до десяти шагов в длину, они очень опасны и прожорливы, а некоторые особенно смелые... или безрассудные люди покупают их в качестве сторожей. Буллета сложно приручить, но если это удалось, лучшего стража и придумать нельзя. Кстати, месьор Лентул запросил за некрупного самца две тысячи монет, в аквилонских кесарях. Хапуга!

— Жизнь сложна и интересна, — покачал головой Эйнар. — Теперь и я начинаю задумываться о целесообразности путешествия на Аурус. Что и кому мы собираемся доказать? Гвай,



как ты это видишь? Мы являемся к тамошнему тану, вежливо раскланиваемся и убедительно просим отказаться от торговли хищниками только потому, что их и в Хайбории более чем хватает? Можно еще посетовать на тяжкую долю Ночной Стражи: мол и без ваших, достойный месьор, домашних любимчиков дел не впрок — там вампир, тут демон, слева арфаксата, справа гронгада, впереди бальберит, а за спиной огнедышащий дракон! Заняты — сил нет, а вы, сударь, нам еще и буллетов да сартаков подсовываете... Прощения просим, но давайте-ка сворачивать торговлю. Ха! Если нас просто повесят на воротах, будем считать, что повезло! А ведь могут и скормить какому-нибудь особо зубастому зверю. По кусочкам.

— Хорошо, хорошо, — поморщился Гвай. — Уговорили. Воевать с жителями Ауруса не будем. Как насчет просто прогуляться за Врата и разведать что там к чему? Должны же мы знать степень опасности, исходящей из Бритунийского портала? Что будем делать, если в один прекрасный день оттуда полезут стаи озверелых буллетов, уяснивших, что добычу проще и безопаснее искать на Закатном материке?

— Несколько тысяч лет не лезли, а тут вдруг задумают устроить нашествие? — скептически фыркнула Асгерд. — Чепуха. А насчет «разведать»?.. Проси Рэльгонна, полагаю он не будет против. Я не хочу идти на Аурус. Бессмысленно и опасно. Напомню: монстры и в нашем мире не перевелись, работы пока хватает.



— Но... — заикнулся Гвай и не увидев среди ватаги никакой поддержки, угрюмо замолчал.

— Можно я скажу? — с любезно-ехидной пло-
тоядной улыбочкой вампира, завидевшего в ноч-
ном лесу заблудившуюся графскую дочку, по-
просил Рэльгонн. — Кажется, я понял в чем де-
ло. Достойному Гвайнарду отчего-то очень хо-
чется побывать в соседней Сфере. Истинная
причина столь эксцентричного желания от меня
скрыта, однако Гвай, прикрываясь высокими
словами о долге и кодексе Ночной Стражи,
упорно стремится заглянуть по ту сторону
Врат. Я прав?

— Отцепись, — нахмурился Гвайнард. — Вы
как хотите, а я завтра же отправлюсь к господину
прецептору стражи. Найдется о чем потолко-
вать.

— Все понятно, — удовлетворенно кивнул Эй-
нар. — Гвай просто завидует Конану. Он сам
возжелал купить жеребца, способного насмерть
закусать всех чудовищ в округе. Если дискуссия
о Вратах Миров закончена, то можно я отпра-
влюсь спать? Сегодня мы ровным счетом ничего
не добились, только языки всласть почесали да
наслушались красивых баек Рэльгонна. Делом
надо заниматься, други, а не проводить время в
бестолковых спорах.

— Как нельзя более согласен, — хмыкнул
упырь. — Благодарю за ужин и вино. Если я по-
требуюсь — позовите следующей ночью.

Каттакан величественным жестом запахнулся
в черный плащ и с тем отбыл.



Конан дружески потрепал Гвайнарда по пле-
чу, сказав:

— Не расстраивайся. Дался тебе этот портал!
Что изменится в нашем мире от появления од-
ной лишней сухопутной акулы?

— Ничего. Но только у нас акулы должны
жить в воде, а не бегать по лесам!

* * *

Невысокие стены Чарнины остались далеко
позади, лесной тракт извивался среди холмов,
поросших унылым серо-зеленым ельником, где-
то в чаще панически орали птицы, вероятно
напуганные хищником. День выдался жаркий,
однако тень деревьев спасала от палящих сол-
нечных лучей, а ветерок с гор делал путеше-
ствие почти приятным.

Это была старая торговая дорога на Гипербо-
рею, проложенная лет двести тому, при короле
Гундамире Строителе. Их величество совершен-
но справедливо полагал, что нормальная жизнь
страны обеспечивается прежде всего добрыми и
безопасными дорогами, и посему за три десятка
лет правления успел опутать Бритунию сетью
ухаженных мощеных трактов. Между прочим,
именно королю Гундамиру принадлежала свет-
лая идея построить главный торговый путь ма-
терика, знаменитую Дорогу Королей — эту за-
думку воплотили в жизнь уже после смерти дея-
тельного монарха, так и не увидевшего свое
главное детище воочию. В любом случае, бриту-



нийцы и поныне вспоминают Гундамира добрым словом, благо выложенные гранитными плитами тракты исправно служили подданным королевства добрых двадцать десятилетий.

К сожалению тракт со временем пришел в упадок — им перестали пользоваться когда появилась новая и более короткая дорога на Пограничье, через Вольфгард и перевал Скалы Черепа. Щели меж плитами заросли травой, дорожная стража покинула сторожевые башни, выстроенные на холмах на каждой пятой лиге, но любой путешественник, собравшийся посетить граскаальские предгорья и самые полуночные графства Бритунии, выбирал именно этот тракт.

За время от полудня до шестого колокола Конан и Гвай не встретили на дороге ни одной живой души, если не считать многочисленного и непуганого лесного зверья, от кабанов и оленей до пушистой мелюзги наподобие белок или енотов. Было заметно, что Гиперборейский тракт ведет в самое дремучее захолустье — возле гор располагались два маленьких баронства и земли тана Рагварта, владевшего серебряными рудниками. Гвай не преминул сообщить, что предгорья населены мало и могут похвалиться лишь двумя десятками небольших деревень да редкими хуторами. В этих местах человек считался тварью редкостной, ибо леса Полуночи всегда были недружелюбны к людям.

— Именно здесь можно встретить множество существ, которые в представлении любого горожанина относятся к области чистейших выду-



мок, — неспешно рассказывал Гвайнард, покачиваясь в седле. — Лесные гоблины, глорхи или, допустим, василиски отнюдь не вымерли. Полуночные леса богаты живыми древностями, сохранившимися со времен Кхарии потому, что человек сюда пока не добрался. Люди живут маленькими общинами, обрабатывают свои поля или копаются в шахтах, но в лес предпочитают не соваться. Знают, что это может быть опасно...

Конан слушал, изредка кивал или переспрашивал, но в действительности думал о том, что опять стгоряча ввязался в безумную авантюру, от которой не следует ждать ни достойной прибыли, ни особого удовольствия. Никто не спорит, киммериец и прежде не сторонился приключений (обычно они сами его находили...), хотя вплоть до нынешнего лета Конан предпочитал не бросаться в огонь да полымя по личному желанию, только ради забавы. Обычно счастье Конану сопутствовало, но всем известно, что судьба изменчива и однажды можно будет запросто потерять голову ни за что, ни про что.

Но... Не бросать же Гвайнарда в одиночестве? Во-первых, настоящие друзья так не поступают, во-вторых Конан в Чарнине умирал от скуки — интересной работы пока не предвиделось. Почему бы тогда не устроить краткую трехдневную экспедицию на Аурус, тем более, что Гвай заверил: на рассвете четвертого дня они благополучно вернутся в город.

Асгерд и Эйнар ехать наотрез отказались, и, вдобавок, нашли себе дело, с которым могли



управиться без помощи Гвайнарда и киммерийца. Наутро, после памятного разговора с Рэльтонном, в таверну прибежал перепуганный владелец большого скотного двора, сообщил, будто в его владениях завелось чудовище и без лишних слов выложил на стол пятьдесят ауреев в качестве аванса за работу.

Если верить описаниям заказчика, выходило, что ненаглядных свинок и коровок месьора скотника портит обыкновенший оригс, сиречь не крупный летучий вампир, смахивающий на летучую мышшь-переростка. Поскольку это животное ничего особенно жуткого из себя не представляло, броллайхэн вместе с Асгерд приняли заказ, сказав, что для истребления парцивого оригса орава в четыре человека не потребна, а значит месьор Гвайнард может катиться на все восемь сторон света заодно прихватив с собой варвара. Если Гваю и Конану угодно испытать судьбу за Вратами Мира — их никто не будет слезно умолять остаться! Последствия, как всегда, за свой счет.

Долго уговаривать Гвайнарда не потребовалось. Быстро собрав нужные вещи и оружие, киммериец вкупе с бравым предводителем отряда оседлали коней (точнее, одного коня и одного сартака) и отправились в путь, предварительно заглянув в управу городской стражи — Гвай исполнил свое жгучее желание вдумчиво побеседовать с господином прецептором.

Месьор Лентул оказался милым пухлым старичком с седой ухоженной бородкой и шаровид-



ным животиком, нависавшим над ремнем, украшенным длинным эстоком, какой обычно носят гвардейские кавалеристы. Черно-синяя форма королевского чиновника шла Лентулу не больше, чем корове седло, но правила есть правила — появляться на службе в статском платье запрещалось.

— Гвайнард! — толстяк, едва заведя нежданных гостей, восторженно закатил глаза, будто его скромный кабинет посетили не двое безвестных охотников в полосатых асирских штанах и дорожных куртках, а лично великий герцог, а то и сам король Эльдаран. — Не ждал, не ждал! Но все равно очень рад! Эй, там, вина мне и почтенным Ночным Стражам! С чем пожаловал? А это кто? В твоей ватаге пополнение? Конан Канах из Киммерии? Счастлив приветствовать!

И так далее в том же духе. Лентул делал вид, что визит охотников для него столь же радостен, как и явление святого Эпимитриуса, суетился, восклицал, и вообще очень мельтешил. Однако, Конан заметил, что взгляд у старичка внимательный, профессионально-цепкий и умный. Ничего удивительного: если Лентул так долго занимает высокую и ответственную должность прецептора в третьем по величине городе страны, то можно сделать один вывод — этот человек владеет своим ремеслом в совершенстве. Варвар всегда относился к представителям власти и сыска с прохладцей и сразу понял, что с Лентулом лучше не связываться — этот безобидный по виду старикан может устроить любому не-



другу и нарушителю закона массу самых изощренных неприятностей.

— Итак, чем могу помочь? — месьор Лентул уселся в кресло, сложил ладони и вопросительно уставился на Гвайнарда. — Людьми, сведениями? Найти нужного человека? Или ты сам хочешь сообщить что-то, способное заинтересовать королевское дознание? Я всегда к услугам Ночной Стражи, ты же знаешь!

— Знаю, — легко согласился Гвай. — Мне нужна... Как бы сказать поточнее? Нужно нечто вроде охранной грамоты. Чтобы жители Ауруса не приняли нас за опасных чужаков или согладатаев.

Лентул остался невозмутим, только в глубине льдисто-серых глаз вспыхнул нехороший огонек. Выдержав паузу, господин прецептор проворчал: — Значит, Аурус? Не ждал, что Стражи так быстро нападут на след. Что ты теперь собираешься делать? Жаловаться герцогу?

— Я мог бы, — спокойно ответил Гвай. — Но не буду. Смысла не вижу. Торговать вы все равно не перестанете.

— Не перестанем, — Лентул согласно опустил веки. — Можно вопросик? Ты собираешься за Врата по надобностям ремесла или просто ради развлечения?

— И то, и другое. Я не желаю никому вредить. Если от вашей контрабанды зависит жизнь поселенцев Ауруса — торгуйте сколько угодно, только не увлекайтесь. Мы закроем глаза на прирученных сартаков, но увидев тварь, способ-



ную и готовую убивать... Сам понимаешь, долго думать в подобных случаях мы не приучены.

Гвай проникновенно взглянул на господина прецептора, тот ответил легким кивком.

— Договорились, увлекаться не будем. Бумагу к тану Арнульффу я тебе напишу. Правитель он неплохой, но весьма своеобразный... Да собственно, каким еще может быть человек, добровольно поселившийся в мире, где есть только чудовища и опасности? Ладно, это лирика. Что еще ты хочешь узнать?

Спустя полколокола Гвай и Конан вышли из двухэтажного обшарпанного здания управы городской стражи, забрались в седла и направились к Полуночным воротам Чарнины.

Оба были вполне довольны разговором — месьор Лентул понял Гвайнарда с полуслова и не стал опускаться до пошлых оправданий или отпираательства. Бесспорно, прецептора несколько задел тот факт, что его деятельность на попроще тайной торговли открылась, он старик знал, что Ночным Стражам можно доверять — если Гвай сказал, что не выдаст, значит так тому и быть.

Кроме письма к возглавлявшему человеческую колонию на Аурусе тану Арнульффу, месьор Лентул выдал охотникам нарисованный на листе пергамента план населенных земель Ауруса, назвал некоторые важные ориентиры и дал несколько важных советов — чего стоит остерегаться, как безопасно устроить лагерь для ночевки и как обойти возможные препятствия. Было



видно, что прецептор бывал в Мире Соседнем, а значит, к его рекомендациям стоило прислушаться. Узнав, что у Конана вместо обычного коня под седлом настоящий сартак, Лентул одобрительно воскликнул:

— Это очень хорошо! Зверь поможет вам уберечься от возможных неприятностей. Кстати, большинство подданных Арнульфа ездят именно на сартаках. Что ж, если решились — отправляйтесь. Гвай, когда... Когда и если вернетесь, загляни ко мне. Хочу узнать последние новости с Ауруса. И последнее: учтите, Аурус это не Хайбория. Это гораздо хуже.

— Что же может быть хуже нашего завшивленного мирка? — озадачился Конан. — Господин прецептор, данные слова следует полагать предупреждением или шуткой?

— Никаких шуток. С подобными вещами я предпочитаю не шутить. И вам не советую.

* * *

— Гвай, и все-таки, зачем мы туда едем? Почему ты ничего не хочешь объяснить?

— Я объяснял двадцать раз. А ты, наверное, невнимательно слушал. Мне очень не нравится то, что из-за Грани к нам попадают вещицы, способные причинить большой вред.

— И одновременно ты сам признал: остановить контрабанду мы не в силах. Если уж торговцев поддерживает сам прецептор стражи, доверенное лицо великого герцога... Похоже, Лен-



тул неплохо зарабатывает на перепродаже артефактов и животных.

— Понимаешь ли, — задумчиво сказал Гвайнард. — Есть у меня подозрение, что тут затевается очень серьезная и глубокая интрига. Месьор Лентул удивительно легко согласился помочь нам, а это наводит на размышления.

— Сказки! Он испугался, что мы донесем королевскому наместнику! Какая еще интрига? Вывести из портала некое жуткое монстра и запустить его в спальню короля Эльдарана? Или, например, благородный господин прецептор вошел в сговор с какими-нибудь очень агрессивными разумными тварями Ауруса, сохранившимися после катастрофы, и помогает им готовить вторжение в Хайборию? Бред!

— Верно, бред, — согласился Гвай. — Мы ничего не знаем о планах Лентула и его сообщников, если, конечно, таковые планы имеются... Знаешь, давай не забивать голову ненужными мыслями. Будем считать, что мы отправляемся на увеселительную прогулку. Только придется слушать в оба уха и смотреть в оба глаза — вдруг случайно узнаем нечто важное? Сердце мне отчего-то вещует: мы случайно прикоснулись к одной из наиболее охраняемых тайн Бритунии, да вот только не представляем в чем данная тайна состоит! И угораздило же тебя купить сартака вместо лошади!

Гнедой, словно учуяв, что люди говорят именно о нем, покосился на Гвайнарда с презрительным негодованием. За несколько дней знакомст-



ва с редкостным зверем, Конан начал подозревать, что разговоры о полумразумности сартаков — отнюдь не пустая болтовня. Тварь отчасти понимала человеческую речь, узнавала хозяина по голосу и, наконец, подтвердила свои способности имитатора — минувшим утром Гвайнарда обругал сартака, загородившего ему дорогу, после чего командир отряда был отослан Гнедым в весьма отдаленном направлении, причем сартак в точности скопировал интонации недовольного жизнью Конана. Сие незамысловатое, но весьма энергичное речение привело в замешательство даже выдавшего вида киммерийца, ибо он никогда прежде не встречал лошадей, знакомых с площадной бранью.

По дороге, занявшей большую часть дня, Гнедой (варвар, затруднившись избрать для сартака подходящее имя, не особо мудрствуя, решил назвать его по цвету масти) вел себя вполне прилично, как самый обыкновенный ездовой конь. Слушался команд, на единственном привале начал мирно пощипывать травку, будто опровергая репутацию плотоядного хищника. Гвай объяснил, что если зверю не хватает мясной пицци, то некоторое время он вполне может пробавляться и подножным кормом, чем немало успокоил Конана — киммериец был всерьез озабочен прокормлением сартака: достать большое количество мяса в глуши, в походе, было почти невозможно, а такая здоровенная скотина наверняка прожорливее любого тигра. Или, может быть, отпустить Гнедого на охоту во время ночевки?..



По словам Рэлыгонна, Бритунийские Врата находились возле самых гор, то есть, вем желающим попасть с Закатного материка на Аурус следовало пропустить поворот тракта на Гиперборейский перевал, свернуть на Полуденный закат и пройти через лес до первых скальных выходов Граскаалы. А там, сказал упырь, не ошибетесь.

Конан посчитал такие объяснения чересчур расплывчатыми и предпочитал ориентироваться по плану, выданному шустрому чарнинским прецептором. Гвай же оставался напрочь невозмутим и следил за дорогой вполглаза. Когда всадники, следуя рекомендациям рудненского упыря, оставили дорогу и нырнули в чащу, киммериец забеспокоился — не было даже намека на тропу! Заблудиться проще простого!

— Ничего подобного, — отмахнулся Гвайнарда. — Полагаю...

Что именно полагал Гвай варвару узнать не удалось. Слух уловил неприятный сухой щелчок арбалетной тетивы, тяжелый стальной болт ударил по стволу древней сосны в трех ладонях от головы Конана, расщепив кору. Прямо перед копытами лошадей в землю воткнулись четыре белооперенные лучные стрелы.

Сартак злобно взвизгнул и повернул голову в сторону черного бурелома — наверняка именно среди поваленных деревьев засели вооруженные недоброжелатели.

— Оружие не трогать... — шикнул Гвай, увидев как варвар схватился за рукоять меча. —



Помнишь, месьор Лентул говорил, будто Врата охраняют? — И уже громче: — Эй, покажитесь! Мы из Чарнины!

— А мы из Кхитая, — гроыхнул из полутьмы сочный бас. — Слезайте с седел! Возьметесь за клинки — наспигуем стрелами, ровно ежей иглами!

Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться. Конан, на всякий случай взял сартака коротко, под узду.

Вдруг клыкастая лошадка решит, что на хозяина напали и ринется в бой? Эйнар, вроде, говорил, что сартак может запросто справиться с человеком...

Из бурелома показался здоровенный бородатый детина средних лет. Все как положено: из-под старого колушка видны рукава кольчуги, меч и кинжал на поясе, в руке саострел. Причем, тетива натянута, а на ложе красуется стрела.

— Кто таковы? — недружелюбно осведомился бородач. — Отчего по лесу едете, а не по тракту? Наш вельможный тан не любит, когда по его лесам шляются всякие...

— Мы тебе не «всякие», — буркнул Гвай. — Едем к тану Арнульф с депешей от прецептора Чарнины Лентула. Понял?

— К Арнульф, значит? — детина прищурился. — Бумагу дай глянуть. Да не мнись, как девка, мы грамоте обучены, буквы разбирать умем. И что-то рожи ваши мне прежде знакомы не были...



Письмо перекочевало к бородатому, тот внимательно рассмотрел свиток, оценил печать господина прецептора и поднял суровый взгляд на Гвайнарда.

— Тут написано, будто у вас есть знак. Что вы люди свои, а не согладатаи. Показывай.

— Знак? — Гвай повернулся к Конану. — Ничего не понимаю! Лентул не давал нам никакого знака!

В этот момент Гнедой громко фыркнул, обращая на себя внимание, и поднял верхнюю губу, демонстрируя впечатляющий арсенал острых зубов. Выпростал серый раздвоенный язык, поводил им вправо-влево, щелкнул клыками и для эффектного финала представления громогласно изрек слово, которым обычно именуют самку домашней собаки. Относился данный эпитет, без сомнения, к бородатому лесовику с арбалетом. Конанова наука шла сартаку впрок.

Да уж, вот тебе и «знак». Убедительнее не бывает.

— Ага! Знакомая тварь! — многозначительно прогудел детинушка и внезапно подобрел. — Ладно, теперь я вам верю. Забирайте свой пергамент месьоры, да храните тщательнее — тан Арнульф суть человек подозрительный... Когда собираетесь на ту сторону перебраться? Прямоком сегодня? Учтите, за Вратами день длится немного дольше чем у нас, там теперь середина дня, хотя здесь вечер. Меня зовут Торд с Озерного Рога, команду балбесами оберегающими дорогу к Вратам, когда они открыты...



— Озерный Рог? — припомнил Гвай. — Как же, бывал. У вас четвертым годом в окрестностях устроил логово носферат, которого мы и прикончили...

— Точно, — почему-то обрадовался Торд, — страшная, прямо сказать, была чуда — сколько народу перекусала! Так ты из Ночных Стражей что ли?

Слово за слово, итого сотня слов. Наигранная суровость Торда волшебным образом улетучилась, он кликнул своих — компанию из полудесятка таких же заросших до самых глаз, вооруженных и мрачноватых лешаков — и вызвался провести друзей светлейшего прецептора Лентула прямоиком ко Вратам.

Из неспешного разговора, проистекавшего по дороге, Конан выяснил, что охрана тропинок ведущих к portalу и непосредственно самих Врат поставлена исключительно грамотно — не иначе чарнинский прецептор, искушенный в подобных играх по роду службы, постарался. Летом и зимой, на время действия портала, его брали в плотное кольцо несколько отрядов, подчиненных непосредственно Лентулу и его сообщнику за Вратами — Арнульф. Никаких просек, по которым могли бы двигаться караваны, никаких отметин на деревьях, по которым непосвященный мог бы найти дорогу. У самого портала — постоянная засада, числом до полутора десятков поданных Арнульфы. Никто не должен знать, где находится прореха в ткани тварного мира. Все допропорядочные поданные Бритунии обя-



заны знать, что далекие полуночные леса необитаемы и опасны — чудовища, разбойники (за которых отлично могли сойти диковые охранители портала), хищные звери и прочие ужасы прекрасно отпугивали любопытствующих.

Товары из-за Грани перевозились на вьючных лошадях или сартаках, причем наивозможно скрытно — шли по лесам, избегая трактов, на которых иногда появлялась Дорожная Стража герцога. Полагая, что Гвай и Конан действительно являются доверенными месьюра Лентула, Торд беспечно выдал один из важных секретов контрабандистов: оказывается, главным перевалочным пунктом для торговцев было собственное обширное поместье прецептора, расположенное к полуночи от Чарнины. Туда и доставлялись найденные на Аурусе странные предметы, животные или драгоценности, а уж каким образом предприимчивый Лентул находил покупателей и как переправлял товар в другие города королевства, того Торд не ведал, ибо не его это дело.

Пейзаж разительно менялся — исчезали труднопроходимые чащобы, замещаясь характерными для плоскогорий лугами и сосновыми перелесками, впереди воздвиглась синеватая стена Граскаала, украшенная сияющими под лучами закатного солнца ледниками. Торд со своими головорезами уверенно вел гостей через всхолмья и мелкие речушки, направляясь к одному ему известной точке — если бы не план на пергаменте, в который приходилось периодически заглядывать, то Конан окончательно потерял бы на-



правление. Вообще-то, они отъехали от тракта не столь и далеко, от силы на шесть лиг, однако местность была сложной даже для привыкшего к путешествиям варвара. В предгорьях всегда так — сотня шагов направо или налево, и ты уже не узнаешь знакомые места.

Не доезжая лучного перестрела до отдельно стоящей скалы, подножие которой укрывали заросли орешника, Торд приказал остановиться, приложил ладони ко рту и огласил окрестности каскадом заковыристых звуков, изображавших панические возгласы вожаков кабаньего стада, окруженного волками. Выглядело весьма натурально, это Конан мог подтвердить со всей ответственностью — создавалось полное впечатление, будто рядом пробегает многочисленный свиной гурт. Ответ на хрюканье и неблагозвучные визги, издаваемые Тордом, не заставил себя долго ждать — вначале послышался трубный глас горного оленя, а затем из-за валунов и кустарника показали человеческие силуэты.

— Кого привели? — предводитель засадного отряда подошел к всадникам. Судя по неременной бороде и схожему вооружению, он был знаком с Тордом давно и прочно. — Новые поселенцы, или как?

— Посланные достопочтенного Лентула, — ответил Торд и подтолкнул Гвайнарда, чтобы показал депешу.

Пока шли объяснения, Конан озадаченно рассматривал охранителей, благо одевались они весьма необычно — неприметные плащи из тонкой



шерсти вначале показались варвару серыми или земляными, но оказалось, что ткань меняет цвет в зависимости от освещения, становясь то травянисто-зеленой, то болотной.

Да что плащи! Вся одежда стражей была пошита из материала, который удивительным образом маскировал человека! Буквально только что Конан увидел, как один из угрюмых громил уселся на гранитные обломки, и вдруг исчез — ткань моментом приобрела буроватую с серыми прожилками окраску валунов. Только когда страж портала шевельнулся, Конан уяснил, что зрение его не подвело и бородач никуда не пропал.

— Коли готовы — идем, покажу Врата, — сказал Торд. — Ходили когда за Грань?

— Нет, нет, — в один голос ответили Гвай и киммериец, хотя Конан слегка покривил душой. Ему приходилось сталкиваться с порталами, но не с природными, а магическими — некогда варвара случайно занесло в Сферу, которую населяли змееногие, еле выбрался.

Впечатления от того путешествия остались самые неблагоприятные, тем более, что в мире змееногих пришлось столкнуться с покровительством этому народу Сетом, а у варвара и древнего божества были весьма напряженные отношения еще со времен пребывания Конана в Шадизаре.

Тогда, по нелепой случайности, виновником которой являлся молодой киммериец, аватару Сета, его человеческое воплощение, принесли в



жертву Сету же, и, как легко догадаться Великий Змееног остался очень недоволен. Впрочем, это совсем другая история.

— Возьмите-ка вот это, — Торд, покопался в седельных сумках, вытащил оттуда небольшие свертки и вручил Гвайнарду. — Таном приказано, чтоб каждый из гостей имел надлежащее облачение. Во избежание, так сказать... Превесьма полезительная одежда. Заметили, какие плащи наши ребята таскают? Покрашено особым отваром из трав, какие на Аурусе растут — от любых злых глаз укроют, а глаз таковых в соседней Сфере хоть отбавляй.

— Разве? — удивился Конан, разворачивая плащ и набрасывая на плечи. Ткань была необычайно мягкой и одновременно очень прочной — явно не овчина. Может, выткано из шерсти какого-то неизвестного в Хайбории животного, обитающего по ту сторону? — А Лентул говорил нам, будто в землях Ауруса у человека нет врагов. Если, конечно, не считать дикого зверья и всяких чудищ.

— Люди говорят, — Торд понизил голос, словно боялся быть услышанным кем-то посторонним, — что Первородные, те, которые города там строили, никуда не ушли. Они просто спят, ждут своего часа... Хотя, может и врут — человек, он на выдумки завсегда горазд. Плащики берегите — если не от Первородных, то от хищников укроют. И следите повнимательнее, как сартак будет себя вести. Для этой лошадки Аурус — дом родной.



К скале прошли по узкой, но натопанной тропке, один за другим. Впереди Торд, вслед поспешал Гвай, арьергард составляли Конан и слегка пританцовывающий на ходу сартак — почувствовал, скотина, что домой возвращается. Варвар, выдавший Степные Врата Гиркании, приготовился узреть впечатляющее каменное сооружение в виде арки или портика, однако Торд вывел своих подопечных на большую поляну, украшенную совсем небольшим, шагов десять в диаметре, озерцом, и не без торжественности провозгласил:

— Извольте видеть, достойные месьюры, перед вами Бритунийские Врата. За ними — чужой мир.

— Где Врата? — не понял Конан. Вокруг наблюдались только ветви ореховой поросли с шариками недозревших плодов, сероватый монолит скального выхода, да большая лужа, которую и озером-то назвать было можно с очень большой натяжкой. Никаких признаков портала.

— Погляди сюда, — Торд присел на корточки на берегу пруда и опустил ладонь в серебристую воду, чем-то напоминавшую ртуть, какую используют в кузнечном деле. — Я сам остаюсь в Хайбории, а вот пальцы уже на Аурусе. Осторожненько войдите в воду и очутитесь за Гранью. Чего стоите рты раскрыв?

— Рэльгонна я однажды собственноручно придушу, — шепнул варвару Гвай. — Мог бы и объяснить, что Врата выглядят настолько... оригинально. Я-то думал!..



— Отвыкай думать, — буркнул Конан, сам отчасти смущенный необычным видом портала. — Воображаю, как мы будем смотреться на той стороне. Хороши гостюшки — вымокшие до нитки. Идем, нечего рассусоливать. Если уж решились, надо действовать.

— Еще раз повторяю, будьте осторожнее, — напутствовал Торд. — С тропы не сворачивайте и попробуйте добраться до замка тана Арнульфа до темноты. Пусть удача останется с вами!

Конан вошел в воду уже по пояс, однако ничего особенного не чувствовал. Весь опыт его жизни говорил о том, что вода обязательно должна быть мокрой, но она почему-то не наливалась в сапоги и не пропитывала одежду. Казалось, будто идешь сквозь липкий и тягучий кисель — необычная влага сковывала движения. Наконец, варвар по привычке набрал в грудь воздуха, закрыл глаза и окунулся с головой...

Пришлось заставить себя сделать первый вдох — Конану чудилось, что сейчас он захлебнется. Ничего подобного: дышалось легко, кожу холодил ветерок, точно такой же как и на старом добром Закатном материке. Только запах слегка непривычный — будто липовым медом пахнет. Одежда, кстати, сухая.

Быстро оглядевшись, киммериец перво-наперво уяснил, что здесь Врата смотрятся совсем иначе — на вершине крутой сопки громоздились два клыка-ментира из красивого камня, напоминавшего знакомый малахит. Внезапно из пустоты между зеленоватыми столбами вынырнул



Гвай вместе со своим конем, который хрипел и упирался — не понравилось скакуну путешествовать столь необычным манером. Сартак, наоборот, раздул ноздри и всем видом давал понять, что Аурус — самая лучшая Сфера во всей видимой и невидимой Вселенной.

— Фф-у, — Гвайнард утер пот со лба и недовольно показал на коня. — Едва управился. Уперся, проклятый, как последний ослище... Ну что, нас можно поздравить? Не знаю в точности, насколько далеко отстоит Аурус от Хайбории, однако мы преодолели десятки или сотни тысяч лиг за время двух ударов сердца!

— А здесь красиво, — варвар медленно обвел взглядом окрестности, оценил склоняющееся к горизонту крупное золотисто-оранжевое солнце и ряды сопок, поднимавшихся над равниной. — Что говорил Торд? Надо успеть найти людей прежде, чем стемнеет. Поехали! Все интересное рассмотрим по дороге!





Глава третья,

*в которой Конан и Гвайнард знакомятся
с новой Сферой, навещают замок тана
Арнульфа и видят много непонятного*



Аурус, 42 год от заселения людьми



ы погляди, настоящая колея! Они возят товары к порталу на повозках, причем много лет подряд. Иначе дорога заросла бы травой.

— Вот и отлично, заплутать мы не сумеем при всем желании. Куда еще может вести наезженный тракт, кроме человеческого жилья?

— Похоже тебя совершенно не волнует, что мы самым чудесным образом перешли ту самую Грань Миров, которая неодолима даже для могучих божеств! Эх, варвар, ты неисправимый прагматик!

— Жизнь научила. Замечу: ты такой же варвар по происхождению как я сам, но в отличие от твоей романтической и возвышенной натуры, я предпочитаю точно знать, где придется ночевать



и что подадут на ужин. Нет, конечно, ради всяких интересностей я готов спать в чистом поле под дождем и давиться сухой коркой, но рано или поздно такая жизнь надоедает. И сразу хочется сладкого красного вина, причем подогретого и сдобренного специями, свиную грудинку с чесноком, чистую одежду и теплую кровать под крышей. Без клопов.

— На Аурусе, скорее всего, клопы не водятся.

— Зато водится кое-что покрупнее. Взгляни налево, в межхолмье. Как полагаешь, они опасны?

Приблизительно в четверти лиги от дороги на золотистом, словно хлебном, поле бродили четыре здоровенных твари. Возьмите нордхеймского мамонта, добавьте голову буйвола с огромными изогнутыми рогами, перекрасьте шкуру из темно-рыжей в пегую... Получится очень большое и страховидно выглядящее животное, способное раздавить человека, даже не заметив. Волосатые чуды мирно паслись возле холмов, обьедая листву с невысоких деревьев и не обращали на проезжавших мимо людей никакого внимания.

— Ничего страшного, — авторитетно заявил Гвай. — Травоядные звери могут напасть на человека только если чувствуют в нем врага. А эти... Они такие огромные, что попросту нас не видят. Ты стал бы палить из арбалета в первого попавшегося на глаза мышонка?

Рогатые гиганты с благочинным видом медлительно потопали в сторону заката, изредка



поднимая головы и издавая мычание, вполне подошедшее бы самой обыкновенной корове. Земля чуть вздрагивала.

— Местные дикие буйволы, — сделал вывод Конан. — Только чуточку покрупнее наших. Так, самую малость...

За исключением маячивших неподалеку мохнатых зверюг, никаких других чудес пока не наблюдалось. Солнце, небо, облака были почти такими же, как и на материке Заката. Разве только небеса обладали более насыщенным синим цветом, близким к нежно-фиолетовому, а над горизонтом поднимались два блеклых лунных диска, которые должны были обрести полную яркость с наступлением ночи. Куда ни посмотри, взгляду представляла бесконечная равнина, прорежаемая оврагами и купами деревьев, смахивавших на буки или дубы с золото-зеленой кроной и бурыми стволами. Порхали стайки ярких, словно дарфарские попугаи, птичек, а в высоте описывали круги темные ширококрылые хищники. Сопки попадались часто, да только их расположение вызывало мысли о искусственном происхождении холмов — ровные линейные цепочки, круги, треугольники. Окажись возможность взглянуть с большой высоты, скорее всего сопки образовывали бы некий загадочный рисунок, смысл которого понимали только исчезнувшие обитатели Ауруса, загадочные Первородные.

— Это могильники, захоронения, — Гвай немедленно начал строить предположения. — Огромное кладбище. Я видел нечто подобное в Пикт-



ской пуще. Вождей пиктов хоронят в курганах, да и гирканцы тоже их возводят... Если наши миры настолько похожи, то почему обычаи разумных рас не могут быть одинаковыми?

— Киммерийцы в подобных курганах выкапывают глубокие погребя и хранят там зерно, — улыбнулся Конан. — В Иранистане сопки используются как святилища. Жрецы культа Эрлика Меченосца нарочно создают такие же холмы, способные помочь им наблюдать за звездами и высчитывать календарь. В Кхитае на вершинах сопки строят храмы семейных божеств, духов охраняющих дом и его благополучие. Еще примеры приводить? Я побывал почти во всех странах континента и видел самые невероятные обычаи.

— Никогда не интересовался традициями разных государств, — огорченно сказал Гвай. — Иногда сам себя ругаю за то, что обращаю внимание только на истории, связанные с нашим окаянным ремеслом. На другое времени не достает, хотя всякое знание не будут лишним.

— А я просто запоминаю все, что вижу: вдруг пригодится однажды? Никогда не скажешь с уверенностью, куда занесет тебя дорога. Еще седмицу назад я и не предполагал, что окажусь у демонов на куличиках, в мире, где человек никогда не жил. Но это действительно интересно! Кто еще может похвастаться таким приключением?

— По мне, так лучше сидеть дома, — весьма непоследовательно сказал Гвайнард, совсем недавно неудержимо рвавшийся на Аурус. — Из



всех тайн Хайбории человек изучил не более одной десятой части, так нет же, бежим в чужие Сферы, лишь бы пощипать нервы и потешить свое самолюбие! Представляешь, что случится с колонистами Ауруса, если портал навсегда закроется? Их совсем немного, я не вижу здесь гор, а значит людям будет сложно добывать металл — железо, это ведь не только оружие, но и плуги, и гвозди... Да, на Аурусе красиво, необычно, можно раскапывать города Первородных и продавать в Хайборию оставленное сгинувшими чужаками наследство, однако следует обращать внимание не на внешние проявления, а на глубинные процессы. Уж извини, что настолько сложно выражаюсь. Окажись в этой Сфере пятьдесят тысяч людей, сто, двести, тогда я был бы спокоен. Теперь представь, что будет с ними, когда здесь произойдет нечто непредсказуемое — природное бедствие, нашествие каких-нибудь неразумных тварей, наподобие тех же арфаксат, или всплеск чужой магии, сохранившейся со времен Первородных! Между прочим, ты запомнил, что рассказывал Торд? Якобы Первородные никуда не ушли, а только лишь спят, и время их пробуждения никому не известно. Нет дыма без огня!

— Как всегда, преувеличиваешь опасность... Боги милостивые! Глянь на дорогу!

Конан и Гвай настолько заболтались, погрузившись в обсуждение будущего человеческого анклава на Аурусе, что напрочь позабыли об осторожности. Обоих гостей чужого мира умиро-



творили безмятежный пейзаж и ложное чувство полной безопасности. На протяжении нескольких лиг им не встретилось ничего угрожающего — шерстистые твари с рогами не в счет.

Но вот теперь, напрямиком на глубокой колее дороги, в полусотне шагов от всадников стоял... стояло... Словом, даже острый на язык Эйнар с первого раза не сумел бы определить, что оно такое. Оно было мышасто-серой окраски, выглядело как нагреваемый угольками утюг, которыми пользуются портные в Аквилонии или Немедии (разве что без ручки), обладало длинным плоским рогом-плавником, растущим из спины, рыбьим хвостом и маленькими красными глазками. И пастью. Большой, зубастой и крайне неприглядной.

— Булет, — зачарованно произнес Гвай. — Да какой же здоровый! А ты мне не верил!

— Теперь верю, — процедил Конан, чувствуя, как забеспокоился Гнедой. Сартак видел перед собой нешуточную опасность. — Что будем делать?

Неуклюже перетаптывавшийся на тракте булет (а перетаптывался он четырьмя толстыми ножками, росшими вместо плавников) и впрямь выглядел как акула. Форма тела, прорезь рта, хвост... Только океанские акулы, по мнению Конана, были не такими толстыми и куда более изящными. Вдобавок, булет вымахал до размеров быка, что в длину, что в высоту, и производил самое отталкивающее впечатление. Таких зверей просто не бывает!



«Не бывает в Хайбории, — поправил себя Конан. — Здесь может быть все, что угодно! Надо сматываться, мы с ним не управимся!»

Выручил сартак. Скаковой монстр варвара, наверняка многократно сталкивался с подобными хищниками и раньше, или же воспользовался врожденным инстинктом — Гнедой моментально рванул в сторону, петляя будто заяц и обошел буллета далеко справа. Тварюга, оказавшаяся неожиданно шустрой для своего сложения, попыталась было перехватить добычу, но догнать сартака и породистого зингарского жеребца Гвайнарда не смогла — похоже, буллет не умел долго преследовать жертв, предпочитая атаковать наверняка.

Когда разочарованная чуда осталась далеко позади, Конан натянул поводья, переводя сартака с галопа на рысь, и сплюнул, сказав:

— Ничего себе... Много разного повидал, но чтоб такое! Впредь смотрим по сторонам с полным тщанием! Если мы встретимся со целой стайей буллетов, Асгерд и Эйнару придется собирать новую ватагу Ночных Стражей! Уже без нашего участия.

— Буллеты, как я слышал, охотятся в одиночестве, а не стаями, — выдохнул Гвай, оглядываясь. Украшенная плавником серая тварь, переваливаясь, трусила к сопкам, отдаленно напоминая обиженного злыми людьми гиппопотама-уродца. — Возвращаться он не собирается, больше нам ничего не грозит.

— Уверен?..



Очередная напасть явилась незамедлительно, полностью опровергая последнюю сентенцию Гвайнарда: над степью поднялся шлейф пыли, постепенно нарастал тяжелый гул, будто невдалеке гнали большой табун лошадей. Но поскольку лошади на Аурусе не встречались (за исключением нескольких пар, завезенных людьми), то подозрения возникли самые нехорошие. Вдоволь насмотревшись на клыки Гнедого, Конан сообразил, что столкновение даже с полудесятком диких сартаков может привести к самым печальным последствиям — и косточек потом не найдешь! А тут, извольте видеть, огромное стадо!

— Ничего не понимаю, — Гвай привстал на стременах, пристально наблюдая за возможным противником. — Конан, по твоему, это это такое?

Варвар не ответил — сам был крайне обескуражен. Табун постепенно приближался, стало видно, что животные двигаются не сами по себе, а направляются всадниками, пастухами с длинными хлыстами в руках. Да только пастухи оседлали не сартаков или коней, а весьма странных зверюг зеленовато-болотной окраски, бегавших на задних лапах.

Больше всего эти существа напоминали огромных ящериц. Упитанные, с крупной головой и туповато-добродушным выражением на мордах твари, неспешно рысили как раз в направлении поселка. Один из пастухов заметил незнакомцев, остановившихся, чтобы пропустить табун, и развернул своего зеленого скакуна. Те-



перь киммериец и Гвай смогли рассмотреть зверя во всех подробностях. Действительно, ящерица. Чешуйчатая шкура в складках, неосмысленный взгляд желтоватых крохотных глазок с полупрозрачными веками, длинный хвост с шипами на конце. Передние лапки совсем короткие, в два локтя, ноги же наоборот — жилистые, мощные, украшены впечатляющими когтями. На широкой спине седло, в розовой пасти — удила. Сбруя отделана серебряными пакладками и нашитыми на ремни монетами. В холке тварь достигает высоты лошади. Смотрится внушительно.

— Привет, — погонщик стада оказался молодым парнишкой лет шестнадцати. Волосы соломенные, глаза серые — коренной бритуниец по облику. — Вы откуда?

— Из Чарнины, с посланием к вельможному тану, — привычно ответил Конан, будучи не в силах отвести взгляд от уныло вздыхавшего ящера. — Слушай, малыш, а что это такое? Я зверя имею в виду.

— Первый раз на Аурусе? — понимающе кивнул пастух. — Ничего, привыкнете. Давайте поедем, я должен приглядывать за стадом. Вы ведь к танову замку направляетесь? По дороге и поговорим...

Погонщика, как вскоре выяснилось, звали Эваром, сыном Вемунда, родился он здесь, а не в Хайбории, хотя иногда он ездит в Бритунию вместе с торговцем-отцом. Аурус Эвару нравится больше: тут не бывает зимы и не так мрачно, как в Мире за Вратами. Животные, столь пора-



зившие уважаемых гостей, называются «зелеными коровами» и означенные коровы приносят людям массу пользы — на них можно ездить, кушать их мясо, они откладывают яйца, тоже употребляемые в пищу, нрав у ящеров мирный и незлобивый, людей слушаются. Конан, выслушав эти объяснения, сделал вывод, что «зеленая корова» больше всего смахивает на неудачную помесь курицы и лошади.

Стали известны и некоторые подробности здешнего житья-бытья. Земли хватает всем, люди живут куда лучше и сытнее чем в Хайбории. Но есть и трудности — в окрестностях поселка мало леса, приходится ездить далеко на полночь, чтобы рубить подходящие для строительства деревья. На равнине нет рек или больших озер, люди копают глубокие колодцы, добываясь до водоносных пластов. Ближайшие горы, где можно добывать металл в заброшенных рудниках Первородных, расположены в полутора сотнях лиг на полуночный закат, да только почти никто не решается туда ездить — опасно. Если от поселка и хуторов хищников отвадили, то дальние пустоши просто кишат чудовищами и многочисленной нежитью и нечистью.

— Человеческие боги остались за Вратами, — говорил Эвар, не забывая изредка шелкать устрещающим бичом, подгоняя отставших от стада ящеров. — А боги Первородных, если они еще живы, не хотят нам помогать. Люди для них чужды. Зато сохранилось много духов, бесплотных демонов — зло, как известно, не умирает. Вот и



приходится обороняться... Сами знаете, как — огонь, серебро, обереги. Новые поселенцы всегда удивляются, увидев крепость тана, говорят, будто в Хайбории такого не строят.

— И много людей переселяется к вам? — поинтересовался Гвай.

— За год, бывало, до полутора сотен. Нас уже много, со временем станет еще больше. Одна беда: новенькие часто погибают, потому, что не знают как избежать опасности и не соблюдают законы тана Арнульфа.

— Какие такие законы?

— Разные. Вельможный распорядился выбить их на камне, чтобы каждый знал. Увидите еще. Например, нельзя выходить за стены в одиночку, нельзя уезжать на дальние пастбища без стрел с серебряными наконечниками, надо выполнять все приказы десятников, а если не удовлетворишь — накажут.

— Высекут? Или убьют?

— Хуже. Выгонят на ночь за стены. Пока выжить не удавалось никому.

Гвай и Конан переглянулись. Надо полагать, их не зря предупреждали, что ночью Аурус становится особенно негостеприимным и после заката тут можно встретиться с тварями, рядом с которыми самый дикий буллет покажется безобидной козявкой. Между прочим, о ночных чудовищах Эвар предпочел не распространяться и отмахнул ладонью охранный знак, каким люди отгоняют нечистую силу. Значит, бестиарий Ауруса не ограничивается обычными кусачими



тварями из плоти и крови. Выводы напрашиваются малоутешительные.

— Вот и замок, — Эвар вытянул руку, указывая на высокий пологий холм, воздвигавшийся впереди и слева. — Вы, месьюры, заходите в гости, если надолго задержитесь. Полуденный проезд, дом Вемунда из Пайрогии, это мой отец. Он будет рад видеть людей, приехавших из-за Грани. А мы отведем стадо в загон.

Табун ящеров, немилосердно пылая, свернул направо. Гвай с Конаном двинулись вверх по склону, к поселку. Не доезжая до стен четверти лиги, варвар остановил Гнедого и присвистнул:

— Ты что-нибудь подобное раньше видел?

— Никогда... — Гвайнард покачал головой. — Ничего себе! Как они это построили?

— Руками, как я полагаю.

Крепость являла собой ровный аккуратный квадрат со сторонами в одну треть лиги, без башен и бастионов. Деревянная стена основывалась на фундаменте из огромных валунов, могучие древесные стволы были уложены горизонтально, поднимаясь на высоту пяти человеческих ростов — ради строительства укрепления наверняка вырубил целый лес, пускай Эвар и жаловался, что лесов на Аурусе (по крайней мере, в округе) довольно мало. Бревна ровные, как на подбор, каждое в два охвата. Наверху, где были прорублены бойницы, дерево обито металлическими листами, подозрительно похожими на серебро. У самого фундамента — частокол острых, наклоненных кольев, перед кольями ров с



отвесными краями. Ворота и подъемный мост также украшены полосами стали. В целом, поселение напоминает гигантский темно-коричневый куб, увенчавший собой возвышенность.

— Если у людей на Аурусе нет никакого внешнего врага, за исключением здешних чудовищ, то зачем было строить такой мощный форт? — поразился Гвай. — Подобную крепость с налета не возьмет даже отлично обученная аквилонская армия, сам служил, в фортификации разбираюсь... Лобовая атака бесполезна, придется начинать правильную осаду. Только я совсем не уверен в том, что здесь однажды появится войско Трона Льва. Теперь я точно не буду стремиться переехать из тихой-мирной Хайбории на Аурус. От наших монстров частенько спасает обыкновенный засов на двери старого деревенского дома, а не крепость, смахивающая на хранилище сокровищ казны одного из королей Заката...

Вблизи «замок» тана Арнульфа вызывал поистине благоговейное почтение. Могучие стены могли запросто равняться с укреплениями немецкой столицы Бельверуса, а, как утверждают знающие люди, Бельверус является истинным шедевром фортификационного и строительного искусства и штурмовать этот город бесполезно (кстати, коронное владение Трона Дракона никогда за всю историю Хайбории не захватывали враги — не смогли).

Внимательный Конан рассмотрел, что бревна скреплены не только стальными костылями, но



и каким-то непонятным раствором, которым было обмазано дерево. Наверное, очередная придумка местных жителей, наподобие меняющей цвета краски для ткани.

Дело шло к вечеру, но ворота оставались открытыми. Широкий подъемный мост был опущен. Перед въездом в поселок сгучали четверо стражников с копьями — наконецники оказались посеребрены. Вислоусые блюстителы облачались в одинаковую черную форму, явно подражая армейским отрядам Хайбории.

— Проезжайте, — лениво махнул рукой старший караула, задержав взгляд на плащах визитеров и оценив принадлежавшего Конану сартака. Гвай полез было за пазуху, желая предъявить письмо чарнинского прецептора, однако депеша не понадобилась — двоих горе-путешественников сразу приняли за своих. — Поедете прямо, никуда не сворачивая, уткнетесь точненько в управу светлейшего. Там вас разместят и накормят.

После этих слов страж потерял к новопривыкшему всякий интерес.

За воротами тоже хватало экзотики. Узкие улочки, где едва могли разойтись два всадника, высокие дома в три этажа, почти смыкавшиеся друг с другом сверху мансардам-надстройками, ставни (опять!) отделаны серебром. На углу каждого квартала в землю вкопаны деревянные столбы, назначение которых Конан вначале не понял, и только задрав голову увидел, что они поддерживают огромную сеть с частыми ячейка-



ми, которая накрывала всю территорию городка. Судя по виду, сеть была металлической.

— Готов собственную голову прозакладывать, она серебряная! — сказал варвар, глядя на растянутую сетку. Ее края закреплялись на городской стене и было совершенно непонятно, каким образом жители поселка сплели это чудо, явно призванное защищать человеческие жилища от нападения с неба. — В жизни не видел, чтобы столько серебра изводили понапрасну! Где они его берут?

— Насчет «понапрасну», ты ошибаешься, — отозвался Гвай. — Если тан счел необходимым настолько тщательно укрепить город, значит существует реальная опасность.

— Что ж это за опасность такая, коли приходится тратить сотни фунтов драгоценного металла на отделку домов и стены?

— Любая нечисть боится серебра, это непреложный закон, который наверняка действует и на Аурусе. Боги незримые, сколько ж нечистой силы должно здесь обитать? Признаться, мне становится до крайности неуютно...

На первый взгляд людей в городке оказалось не очень много. Два-три десятка прохожих спешили по своим делам, несколько человек торчали возле таверны с нехитрой вывеской «Черный эль», прогуливалась стража, в окнах нижних этажей были заметны движущиеся силуэты. Киммериец немедленно обратил внимание на странность — в поселке не было столь привычных лавок или небольших магазинчиков, которых в



воль в любом маленьком городке Заката. Уличных торговцев также не наблюдалось. Единственным домашним животным, обнаруженным по пути, являлась раскормленная белая кошка, восседавшая на подоконнике.

Планировка городка оказалась нехитрой — от центра лучами расходились восемь больших улиц-проездов, направленных по сторонам света, соединялись они тесными мрачноватыми переулками и арочными переходами. В самой середине громоздилась круглая массивная башня-дом, похожая на крепостной донжон, причем она была построена из камня, хотя все прочие здания являлись деревянными. Вокруг башни торчали прямоугольные плиты белого гранита с пресловутыми «законами» тана Арнульфа.

— «Если кто ударит другого человека по голове так, что выбьет из черепа кость, которая при падении на щит с высоты трех локтей издаст звон, то виновник выплачивает пострадавшему виру в две меры серебра...» — вслух прочитал Конан ровные строчки на граните. Взглянул на Гвайнарда. Почесал в затылке. — Вот интересно, тебе выбили из черепа кость, которая падает на щит и издаст звон, а ты еще и судиться идешь? Весело они живут, ничего не скажу.

— Давай лучше спросим, где тана отыскать, — поморщился Гвай. — Смеркается, а ночевать на улице я не собираюсь.

— Э-гей, милейшие! — воззвал киммериец, подъезжая к массивным дверям башни, оберегаемым двумя стражами. — Посланцы из Чарни-



ны! Желаем видеть достойного месьора Арнульфа!

— Сперва отведите животных в стойло, — ответил охранник. — Лошадь поставьте отдельно, чтобы сартаки ночью не зажрали. Видите сарай? Туда!

Гнедого и гваевского жеребца приняли неразговорчивые конюхи, скупно пообещали расседлать и накормить-напоить, после чего господа «посланцы» вернулись к башне. Пропустили их незамедлительно, сказав подняться на второй этаж. Тан примет гостей, как только разберется с делами.

— Везде одно и то же, — вздохнул Конан, поднимаясь по винтовой лестнице. — Я понимаю, у королей Нимеда или Эльдарана вполне могут быть всякие там «важные государственные дела», но чем может заниматься на ночь глядя хозяин этой большой деревни? Корову доит? Зеленую?

— Тихо! — недовольно шикнул Гвай. — Учти, мы здесь только гости. Постарайся быть вежливым.

— Не плевать, не браниться, служанкам подолы не задирасть, в хозяина объедками не швыряться, в отхожем месте не спать? Ладно, не буду, уговорил...

* * *

О таких людях обычно говорят: поперек себя шире. Если вельможного тана Арнульфа поло-



жить на бок, его рост ничуть не изменится — и так четыре локтя, и эдак. Словом, самозванный владыка Ауруса был не просто обширен, а слоноподобен. Конан поначалу решил, что Арнульф никогда не поднимается с ложа или кресла и ходить не может, но ошибся — тан двигался на своих двоих не хуже любого другого человека, пускай и отличался особой тяжеловесностью походки.

Известно, что толстяки бывают двух видов — добрые и злые. Тан Арнульф относился к симпатичному большинству добрых, хотя и несколько взбалмошных, толстяков — гостеприимных, хлебосольных, потакающих своим маленьким слабостям и закрывающим глаза на слабости других людей. В Арнульфе всего было много: громовая речь, масса золотых побрякушек, безумно дорогое парчовое платье, танова корона изукрашена огромными рубинами, на каждом пальце по перстню. Стол, за которым Арнульф принимал визитеров из-за Грани ломился от бесчисленных яств и кувшинов с вином и элем. Серебряные подсвечники, золотая посуда, на полу и стенах прекрасные иранистанские ковры, коллекция редкого оружия — тан жил на широкую ногу и ничуть того не стеснялся.

— Выпьем вина! — благодушно вскричал тан, едва Гвай и Конан разместились за столом. Похоже, говорить нормальным голосом Арнульф просто не умел. — Пуантенское, Либнум, Золотая Лоза? Не нравится вино, милости прошу — эль светлый, черный, на хмелю, на рисе, на соло-



де! Вы кушайте, кушайте! Небось с дороги проголодались! Очень рекомендую драконье мясо в тесте с острым соусом! Не подумайте, это не настоящий дракон, это такая маленькая очень вкусная зверюшка чуток похожая на дракона! Ха, побаиваетесь? Ничего страшного! Съедобно, вы попробуйте!

Арнульф хохотал над своими шутками, показывал, какие блюда ему нравятся больше всего и не давал вставить гостям ни единого слова. Конана, у которого громко урчало в желудке, долго упрашивать не пришлось — варвар давным-давно научился есть все, что дают, будь то нежнейшая перепелятина или какой-нибудь дракон в тесте.

Никакой брезгливости — в конце концов, жители Пагана или Кхитая употребляют в пищу и змей, и насекомых. Варвар никогда не отказывался пробовать новые кушанья и ничуть за себя не беспокоился — желудок-то луженый! Гвай наоборот, осторожничал, чинно откусав немного настоящей свинины и бобов. Инстинкт охотника, Ночного Стража, призывал не доверять всему необычному.

Тан ел за четверых, пил за полную дюжину и не пьянел, вытирал лопатообразную ярко-рыжую бороду парчовым рукавом, отправлял кости под стол, где валялись несколько ленивых откормленных собак аквилонской охотничьей породы и вообще выглядел настоящим варварским вождем откуда-нибудь из Астарда или Киммерии. Он говорил сквозь набитый рот, разбрызги-



вал подливки, проливал вино и держал себя крайне непринужденно. О целях визита посланников чарнинского прецептора тан не спрашивал вовсе, что было вполне понятно — считается крайне неприличным сразу переходить к делам.

Сперва требуется достойно принять гостей. Древняя традиция полуночных земель Хайбории тщательно соблюдалась и в мире за Гранью

— Как же я позабыл! — неожиданно взревел Арнульф, хватаясь за голову жирными ладонями. — Анита, тащи сюда шкатулку! Да не ту, которая из красного дерева, а серебряную!

Великовозрастная девица из прислуги, дюжей статью превосходившая добрую священную корову, немедленно приволокла даже не шкатулку, а целый сундучок кованого серебра, взгромоздив его перед Арнульфом. Тан пояснил:

— Нехорошо получилось, сразу не вспомнил!.. У меня закон: если кто первый раз к нам приезжает, получает от меня подарок! — Арнульф поднял крышку сундучка, запустил туда лапищи, покрытые жестким рыжеватым волосом, покопался, извлек замечательную шейную гривну сплетенную из золотых и платиновых нитей и вручил Гваю. — Носи! На память, так сказать! Ты не хмурься, подарок ни к чему не обязывает! Бери, говорю, обижусь ведь!

Гвайнард дар принял, надел и осторожно улыбнулся. Гривна смотрелась идеально, будто Гвай с ней родился. Настоящее мужское украшение, какое не у всякого военного вождя увидишь!



Конану достался воистину королевский перстень необычной формы с инклюзом — громадным темно-синим сапфиром, внутри которого виднелся пузырек воздуха. Такой камушек не просто редок, а уникален! Во-первых, инклюз ценится в четыре раза дороже любого другого сапфира, во-вторых, эти камни отгоняют нечисть не хуже серебра или живого огня. Варвар нацепил перстень на указательный палец левой руки, насладился голубыми искрами и вычурной оправой, и в целом остался очень доволен подарком. Его симпатия к Арнульффу возросла до беспредельных высот.

Хотелось бы узнать, что еще интересного содержит серебряный ларец? Алмазы с голубиное яйцо, скипетр Митры и корону Сета? Если гривну и перстень Арнульф полагал «скромными подарками», то какие же украшения он мог посчитать воистину ценными?

Посчитав долг щедрого хозяина исполненным, тан отправил пышнотелую Аниту вместе с сундучком обратно в свои комнаты, сразу потребовав, чтобы принесли сладкое и горячие травяные настойки. Стол мгновенно украсили пышущие жаром горшки с густыми, терпко пахнущими напитками и блюдами с пирожками, булочками с медом, тестом в сиропе и прочей разнообразной снедью. Конан, почувствовав, что если он съест еще один кусочек, то немедленно лопнет, от сладких закусок отказался, оставив перед собой только кружку с любимым черным элем. Этот ужин, по мнению киммерийца, был самым



лучшим за последний год, если не считать приема у зингарского монарха Фердруго в честь победы королевских корсаров над флотом Аргоса...

— Как поживает старый пьянчуга Лентул? — тан, наконец-то, соизволил вспомнить, что раздувшиеся от изобильной пищи гости доставили послание от месьора прецептора. — Когда придет новый караван с товарами? Мы уж заждались!

— Вельможному следует прочесть депешу, там все написано, — справедливо заметил Гвай, подавая Арнульффу пергамент. Тан повертел свиток в руках и отбросил на стол.

— На словах скажите, так оно проще!

— Караван ненадолго задерживается, — не краснея соврал Конан, понимая, что уличить его будет невозможно: прибудет товар из Хайбории завтра или на третий день, все одно получается «недолго». — Месьор Лентул здоров, передает сердечный поклон.

— Прикажешь его поклон в сундук положить или стряпухам отдать, чтоб ошипали да сварили?! — рявкнул тан. — Железо нужно, горшки с зингарским огнем нужны — два воза! Где строители из Немедии, которых он обещал нанять? А жреца почему не прислал?! У-у, болтун!

— Зачем здесь хайборийские жрецы, когда на Аурусе человеческих богов нет? Кому молиться-то? — удивленно спросил Конан.

— Не умничай, — тан уже не кричал, как обычно, а ревел будто раненый бык. — Много вас, умных, развелось! Солнце на небе видел?



Чем тебе не бог?! А чтоб солнечную силу использовать, вовсе не маг, а как раз ученый клирик потребен! Разницу между магией и жречеством знаешь?

Барвар сказал, будто что-то слышал.

— Слышал... — передразнил Конана Арнульф.
— Эх вы, молодые да ранние!

— Волшебники используют свою, человеческую силу для создания чар, — пояснил Гвайнард. — А жрецы лишь служат проводниками силы божественной. Сами клирики колдовать не могут, они направляют волю богов и не более того.

— Во, оно самое! — шумно восхитился светлейший тан. — Неужто разбираешься?

— Немного. Я из гильдии Ночной Стражи, да и мой друг тоже...

Тут последовал такой взрыв искреннего восторга, что киммериец испугался: не хватит ли полнокровного Арнульфа удар? Тан неразборчиво голосил, что Ночные Стражи при его дворе первейшими вельможами станут, кушать с золота будут, спать на мехах, девок столько получают, что хоть в три ряда клади! В общем, сулил алмазные горы до небес, да только непонятно за что именно. А завершил Арнульф свою пылкую речь насквозь загадочной фразой:

— ...Хорошо, что приехали, я уж и не знал, как эдакую прорвищу народу в одиночку оборонять придется! Это я про будущую зиму толкую!

— Честно говоря, мы на Аурус ненадолго, — начал было Гвай, но Арнульф завопил:



— И слышать ничего не желаю! Не отпущу! Думать забудьте! Все, дела откладываем до утра, жду после рассвета! Эй, кто там есть? Отвести господ охотников в гостевые комнаты, уложить, обустроить, если потребуют — девиц прислать, чтоб ложе согрели!

— Ты хоть что-то понял? — спросил киммериец у Гвайнарда, когда они оказались в тесноватых, но обставленных с вызывающей роскошью покоях на верхнем этаже башни. — Скажи, зачем тану зингарский огонь? Жрецы какие-то... А если этот жирный сумасброд и впрямь решится нас задержать, я тут все по бревнышку разнесу!

— Отрабатывай перстень, — фыркнул Гвай. — Я предупреждал — что-то здесь нечисто. Насколько мне известно, зингарский огонь считается на Закате самым опасным оружием. В воде не гаснет, одной кружки этой смолы достаточно, чтобы сжечь половину крупного города... Лентул же завозит горючий состав на Аурус целыми телегами. И верно, для чего? С кем воевать собираемся? Нанять строителей в Немедии? Очень странно! Судя по виду этой крепости, подданные Арнульфа строить умеют великолепно. Затем: что такого важного должно произойти будущей зимой? Тан сказал, будто ему придется защищать уйму народу. Согласен, две с лишним тысячи человек, живущих сейчас на Аурусе — это немало, но вовсе не «прорвища», как выразился Арнульф. Давай завтра как следует осмотримся, погуляем по поселку, поспрашиваем. Главное — не вызвать лишних подозрений.



В дверь робко постучали, затем в темном проеме появилась бледная физиономия мальчишки-прислужника.

— Вам, месьюры, все объяснено насчет ночи?

— Это ты про девок? — заинтересовался Конан.

— Какие девки, сударь? Значит, ставни не открывать, на чужие голоса не откликаться, если совсем боязно станет — подоконник серебряными монетами отгородите.

— Это еще зачем?

— Как так — «зачем»? Шутить, сударь, изволите? Через серебро никакой чужинец не пролезет, обжигаются они. Свет не гасите, огня чуды тоже не выносят. Доброй ночи!

Гвай вздохнул и полез за кошельком. Разложил перед окном десяток бритунийских серебряных шеллинов, несколько штук бросил к порогу, а остальные упрятал под подушку. Проворчал сердито:

— Я в восторге от этого путешествия. Ни дать, ни взять, заповедник нечистой силы! Ты соображаешь, что означают такие предосторожности? Ничего сложного: местная нечисть в темноте запросто бродит по городу. От буллетов и прочих очаровательных зверьков нас защищает стена, от магической дряни — серебро. Не вздумай ночью выходить из комнаты или касаться окон — съедят.

— Подавятся, — легкомысленно отмахнулся Конан и зевнул. — Давай спать, в Хайбории, небось, уже давно за полночь.



— Монетки возле своей кровати обязательно положи! И кольцо с инклюзом не вздумай снимать. Мало ли какие гости припожалуют?

— Не накаркай, балда!..

* * *

Вопреки недобрым пророчествам Гвайнарда, ночь прошла на диво спокойно. Единственный раз киммерийца разбудил громыхнувший за окном взрыв дикого нечеловеческого хохота, но Конан, приоткрыв глаза, нащупал валявшийся рядом новенький шеллин пайрогийской чеканки, запустил им в ставню, пробормотал обязательное «Сгинь!», и едва неизвестный весельчак заткнулся, снова провалился в мягкий омут сна.

Окончательно варвар проснулся оттого, что яркие лучи солнца, проникавшие в оконные щели, падали ему на лицо.

Конан быстро встал, натянул рубаху и обнаружил что Гвай, вероятно поднявшийся значительно раньше, куда-то ушел. Поразмыслив, варвар высунулся в коридор и кликнул прислугу. Распорядился принести холодной воды для умывания и завтрак, что было немедленно исполнено. Не успел киммериец нарезать холодное мясо и попробовать здешнее светлое пиво, как в комнату вихрем ворвался Гвайнард. Судя по горящим глазам, ему уже удалось разузнать нечто любопытное.

— А я думал, ты еще дрыхнешь! Есть новости, да такие, что поверить трудно!



— Садись, перекуси. Хватит уже бегать из угла в угол! Сядь! Что такого страшного ты раскопал?

— Склады! Громадные склады, сразу за городской стеной, с полуночной стороны холма. Сарай не охраняются — местные воровать не будут, а нечистую силу или животных изделия человеческих рук, понятно, не интересуют.

— Не торопись, объясни с самого начала. Лично я не вижу ничего особенного в том, что люди хранят всякое полезное барахло.

Гвай объяснил. Утром он пошел гулять — хотел подробно осмотреть поселок. Как и предполагалось, Аурус оживал на рассвете: ночь активной человеческой деятельности отнюдь не способствовала по вполне понятным причинам. Одни уходили работать в поле, другие отпирывались на пастбища или к огромному раскопу — в нескольких лигах от крепости Арнульфа находился крупный город Первородных, где и добывалась большая часть артефактов, предназначенных к продаже в Хайборию.

Поговорив с людьми в таверне «Черный эль», Гвай выяснил, что неизвестное бедствие, уничтожившее прежнее население Ауруса, случилось настолько внезапно, что Первородные не успели спрятать или вывезти свои сокровища — в развалинах зданий ежедневно обнаруживались несметные богатства. Девять десятых найденного рабочие обязаны были сдавать в казну тана, прочее можно было оставить себе для обмена или торговли за Вратами.



Решив обязательно съездить на руины прямо сегодня, Гвай не стал долго расспрашивать кабатчика и редких посетителей, продолжив осмотр владений Арнульфа.

В городке ничего особенно примечательного не наблюдалось, а потому Гвайнард направился за стену. Форт окружали пшеничные поля и делянки, на которых выращивались здешние растения, пригодные в пищу, в отдалении паслись как привычные овцы и коровы, так и ездовые ящеры вместе с молодыми сартаками; в загонах жевали травку детеныши тех самых рогатых гигантов, которых Гвай и Конан видели неподалеку от портала — мохнатые звери, как оказалось, тоже неплохо приручаются. Рогачей используют для перевозки тяжелых грузов — камней и древесных стволов.

— ...А потом я обошел крепость по периметру. Вчера мы не заметили, но с полуночной стороны форта построено восемь здоровенных сараев. Заперты они только засовами — никаких замков, никаких сторожей или смотрителей. Я решил глянуть, что же такого особенного хранится внутри. Сначала подумал, что Арнульф собирает там всякие редкости и древности. Ничего подобного! Склады доверху набиты самыми обычными вещами — упряжь, хомуты, посуда, инструменты, оружие! Да столько, что на пять таких городишек хватит! Клейма стоят бритунийские и туранские. Видимо, закупались эти товары в течении многих лет, целыми обозами. Спрашивается: зачем?



— Слишком часто мы начали повторять это словечко — «зачем», — варвар задумчиво потер лоб. — Гвай, насколько я знаю, твоя любимая присказка гласит: половина победы — в простоте. Ты начинаешь видеть подозрительное в самых обыденных ситуациях. Может быть Арнульф, полагая, что Врата рано или поздно закроются, хочет сделать припасы на будущее? Сам знаешь, с железом у них туго.

— Ага, конечно, — ядовито ответил Гвайнард. — И поэтому вельможный тан закупил у лучших оружейников Аграпура двадцать тысяч мечей и ятаганов.

— Сколько-сколько? Ты что, считал?

— А чего тут считать? Четыреста громадных ящичков с эмблемой аграпурских императорских кузен, в каждом по пятьдесят клинков. Даты на клеймах — от 1274 года по аквилонскому счету, вплоть до нынешнего. То есть, оружие везли на Аурус одиннадцать полных лет. Я проверил — клинки прекрасные, в смазке, ни разу не польвованные. Сарай ящиками доверху забит. Представляешь, как можно организовать доставку такого немыслимого количества оружия? По сорок ящичков в год? И ведь на складах хранят не только мечи!

— Забавно... — ошеломленно пробормотал Конан. — Население Ауруса — две с небольшим тысячи людей, будем считать, ровно две. На каждого по десять клинков, включая старух и грудных детей. М-да, одним скопидомством тана такое не объяснишь.



— Какое скопидомство? — взвился Гвайнард. — Запасы сделаны с умом и тщанием, будто армейские интенданты старались, обеспечивая войско в предвидение большой войны! А с кем воевать? С нечистой силой? С ней железными мечами много не навоюешь...

— Вот кстати, ты ночью ничего не слышал? Смеялся вроде кто-то...

— Тут не смеяться, тут плакать надо, — решительно заявил Гвай, одновременно поворачиваясь на тихий стук в дверь. — Кто там?

— Вас, месьюры, вельможный требует, — явился вчерашний мальчишка. — Под свои ясные очи. И чтоб немедленно!

— Немедля, так немедленно, — Конан встал, отряхнул штаны и застегнул пряжку перевязи. Клинок привычно устроился за левым плечом. — Идем, послушаем, что наш толстяк сегодня петь будет...

Ихняя рыжебородая светлость, как и ожидалось, восседал за столом — светлейший тан изволили поглощать второй завтрак, изобилием не уступавший вчерашней вечерней трапезе. Махнул рукой Гвайнарду, указывая на свободную лавку.

— Вы кушайте, а то тощие, будто вас в Хайбории голодом морили, — Арнульф подвинул к охотникам блюдо с мясом и овощами. Конан призадумался: ни самого себя, ни Гвайнарда «тощим» он бы не назвал, но и обратное утверждать было бы опрометчиво.



Тан закончил обглаживать внушительный мо-
сол, непринужденно запустил им в раскрытое
окно, и воздел взор маленьких зеленых глаз на
гостей.

— Так вы точно Ночные Стражи, не врете?

— Девять лет в гильдии! — оскорбился Гвай и
вытащил из-под рубахи знак-оберег охотников в
виде серебряной волчьей головы. Продемонстри-
ровал. Арнульф удовлетворенно покивал.

— От нечисти житья нет! — пожаловался тан.
— Ладно бы зверье всякое пошаливало, мы при-
вычные, хищников гонять давно научились. Ес-
ли по совести говорить, то любой буллет не
страшнее обычного медведя будет. Надо только
знать, как его завалить без ущерба для себя.

— И как же? — поинтересовался Конан.

— Сверху у буллета жесткая чешуя, никаким
копьем не пробьешь, а вот брюхо мягкое, как у
лягушки... Разве не знали? Ладно, о буллетах по-
ка забудем. Хорошо, други, что вы приехали — у
нас Ночных Стражей прежде не видавали, ника-
ким золотом не заманишь. Я уже распорядился,
чтоб для вас дом на Полуденном проезде освобо-
дили! Хороший дом, крепкий, лет двести престо-
ит.

— Двести лет мы не проживем... — начал бы-
ло Гвай, раздумывая, как бы вежливо дать по-
нять Арнульфу, что задерживаться на Аурусе
они с Конаном не собираются. Тан сразу пере-
бил:

— Глядишь и проживете! Открою маленький
секрет — мы заметили, что здесь время течет



значительно медленнее, чем в Хайбории. Я сюда
перебрался двадцать четыре года назад, и хоть
бы один седой волос появился! Дети, которым
по десять лет, выглядят пятилетними, кому за
тридцать, смотрятся на восемнадцать! Здорово
правда?

— Мы не можем остаться, — Гвай ударил в
лоб. — Никак. Нас ждут в Бритунии и друзья и
работа. Прости, вельможный.

— Да ничего подобного! — рявкнул Арнульф.
— Никуда вы не уедете! Нам настоящие Ночные
Стражи как воздух нужны! Едва солнце зайдет,
такое начинается, что в дурном сне не увидишь!
Проклятые Первородные, видать, изряднейшими
грешниками были, раз умудрились столько не-
чисти наплодить! Духи, призраки, демоны, во
плоти и бесплотные, у людей кровушку сосут,
детей воруют, колдовство черное пользуют! Од-
ним серебром и спасаемся, хорошо хоть после
Первородных серебра осталось больше, чем ти-
ны в болоте! Наверное уже тогда нечистая сила
размножилась до невероятия... Вы остаетесь тут!
Это мое крепкое таново слово! Вздумаете сбе-
жать — вздерну, не посмотрю что вы из самой
уважаемой гильдии Заката происходите! Ясно?

— Ясно, — вздохнул Гвай, положив ладонь на
плечо готового вспылить Конана. — Что надо де-
лать-то?

— Нечисть истреблять, что ж еще! А как —
дело ваше. Я в Ночных Стражах не хаживал,
секретов ремесла не знаю. Для начала, надо бы
тварей от города отвадить. Все что потребуется —



дам без проволочек. Оружие, серебро, людей! Только попросите! Но если сунетесь к portalу без моего разрешения — петлю на шею и прости-прощай! Или за ворота на ночь выкину, что гораздо неприятнее. Усекли, господа гильдейские охотники?

— Как скажешь, тан, — Гвайнард поднялся и потянул за собой Конана. — Мы по округе поездим, осмотримся?

— Катайтесь сколько душе угодно, — мило-стиво согласился Арнульф. — Проводника дать или сами?

— Сами...

— Наново повторяю: ко Вратам и близко не подходите! Иначе... — Арнульф черкнул себя по щеке толстым коротким пальцем.

— Вот влипши! — ярился Конан, когда они вновь поднялись в комнаты для гостей. — Ничего себе, гостеприимство! Ты как хочешь, а я здесь не останусь! Ведь этот гад может возле портала стражу поставить, да еще людей Торда, которые на той стороне, предупредит, чтобы не выпускали!

— Не горячись. Уйти сумеем без труда, за этим дело не станет. Но сначала давай по мере сил изучим Аурус, присмотримся. Очень уж хочется разгадать, что замышляет Арнульф.

— Ты обещал Эйнару и Асгерда, что мы задержимся только на три дня, — сказал киммериец.

— Придется обещание не сдержать. Они, конечно, начнут беспокоиться, пришлют Рэльгон-



на, проверить, отчего мы не возвращаемся, а остальное — дело нехитрое.

Конан помолчал, соображая, и вдруг улыбнулся. Понял, как Гвай собирается сбежать обратно, в Бритунию. Рудненский упырь умел не только мгновенно перемещаться с места на место, но и мог переносить людей — достаточно взять Рэльгонна за руки, и он доставит тебя куда угодно, хоть за тысячу лиг. Оставалось дож-даться визита упыря.

— Не забудь, тан приказал нам вытурить из округи нечисть, — напомнил Конан. — Лично я не представляю, как это сделать. Тем более, что нечисть Ауруса обязана отличаться от нашей и способы борьбы с ней должны быть другими.

— Разве? — вздернул бровь Гвайнард. — Мы ведь только вчера говорили о том, что нечистая сила остается таковой в любом месте Вселенной и боится одних и тех же вещей, от серебра, до растертого чеснока. Загвоздка тут в другом: почему на Аурусе так много нечисти? Это, честно говоря, ненормально и неестественно. Попробуем разобраться... Надеюсь, ты не будешь против, если грядущую ночь мы проведем в поле у костерка? Хочется взглянуть на здешних демонов, так сказать, в первозданной красе.

Конан посмотрел на Гвая преувеличено-со-страдабельно, будто на безнадёжного больного. Покрутил пальцем у виска. Гвайнард на сей жест внимания не обратил.

Следующий сюрприз ожидал доблестных охот-ников возле конюшни — тан, оказывается, при-



казал лошадей досточтимым гостям не давать. Если угодно, можно взять ездового ящера. Они, конечно, бегают помедленнее лошадей или сартаков, но зато неумоимы и спокойны.

— Как на этом ездить? — вытаращился Конан, когда из конюшни вывели пару «зеленых коров», взнузданных и оседланных. — Благодарю покорно, но лучше я пешком пойду!

— Не привередничай, — Гвайнард легко забрался в седло. — Погляди, от лошадей они не слишком отличаются — правь поводьями, подгоняй шпорами. Отлично понимаю логику вельможного: на эдакой лошадке в Хайборию не уедешь, чересчур приметная. Помнишь вчерашнего пастуха, Эвара? Давай-ка заглянем к нему домой. Если Эвар не погнал стадо на выпас, думаю он согласится проводить нас до развалин города Первородных.

Конан подозрительно осмотрел тяжело сопящего зеленоватого ящера, аккуратно вставил ногу в стремя и утвердился в седле. Удобно, даже лучше чем на лошади. Варвар легко подтолкнул зверя в бока пятками — ящер пошел. Оставалось приноровиться к его развалистой походке.

— Что тебя так развеселило? — Гвай повернулся к Конану, которого внезапно обуял приступ неудержимого смеха, едва из седла не выпал.

— Представил, как это выглядит! Верхом на ящерице! Уверен, в следующий раз придется кататься на таракане! Или на скаковом тарантуле! Эй-эй, ты что творишь, скотина эдакая?



Зверюга остановилась возле тележки с капустой, предназначенной для тановой кухни, сунула туда тупую морду и начала хрустеть зелеными листьями не хуже банальной козы...





Глава четвертая,

*в которой охотники посещают развалины,
знакомятся с печальным демоном-хранителем
и делают далекоидущие выводы.*



Всего мы обнаружили пять городов Первородных. Один — очень большой, мы к нему как раз и направляемся, другие поменьше. Есть много отдельно стоящих храмов и святилищ, однако туда лишь самые отчаянные забираются, боятся проклятия. Зачем сердить чужих богов и тревожить души усопших? Тем более, что Первородные были недобрым народом — в городе много древних статуй, увидите... Мороз по коже дерет. Я сам одно время в раскопе работал, насмотрелся вдоволь на эти гнусные рожи.

— А что, когда копаете, трупов много находите?

— Ни единого, сударь, в том-то и дело! Сначала люди удивлялись: как же так, дома в целости и сохранности, только временем трачены, а мертвяков нет? Потом привыкли, перестали вни-



мание обращать на такие мелочи. В могилах, в склепах, которые до катастрофы построены, остовы лежат целехонькие, а города будто метлой вымело. Одни говорят, Первородные сами неведь куда ушли, другие утверждают, что поганая раса собственных богов прогневила и те отомстили. Никто ничего достоверно не знает. Надписи мы прочитать не можем, а если бы и прочитали, что толку? Бедствие случилось сразу, мгновенно — в иных домах посуда на столах осталась, в курильницах остатки благовоний находим, в стойлах скелеты животных валяются! Ящеров, кстати, мы, благодаря Первородным, приручать научились — отыскивали остатки упряжи и седел, увидели рисунки...

— Много сокровищ в городах осталось?

— Много, конечно. Для нелюдей золото не ценнее меди было, как я думаю. Украшений всяких столько выкопали, куда девать не знаем! То есть, знаем, конечно — отдаем тану, а вельможный с Хайборией торговлю ведет. Серебра же в домах и храмах буквально как грязи! Даже дверные петли серебряные находили. Почти уверен — Первородных собственная нечистая сила истребила. Иначе для чего столько серебра нужно? Только ради защиты от нежити, никак не иначе.

Сия занимательная беседа проистекала в чистом поле, по которому неторопливо рысили три ездовых ящера. Гвайнард нарочно придерживал зверя, чтобы успеть вывести у проводника как можно больше сведений о жизни человеческой



колонии Ауруса, Эвар же подробно отвечал на все вопросы, частенько вызывая у слушателей неподдельное изумление: то, что ему казалось вполне привычным и само собой разумеющимся, для обитателей далекой (и одновременно близкой...) Хайбории выглядело если не дико, то очень и очень странно.

По счастью Эвар был сегодня дома — стадо ящеров погнало на пастбище его старший брат. Конану и Гваю с трудом удалось вежливо отбиться от почтенного батюшки Эвара, который едва не силой затащил гостей из-за Грани в дом, напоил пивом и уговаривал остаться на обед. Еле отбрехались, бесстыдно использовав имя тана Арнульфа — едем, мол, по прямому приказу вельможного, каковой преступить никак не смеем. Дали обещание обязательно придти вечером, забрали Эвара, мигом согласившегося проводить тановых друзей в разрушенный город, и с тем отбыли.

Арнульф не кривил душой, утверждая, что время на Аурусе течет медленно. На вид Эвару было лет пятнадцать-шестнадцать, однако на деле он родился двадцать четыре хайборийских года назад, или, по местному счету, «двенадцать с половиной кругов» — год Ауруса длился почти в два раза дольше, чем в мире, из которого люди переселились в Золотую Сферу. Семейство Эвара даже по местным меркам полагалось обширным и богатым — у старого Вемунда было пять сыновей и три дочери, содержал он изрядное хозяйство, да еще и приторговывал в Бритунии, куда



ездил дважды в год на полную луну. За стадами ящеров и сартаками, а заодно большим хлебным полем приглядывала вся семья и четверо наемных рабочих, но рук все одно не хватало — начинали всерьез размышлять над тем, как бы закупить в Пайрогии или Чарнине полтора десятка рабов. О том, что Врата однажды закроются, Вемунд с наследниками предпочитали не думать.

Ничто так не скрашивает дальнюю дорогу, как интересная беседа. Гвай и Конан выяснили, что всего на Аурусе живет две тысячи двести сорок человек, а девятнадцать женщин сейчас ждут детей, что тан разрешил большим семьям уходить из города на выселки и приглядывал, чтоб поселенцам не чинилось никакого ущерба от зверья и нечисти — Арнульф заставлял переселившихся на хутора людей непреложно исполнять главный закон: любое жилище должно быть обито серебром. Хорошо, онтого металла хватало в избытке...

— Вот скажи, для чего вельможный покупает за Вратами столько всяких ненужных вещей? — Гвай задал вопрос, который терзал его с самого утра. — Я видел склады у городской стены, накопленного там хватит лет на сто вперед.

— Ждем, когда к нам переселятся другие люди, — ответил Эвар. — Запас карман не тянет, месьоры. Люди поговаривают, будто к зимнему открытию Врат Мира народ сюда валом повалит. Тан уже начал новый город возводить, двенадцать лиг к Полуночному восходу, там речка



есть и место более удобное. Если хотите, съездим, посмотрим. Это недалеко от раскопа.

— Народ валом повалит? — Гвайнарда хмуро посмотрел на Конана, тот лишь пожал плечами в ответ. — Интересно, откуда же? Про Аурус в Хайбории знают немногие избранные, вроде Ленгула или других перекупщиков, а они вовсе не кричат об Аурусе на каждом углу.

— Бритунийские кметы хотят уйти от своих господ, — сказал на то Эвар. — Да и благородным господам королевские налоги надоели. А здесь хорошо — земли бери столько, сколько сможешь обработать, хочешь, копайся в развалинах, сокровища добывай, а хочешь — отправляйся путешествовать. Жил у нас одно время ученый муж из Немедии, забыл, как его звали. Так он нанял десятерых сорвиголов и поехал земли Ауруса осматривать. На Закате до Океана дошел, на Полуночи до Черных Гор, за которыми только мерзлые пустоши да ледники. Когда возвращался, много всяких диковинных историй о своих приключениях рассказывал, причем не все из них были выдумкой.

— И где он сейчас, этот немедиец?

— Сгинул. Вместе со своей ватагой. Полтора солнечных круга назад уехал, с тех пор не появлялся. Думается, погибли они. Мыслимое ли дело, вдсятером нашей нечисти противостоять?!

— Нечисть, нежить... — Гвайнард сплюнул. — Я этих слов за последние сутки наслушался столько, что на всю оставшуюся жизнь хватит. Эвар, вот скажи, ты сам здешнюю нечистую си-



лу в глаза видел? Почему о ней столько разговоров, если люди ночью наглухо запираются в домах и носа оттуда не высовывают?

— Видеть-то видел. Призраки разные, страшные — жуть! Воят, орут, хохочут. Если тан кого к смерти приговаривает, бедолаг голышом за ворота выкидывают, и поминай как звали! Исчезают бесследно.

— Ночные хищники, — предположил Конан. — Если вы боитесь ночами выходить из крепости, значит вы их никогда не встречали. Почему обязательно нечисть?

— Верно, — согласно кивнул Гвай. — Сразу встает вопрос: как могли выжить первые поселенцы, пришедшие на Аурус? Ведь тогда не было замка тана и укрепленных хуторов! Эвар, ответ пожалуйста, почему над городом натянута сетка?

— Твари часто с неба нападают. Летающие они, с крыльями. Налетят, и кровь жрать начнут! Или просто утащат с собой.

— Конан, тебе это ничего не напоминает? — спросил Гвай у варвара. — Существа, которые охотятся только ночью, атакуют с воздуха, имеют привычку питаться живой кровью? Подозрительно похоже на...

— На каттаканов, — опередил Гвайнарда киммериец. — На диких каттаканов. Не может быть! Рэльгонн с родичами происходит совсем из другой Сферы, здесь они никак не могли оказаться! Эвар, а нечистая сила домашних животных трогает?



— Бывает, сударь. Ящеров или сартаков только от буллетов и прочих скверных чуд оберегать приходится, а вот коровы с лошадами страдают.

— Очень интересно, прямо-таки поразительно! — с воодушевлением воскликнул Гвай. — Есть непреложные законы, один из которых гласит: нечисть не терпит домашнюю скотину, особенно лошадей. У меня самого оберег в виде серебряной коняшки на поясе... К лошади никакой призрак или демон Черной Бездны и близко не подойдет, если в том нет особой потребности. А тут, пожалуйста — даже коней кусают. Значит, это не нечисть — что-то другое, попроще.

— Ты забыл главное, — отозвался варвар. — Лошади или коровы порождены нашим миром, а вовсе не Аурусом. Местная нечистая сила просто не знает, что они — домашние животные. Для нее таковыми являются как раз ящеры, сартаки или те здоровые тварюги с шерстью и рогами. Понимаешь, что я имею в виду?

— Загадка... Возможно, ты и прав.

— Гвай, объясни нам, неразумным, что такое нечистая сила вообще? Если человек, как уверяют некоторые мудрецы, это двуногое, ходящее прямо, разговаривающее и способное думать существо без перьев, то как описать нечисть?

— Демонические существа порожденные Черной бездной, миром первородного зла, — не задумываясь сказал опытный охотник на чудовищ. — Твари, способные обитать в мире человека и питающиеся его жизненной силой, которую они



используют для поддержки своего существования и увеличения магической силы. Если совсем коротко — враги. Беспощадные и безжалостные, только потому, что они направлены исключительно на зло.

— И ты думаешь, что Первородные когда-то настолько разозлили собственных богов, что боги специально открыли проход между Аурусом и Черной Бездной, напустили сюда орду нечисти, а таковая под корень извела нагрешившую разумную расу?

— Понятия не имею, — буркнул Гвайнард, рассматривая долину появившуюся впереди, за холмом. Замечались темные движущиеся точки — люди вовсю работали. — Разберемся! Эвар, это и есть город Первородных?

— Точно так, сударь. Сейчас уже приедем...

* * *

— Поразительно, — только и выдавил Конан, обводя взглядом большущий, в лигу, раскоп, стараниями подданных тана Арнульфа освобожденный от земли и мусора. — Гвай, мы ведь наблюдаем только малую часть развалин!

Вырытая людьми котловина формой отчасти напоминала раскрытый дамский веер, небрежно брошенный на землю. От дороги, ведущей к форту, «веер» постепенно расширялся, охватывая значительную часть зажатой между двумя лесистыми возвышенностями долины и упираясь в синее озерцо в форме полумесяца. Судя по



идеально округлым берегам, озеро было искусственным.

Долгие столетия, пролетевшие после таинственной катастрофы, уничтожившей цивилизацию Первородных, обозначили себя в виде песчаных наносов и земли, постепенно покрывшей город — ребристые крыши некоторых зданий в доселе не расчищенной части долины едва показывались из слежавшегося, покрытого жесткой травой, грунта.

Однако человеческие руки совершили маленькое чудо — центральная часть города оказалась полностью освобождена от завалов, вымощенные цветным камнем улицы, казалось, были тщательно подметены, а похожий на желтоватый мрамор камень, коим облицовывались дома, поблескивал на солнце.

— Тут командует месьор Абу-Бакр, — сказал Эвар. — Он раньше был чиновником в Аграпуре, лет десять назад приехал сюда и с тех пор занимается только раскопками. Прямо разумом повредился на своих ненаглядных древностях! Непременно поговорите с ним — Абу-Бакр очень мудрый человек.

Ящеры спустились в долину, миновали отвалы породы, похожие на миниатюрные горы, и Конан снова подивился тому, сколько же труда вложил этот самый Абу-Бакр со своими подчиненными в раскопки поселения Первородных. По масштабности, этот труд повторял, но не превосходил, строительство крепости тана Арнульфа.



Да, Эвар не соврал, утверждая, что Первородные были неприятным народом. На самом въезде в старинное городище высились две здоровенные статуи — бронзовые, когда-то позолоченные. Теперь позолота облезла и поэтому изваяния выглядели совсем противно. Твари стояли на двух ногах, как и человек, прикрытые от пояса вниз неким подобием набедренной повязки. Ступни заканчивались единственным толстым когтем, загнутым и острым. Фигура Первородного была очень худощавой, почти тощей, на туловище выше живота наблюдалось странное утолщение, смахивавшее на сросшиеся, бугристые женские груди. Руки угловатые, тонкие, с членистыми пальцами — каждый почти с человеческое предплечье длиной. Голова треугольная, сужающаяся к тому месту, которое должно называться подбородком. Вместо рта — двойные челюсти, в точности похожие на увеличенные паучьи жвалы. Глаза огромные, глубоко запавшие в череп. Если думать, что Первородные не превосходили ростом людей, то размер глаз приближался бы к размерам крупного апельсина. От лба к затылку, рассекая голову надвое, шел невысокий гребнеобразный вырост.

— Не удивлен, что боги с ними расправились, — откомментировал Конан увиденное. — Такое чудело сложно полюбить.

— Для всякого Первородного ты или я тоже казались бы невероятным монстрами, — парировал Гвай, который рассматривал статуи с искренним интересом. — Пойми, мы хорошо отно-



симся к нашим гномам или рабирийским гулям только потому, что они или человекоподобны, или являются родственниками людской расы. В случае с Первородными все по-другому: эти существа настолько чужие для нас, что страх перед ними возникает сам по себе. Мы всегда боимся чужого. Теперь представь, что данная статуя посвящена какому-нибудь великому мудрецу этого народа, который очень любил маму, жену и своих детей, а заодно истратил половину состояния на устройство сиротских приютов и школ для девочек из бедных семей.

— Судя по виду, родную маму он отравил протухшими грибами, жену продал в публичный дом, детей обратил в рабство, а школу для девочек поджег из невинного озорства вместе со всеми ученицами, — не остался в долгу Конан. — Не надо ничего идеализировать, реальная жизнь, как правило, гораздо более угрюма и безрадостна. Поехали искать этого ученого туранца, Абу-Бакра. Иначе до вечера провозимся, рассматривая здешние сомнительные достопримечательности.

Единственное, в чем Первородным было никак не отказать, так это в умении украсить свой город. Дома, в отличие от человеческих, были круглыми, словно ульи. Кое-где облицовка обвалилась, обнажая желтоватый кирпич, сохранившиеся крыши сферической, будто купола, формы, сделаны из непонятого материала, похожего на полупрозрачный бычий пузырь. Мостовые выложены плитами синего, желтого и оранжево-



го цветов, складывающимися в нехитрый, но красивый узор. Первородные очень любили пышную мозаику — на стенах зданий множество мозаичных картин, изображающих животных, звездное небо с неизвестными созвездиями, самих Первородных, восседающих в креслах, едущих на колесницах, запряженных зеленоватыми ящерами, просто беседующих или играющих... Все картины в цвете, хотя и тяготеют к синему, голубому и фиолетовому оттенкам — Гвай сразу заявил, что окружающий мир Первородные наверняка видели немного по-другому, чем люди. И что странно, на мозаиках не было ни единой сцены войны, изображенные существа не держали в руках ничего, даже отдаленно напоминавшего оружие. Зато видно множество странных предметов похожих на магические приспособления — шары, жезлы, дымящиеся сосуды...

Всадники добрались до овальной площади, окруженной полуразрушенной длинной колоннадой — тут, в основном, и суетились люди, перетаскивавшие носилки с битым камнем и мусором. Посреди, на расстеленной холстине, тускло мерцали найденные за сегодня ценности: множество погнутых золотых чаш, каких-то подвесок и непонятных шипастых инструментов, словно извлеченных из пыточной. Из очень богатой пыточной.

— Этим они кушали, — Конан услышал спокойный голос с сильным туранским акцентом. К ящеру подошел седой человек облаченный в перепачканный пылью балахон и показал на устра-



шающие зацепы, штыри и шила. — Нечто наподобие всем знакомых вилок или ложечек для маслин... Меня зовут Абу-Бакр, почтенные. С кем имею честь? Мы случайно не встречались раньше?

— Не встречались, — Конан спустился на землю и слегка поклонился. Сразу заговорил на туранском — наречие подданных императора Илдиза варвар отлично выучил за годы службы в Аграпуре. — Мы...

— Мы приехали от светлейшего тана, — перебил киммерийца Гвай. Он тоже знал туранский язык, пускай и не столь хорошо как Конан. — Хотели бы осмотреть развалины.

Далее последовали привычные вежливые представления и расшаркивания. Туранец, потряхивая седой острой бородкой, картинно изумился тому, что на Аурусе появились настоящие Ночные Стражи и тотчас начал пространно жаловаться на донимающую людей нечисть. Ночевать в окрестностях развалин никто не решается, приходится каждый вечер возвращаться в город, что очень мешает работе... Не могли бы уважаемые охотники каким-либо образом помочь? Что-нибудь посоветовать? Если нет, то он, Абу-Бакр, настаивать не будет, но все-таки...

— Надо подумать и как следует оглядеться, — заученно ответил Гвайнард. — Ты позволишь, почтенный?

Почтенный позволил и сам вызвался проводить визитеров по наиболее красивым местам городища. Эвара оставили на площади, сторо-



жить ящеров — он видел развалины многократно и особого интереса к древностям Первородных не проявлял.

Абу-Бакр действительно оказался фанатиком и знатоком своего дела. Наверное, он знал о Первородных больше, чем любой другой человек на Арурусе. За много лет работы туранец научился отличать общественные здания от жилых домов и храмов, повстречал множество загадок, по большей части оставшихся неразрешенными, раскопал столько сокровищ, что любой хранитель казны королевств Заката удавился бы от зависти. Кроме того, Абу-Бакр увлеченно занимался расшифровкой алфавита Первородных.

— Очень сложный язык, — сокрушался ученый туранец, шествуя по главной улице города. — Подозреваю, древняя раса говорила одновременно на нескольких наречиях и постоянно изобретала новые.

— Для чего такие сложности? — не понял варвар.

— Первородные были народом магов и колдунов, это я выяснил непреложно. А появление неизвестного ранее языка, со всем богатством понятий и слов, означает прорыв в новые области магии. Признаться, эти существа перешли все разумные границы в своем искусстве — почти каждое действие, включая самые простейшие, сопровождалось колдовством. Вообразите, мессыры, что вы желаете заглянуть, простите, в нужник, и открываете дверь туда с помощью магии, точно так же опускаете защелку, открываете



крышку чана... Первородные никогда не воевали — зачем создавать примитивное железное оружие, если ты можешь в мгновение ока испепелить целое войско? Сохранилось невероятное количество фресок и мозаик, на которых древние только и занимаются волшебством по любому поводу! У них было все — достаточно пожелать, и любая вещь, от летучего корабля до украшения с бриллиантами, перед тобой. Наши хайборийские колдуны по сравнению с ними — малые детишки, балующиеся простенькими скучными трюками.

— Если древние были столь могущественны, то почему они вымерли? — спросил Гвай, рассматривая настенную мозаику — глазастое существо создавало из воздуха огромные вычурные цветы и преподносило их другому Первородному. — Уверен, у тебя должны быть соображения по этому поводу.

— Я почти раскрыл секрет гибели их цивилизации, — скромно ответил Абу-Бакр. — Простецы, напуганные непривлекательным видом древних, говорят, что они рассердили своих богов. Возможно. Но истинная причина опустошения Ауруса в другом. Прошу заметить, этот город прекрасно выглядит, он практически цел, только со временем его занесло песком. А от соседнего поселения, в семнадцати лигах полуденнее, осталось одно мелкое крошево — такое впечатление, что его целенаправленно разнесли по камушку и сожгли остатки: в земле множество следов пожара. Другой пример. Возле дороги к



Вратам Миров стоят два храма. Первый целехонек, второй варварски уничтожен — будто тараном в стены били! И стоят они совсем рядышком, в тридцати шагах друг от друга.

— Борьба между последователями разных культов? — высказал свою мысль Конан. — Такое и у нас бывало неоднократно. Вспомним святого Эпимитриуса, без всякого зазрения громившего святилища кхарийцев.

— Тогда почему в этом городе храмы тех же богов стоят нетронутыми? — саркастично спросил Абу-Бакр. — Нет, здесь надо смотреть гораздо глубже. Аурус — кстати, по моим предположениям, на языке Первородных он назывался «Кертар» — постигло некое невероятное, немыслимое для нас бедствие, вызванное сорвавшейся с цепи магией. Буйство бесконтрольного колдовства, которое накопилось за тысячелетия шалостей древних, полагавших магию лишь удобной помощницей в повседневной жизни! Вообразите гигантскую, полумразумную волну магии пронесшуюся по всему Аурусу-Кертару; волну, сметающую на своем пути любой разум и — избирательно! — часть рукотворных построек... Страшное, должно быть, зрелище... Животных волна не тронула, как вы могли заметить. Только разумных Первородных — они погибли все до единого! Или не погибли, а оказались в местах, о которых и думать не хочется... Черная Бездна, Межмировая Пустота... Б-р-р...

— Очень любопытное предположение, — понимающе сказал Гвай. — Это может отчасти объ-



яснить появление нечисти в столь удручающих количествах. Нам уже все уши прожужжали — демоны на каждом шагу, призраки за каждым кустом... Однако, практически никто с этой нечистью лицом к лицу не сталкивался — ночами вы прячетесь.

— А что остается делать? Устраивать праздники с плясками вокруг костра?

— Прежде всего — перестать испытывать панический ужас перед непознанным...

Осмотр города ничего не дал. Только дома, мозаичные картины, статуи, подчас изображавшие фантастических существ самого безобразного вида. Может, прежние хозяева Кертара и полагали их красивыми, но у человека эти изваяния вызывали одну только брезгливость.

— Вернемся на площадь, — предложил Абу-Бакр. — Сегодня рабочие вплотную подобрались к одной из подземных усыпальниц, я хочу подробно изучить ее. Простенцы в склеп не полезут, считают это слишком опасным. Но вы-то, как люди бесстрашные, не откажетесь меня сопровождать? Ночные Стражи не должны трепетать перед высохшими мертвецами, погребенными много тысяч лет назад! Принимаете приглашение?

— С удовольствием, — кивнул Гвай. — Это далеко?

— Совсем рядом! Полагаю, найдена гробница вождя или жреца. Очень уж богато украшено преддверие могилы — золота Первородные не жалели... Сами взглянете.



— Меня, как всегда, не спросили, — недовольно буркнул киммериец, но его никто не услышал. Гвай и Абу-Бакр вновь пустились в живое обсуждение тайн Ауруса.

* * *

— Надписи на дверях склепов всегда начинаются одинаково, — старик указывал на иероглифы, украшавшие арку входа в гробницу. — Предполагаю, это слова наподобие «тут лежит» или «тут упокоен». Потом следует собственное имя... э... постояльца, его титул и история жизни. Я отгадал несколько десятков иероглифов, обозначающих отдельные понятия вроде «солнце», «вода», «дом» или «правитель», но поскольку Первородные пользовались не только иероглифами, но и как минимум четырьмя буквенными алфавитами, я постоянно путаюсь.

— Тогда откуда известно, что Аурус именовался Кертаром и никак иначе? — задал вполне справедливый вопрос Конан.

Абу-Бакр мечтательно закрыл глаза.

— Помогла карта звездного неба, изображенная на здании, которым владел Первородный, чей род занятий можно было бы назвать астрологией. Только это не астрология, а гораздо более сложная и точная наука. Я когда эту карту увидел в первый раз, едва с ума не сошел! Решил, что привиделось, не иначе. Созвездия совершенно другие, чем в небесах Хайбории, Аурус, разумеется, обозначен как центр Вселенной,



прочие звезды подписаны разными алфавитами. И вообразите — возле одной из звезд я обнаруживаю надпись на чистейшем кхарийском языке!

— Быть не может! — Гвай аж рот раскрыл. — Если Первородные погибли до открытия порталов, как оно и случилось, значит они просто не могли бывать в нашей Сфере!

— Ошибаетесь, молодой человек! Очень сильно ошибаетесь! С таким невероятным знанием магии, древняя раса вполне могла строить временные порталы между Сферами и путешествовать сколько душе угодно! Приходили они и к нам, доказательства налицо! Судя по ахеронским буквам, это случилось в ранний период империи, около трех с половиной тысяч лет назад, не позже. Я специально заказал через тана Арнульфа книги по кхарийской истории, а когда их доставили из Хайбории, перевел надпись. Ничего особенного — только название нашего мира на языке правителей Стобашенного Пифона. Под кхарийскими словами, ниже, точно такой же текст был написан буквами Первородных. Так и получилось разобрать десяток символов, но увы, с тех пор продвинуться далее в изучении наречия Кертара мне не удалось, слишком уж тяжело. Могу прочитывать некоторые простенькие слова, однако смысл ускользает... Потом, по известным знакам, я разобрал наименование этого странного мира. Вот так, помогла удивительная случайность. И страсть Первородных к дальним путешествиям. — Абу-Бакр вздохнул, помолчал,



и указал в сторону лестницы: — Идемте вниз, месьюры! Никаких великих открытий нас не ожидает, просто взглянем на роскошества, с которыми бывшие обитатели Кертара провожали усопших в мир теней.

Рабочие, само собой, отправиться вслед не решились — увлеченный познанием кертарских древностей Абу-Бакр и так слыл умалишенным, ибо все нормальные люди в заброшенном городе искали только сокровища, стараясь не залезать в гробницы. А ученый старик, рискуя собой буквально каждый день, бродил по склепам и подземным лабиринтам в надежде обрести никому не нужные знания. Все были уверены, что однажды туранца сцапает какой-нибудь особо гадкий демон, но пока Абу-Бакру везло.

Изумляет другое: каким это, интересно, образом, старый дурень сумел увлечь глупыми сказаниями двух парней, выглядящих туповатыми наемниками, которым глубокомысленные рассуждения туранца должны быть напрочь чужды и непонятны?

Ведущая в черные недра лестница оказалась широкой и крутой. В каждой ступени выбито углубление, для удобства Первородных — большой коготь, каким оканчивалась их ступня, идеально подходил к округлому желобку. На стенах рельефы чеканного золота, испещренные тысячами иероглифов и фигурок, видимо описывавших деяния усопшего и его праведную жизнь. Истинное же великолепие ждало внизу — при свете факелов преддверие гробницы вспыхнуло всеми



цветами радуги. Шлифованные камни, каких в Хайбории не видывали, стекло, кристаллы горного хрусталя, снова золото и снова камни, выкладывающиеся в неприменную мозаику. Офирский король, самый богатый монарх Заката, увидев это режущее глаз великолепие, немедленно выгнал бы придворного ювелира с позором и потребовал нанять мастеров с Кертара, окажись такая возможность.

— Скверно, — покачал головой Абу-Бакр, внимательно осмотрев переднее помещение усыпальницы. — Заметили, здесь нет никаких серебряных вещей. Ни единой! Ничего, что могло бы отпугнуть злых духов... Не понимаю! Неужели погребенный здесь чело... э... Первородный, был настолько самоуверен? В прочих склепах очень много серебра, даже плитки на полу из него отлиты! По моему мнению, Первородные крайне серьезно относились к собственному благополучию в посмертном существовании и никак не могли допустить, чтобы демонические твари преследовали их в мире Невидимом!

— Хочешь вернуться обратно? — приподнял бровь Гвайнард и попутно шикнул на киммерийца, пытавшегося поддеть острием кинжала приглянувшийся изумруд и вытащить его из оправы. Конан только поморщился.

— Я посоветовал бы вернуться только вам — зачем понапрасну рисковать? — ответил тураец. — По-моему, здесь небезопасно.

— Вся наша жизнь небезопасна, — философски сказал Конан, засовывая добытый камень в



кошелек. — Куда дальше идти? Мы забрели в тупик или я чего-то не понимаю?

— Это не тупик, — покачал головой Абу-Бакр. — Просто дверь ведущая в саму гробницу закрыта, запечатана. Мне повезло — четыре года назад, в храме божества, которое у Первородных исполняло обязанности нашего Нергала, Великого Судии и хранителя Мира Теней, я нашел ключ, которым можно отворить дверь в любой склеп. Они не боялись ограбления усыпальниц — если ты можешь иметь золота сколько захочешь, нет смысла воровать у мертвых. Золото на Кертаре не имело высокой цены — просто красивый и очень долговечный металл.

Старик покопался в кармашках пояса, вынул короткий, с ладонь, тонкий жезл. Передернул рычажок на рукояти и жезл раскрылся, подобно металлическому цветку — получилось семь или восемь лепестков, которые идеально подходили к аналогичному углублению в одной из стенных панелей. Три поворота вправо, щелчок... Конан отскочил — стена, обернувшись вокруг оси, открыла новый проход. Абу-Бакр удовлетворенно хмыкнул:

— Видите, как просто? Можно не беспокоиться, Первородные не устраивали в гробницах ловушек, замаскированных провалов или других неприятных сюрпризов. Пауков тоже нет — насекомых в этом мире очень мало и все они не кусаются...

— По мне, так лучше бы сотня пауков, чем вот такое чудо, — Конан указал на один из рельефов.



ефов, вырезанных в камне, очень похожем на голубой нефрит.

Омерзительный пузатый демон скалился на непрощенных гостей, сжимая в лапах длинный хлыст из языков пламени. Вероятно, это изображение было призвано предостеречь святотатцев, посягнувших на покой захоронения, но Абу-Бакр гласу благоразумия не внял и отправился дальше, по наклонному коридору, в затхлую глубину склепа.

— Пришли, — провозгласил туранец через сотню шагов. Проход вывел в круглую рукотворную пещеру, украшенную до обидного скромно. Стены — голый необработанный камень, всего две погасших курильницы на тонких ножках да несколько золотых сосудов непонятного назначения. И саркофаг в центре.

— Шикарно, ничего не скажу, — прищелкнул языком Гвайнард, касаясь рукой массивной домовины. На ладони остался след пыли. — Первородные умели не только красиво жить, но и красиво умирать.

Вытесанный из желтого кварцита саркофаг лежал на толстой алебастровой плите и был накрыт крышкой из камня, похожего на розовую яшму. По четырем углам виднелись изображения лупоглазых крылатых существ, напоминавших горгулий. И, конечно, масса золотых накладок в виде растительного узора.

— Я в недоумении, — Абу-Бакр потеревил острую бородку. — Нет сомнений, тут погребен один из самых великих представителей древней



расы, но по сравнению с другими гробницами, эта выглядит просто образчиком скромности и умеренности! Прочие склепы ломаются от серебра, золота... Мы находили все, что угодно — вазы, ларцы с одеждами, кубки, бисер, ритуальные предметы, даже колесницы! Первородные, отчасти, похожи на древних стигийцев, хоронивших своих вождей с наивозможной пышностью. А тут — какой-то нищий!

— Если в твоих, почтенный, представлениях, этот тип является нищим, — ворчливо заметил Конан, — то я тогда не знаю, что следует полагать богатством. Аквилонских королей погребают куда скромнее! В Тарантии я видел могилу Сигиберта Завоевателя — обычный гранитный саркофаг и ничего больше.

— Не следует равнять человека и Первородных... — пафосно провозгласил Абу-Бакр, но вдруг осекся. В усыпальнице начало происходить нечто странное.

По всей окружности стен неожиданно появились щели, пылающие холодным синевато-белым огнем, свет полился из коридора, затмевая оранжевые язычки факельного пламени — спустя несколько мгновений в пещере было светлее, нежели под чистым небом в полдень.

Вертикально рассекшие камень прорези расширились, становясь похожими на змеиные зрачки, в их глубине обозначилось неясное движение. Вскоре оттуда выскользнули бесформенные туманные облачка, чем-то напоминавшие варвару бесплотных морских каракатиц. Призрачные су-



щества устремились в сторону выхода, явно намереваясь отрезать дорогу назад.

— Пойдем-ка отсюда... — успел вымолвить Конан, но путь в коридор уже был перекрыт колышущейся синеватой стеной. Самая дальняя щель, сразу за изголовьем саркофага, приобрела ярко-лиловый цвет с малиновой искрой, внутри шевельнулась крупная тень.

Скрывавшаяся в стене тварь осторожно шагнула в пещеру. По плиточному полу царапнули пурпурные когти. Мертвенные синие глаза-шары уставились на людей.

Демон не был чересчур огромен — высотой он лишь на полголовы превосходил длинного киммерийца. Очень похож на изображения Первородных — такое же тощее нескладное туловище, длинные пальцы, треугольная голова. При движении по телу пробегают змейки розовых и малиновых молний, кожа изредка вспыхивает голубыми точками и пятнами, вокруг голого черепа мерцает лазурный ореол, в котором моргают ослепительные белоснежные искорки. Конан почему-то сравнил чудище с ожившей грозой — от него даже пахло так, как после разряда молнии.

...Когда варвар вступил в отряд Ночных Стражей, Гвай сразу подарил ему амулет гильдии — медальон в виде головы волка, способный предупреждать владельца об опасности. Сейчас оберег чувствительно вздрагивал и покалывал кожу на груди снежным холодком. Означало это только одно: перед господами охотниками и онемевшим



от испуга месьюром Абу-Бахром находилась самая натуральная нечистая сила. Существо из Черной Бездны, демон, оберегавший гробницу.

Пока Гвай, киммериец и ученый старик стояли в замешательстве, не зная, что теперь делать, демон полностью освободился от каменного плена, двинулся вперед, заслонив собой саркофаг, взмахнул рукой, в которой невесть откуда появился бич со струей огня вместо обычной ременной плети и с невыносимой торжественностью что-то изрек на языке, которого никто из людей прежде не слышал.

Заметив, что двуногие существа никак не отреагировали на грозную тираду, тварь повторила те же слова, но значительно громче и размереннее. После этого воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием искр, скользивших по лапам монстра.

— Чего он хочет? — шепнул Конан.

— Откуда я знаю? — скороговоркой ответил Гвай, в душе проклиная собственную непредусмотрительность — понадеявшись на спокойный денек, он не взял из города свое серебряное оружие, без которого сражаться с нечистью было совершенно бессмысленно. Да и кто бы мог подумать, что демон решится вылезти из Небытия среди беда дня — до заката оставалось очень много времени! — Видимо, грозит страшными карами за наглое вторжение во вверенную его попечению усыпальницу...

Вновь громыхнули слова неизвестного наречия — теперь демон явил в голосе нотки нетер-



пения и был очень многословен. Даже ногами топал и крутил перед собой огненной плетью — ярился. Произнеся долгую и во всех смыслах пламенную (истечение искорок и молний превратило чудо в эдакий живой фейерверк) речь, он снова замолчал. Наклонил голову выжидательно.

— Не понимаем, — глуховато сказал Конан, разведя руками. — Ты по-аквилонски или по-турански говорить умеешь?

Демон недоуменно отпрянул, ненадолго застыл в задумчивости, и внезапно протянул свободную от плети руку к варвару. Конан отпрыгнул, наткнувшись на Гвайнарда, сильно отдавив ему ногу. И все-таки тварь успела дотронуться до плеча человека.

Киммериец не ощутил ничего особенного — просто на миг закружилась голова и скользнуло перед глазами мимолетное видение, складывавшееся из тысяч знакомых картинок: горы Киммерии, шадизарский базар, купола храмов Аграпура, леса Бритунии. Наваждение исчезло тотчас. Судя по всему, демон не причинил Конану никакого вреда.

— Именем багрового Кхутумо! — неожиданно возгласила тварь на вполне сносном бритунийском. — Осмелившиеся войти в запретный круг да будут пожраны огнем и прокляты, до времен гибели Вселенной!

— Ты откуда знаешь... — ахнул Гвай, но сразу опомнился. Ничего удивительного: коснувшись киммерийца, тварюга сумела почерпнуть из его



души нужные знания. Старый фокус, в Хайбории тоже такое бывало. Опомнившись, Гвайнарда выпалил: — Ты кто такой?

— Я — страж! — гордо известил людей демон. — Вихрь Синей Грозы, Турудис, Владелец Алого Бича!

Для наглядности демон по имени Турудис взмахнул плетью, превратившуюся в смазанную полосу огня. Медальоны Гвайнарда и Конана стали не просто холодными, а ледяными. Надо было что-то предпринимать, но что именно? Оба доблестных охотника пребывали в растерянности. Абу-Бакр крупно вздрагивал.

— Священный запрет нарушен смертными созданиями! — продолжал разоряться демон, видимо решив обставить наказание забравшихся в гробницу татей со всей положенной торжественностью. — И в час, когда миры вновь сойдутся в единой точке, воздаяние и карающая десница...

— Постой, постой, — Гвай решительно вышел вперед, подняв ладони в примирительном жесте. — Слушай, мне очень неприятно, что мы случайно нарушили запрет, мы готовы извиниться и все такое, но... Если я правильно понимаю, ты обязан уничтожать любого, кто явится сюда без разрешения?

Демон, казалось, слегка опешил от подобной наглости. Осекся на полуслове.

— Никто не смеет тревожить сон могучего Карнорга, повелителя Четырех Первичных Стихий, — осторожно сказал Турудис. — Странно,



вы давно должны были обратиться в прах, который развеяла бы незримая Синяя Гроза!

— Ага! — воскликнул Гвай, многозначительно подняв палец к потолку. — Значит, в прах? Ну-ка, приятель, ударь меня своим бичом!

— Сдурел?! — рявкнул Конан, но замолчал, увидев властный жест Гвайнарда.

Турудис рыкнул, воздел плетъ, молодецки замахнулся, огненная струя обвила человека и сразу же бессильно рассыпалась искрами, еще некоторое время тлевшими на полу. Если бы физиономия демона могла выражать изумление, то он сейчас выглядел бы как ростовщик, обнаруживший в своих сундуках вместо золота гору ореховых скорлупок.

Гвай победоносно улыбался, а варвар и Абу-Бакр стояли разинув рты. Нечисть, по неясной причине, растеряла свою силу.

— Как же так? — осмелев, Конан обошел вокруг Турудиса, тыкая пальцем в прикрывавший его грудь легкий вычурный доспех. Ладонь слегка покалывали искорки. — Ты сторожишь усопшего тысячу лет, пугаешь и превращаешь в пыль всякого, кто проникает в склеп, а нас убить не можешь?

— Не могу, — протянул Турудис с таким разочарованием в голосе, что варвару стало почти жалко демона. — Но почему?! Почему? Я знаю, что мое волшебство не иссякло и не иссякнет вовеки!

— Брось, ничего страшного, — киммериец развязно шелкнул Турудиса по тому, что заме-



няло ему нос. От огорчения существо почти перестало испускать молнии и словно уменьшилось в росте. — Твоя магия, наверное, действует только на тварей, вроде этого... Кто здесь похож?

— Карнорг, величайший из магов золотого Кертара, повелителя миров, — замогильным голосом сообщил демон. — Я храню его покой во все не тысячу кругов солнца, а пять тысяч двести восемь.

— Примерно одиннадцать тысяч лет по нашему счету, — скрипнул Абу-Бакр, избывший свой страх и решившийся принять участие в разговоре. — Я могу кое о чем спросить у тебя, почтенный? Что произошло с Кертаром? Куда исчезли Изна... э... сородичи достойного волшебника Карнорга?

— А разве они исчезли? — безразлично спросил Турудис, демон-хранитель. — Ничего не знаю, я спал. Я пробуждаюсь только если нарушен священный запрет. Как сейчас... И теперь я вижу, что древний Кертар захвачен вами, невиданными прежде тварями, неподвластными волшебству Синей Грозы.

— Нет-нет! — засуетился старый туранец. — Слово «захвачен» будет неверным. Мы, люди, пришли на пустующие земли. Твои хозяева вымерли. Их больше нет!

— Нет?... — демон совсем упал духом. — Вымерли?

— Бесплезный разговор, — громко сказал Конан, которому надоело общество унылого Ту-



рудиса. Пусть он и безобидный, но варвар все равно питал к демонам неодолимую неприязнь. — Месьор Абу-Бакр, кажется мы увидели все интересное. Может быть, стоит вернуться наверх?

— Вы идите, — отмахнулся старик. Глаза Абу-Бакра разгорелись азартным огнем. — Я с ним еще немного потолкую. Не каждый же день можно побеседовать с древним демоном, который, вдобавок, не способен меня убить!

Киммериец потянул Гвая за рукав и они, беспрепятственно миновав запиравшую коридор стену маленьких призраков, отправились наружу. Абу-Бакра пришлось ждать долго, не менее двух колоколов — за это время господа охотники успели перекусить в обществе Эвара и даже чуток вздремнуть.

— Мы с ним договорились! — торжествуя воскликнул Абу-Бакр, появившись из мрачного зева подземелья. — Я клятвенно пообещал, что не стану пускать других людей в спальню, а Турудис взамен поможет мне в изучении истории Первородных!

— Ну и ну, — хмыкнул Конан. — Рассказать кому — не поверят! Месьор Абу-Бакр, это же нечистая сила! Кто сегодня жаловался на потусторонних тварей, которые свободно вздохнуть не дают?

— А по-моему, он очень несчастный и одинокий, — сказал туранец. — Представляешь, какво это — узнать, что твой мир погиб и уже никогда не возродится в прежнем облике и вели-



чий? Боги всеблагое, как мне повезло! Теперь большая часть секретов Кертара наконец-то станет известна человеку!

— Не забудь, секреты демонов стоят слишком дорого...

* * *

— Мысли, мнения, соображения? — Гвай возлежал на пышной постели в гостевых комнатах «замка» тана Арнульфа, созерцал плохо побеленный потолок и пытался не обращать внимания на киммерийца, устроившегося на подоконнике — Конан громко и фальшиво насвистывал немецкий военный марш, одновременно стругая палочку охотничьим ножом.

— Никаких мыслей, — варвар прервал свои рулады и отложил нож. — В голове пусто, как в трухлявой бочке. После явления нашего грустного знакомого — я Турудис имею в виду — мои представления о мире начали переворачиваться. Кто он? Верно, природная нечисть. Если он нечисть, значит враждебен и опасен. Однако, демон поступает прямо наоборот. Точнее, вынужден поступать — колдовать не получается, превращать осквернителей покоя гробницы в лягушек, крыс или мокриц — тоже. Вместо жутких злодейств, Турудис соглашается мирно обучать Абу-Бакра языку Первородных и начинает дружить с людьми. Каково?

— Ну, «дружить» демон вовсе не собирается. Он просто обменял свои знания на покой усы-



пальницы — хранитель прежде всего обязан уберечь знатного мертвеца от лишних беспокойств. Турудис, заметив, что его магия на нас не действует, выбрал меньшее зло. Если, конечно, такие слова подходят к существу, которое само порождено злом.

— Не будем углубляться в ненужную философию, — скривился Конан. — Добро, зло, равновесие... Чепуха! Для меня существует одно-единственное добро: хочешь, чтобы люди тебя уважали — уважай их. Равно и наоборот. А поскольку этому правилу я следую всю жизнь, среди людей у меня на удивление мало врагов. Теперь вернемся к Турудису. Демон порожден Черной Бездной, чтобы творить зло. Делать зло он не может — просто не получается, при всем желании. Таким образом мы видим полную бессмыслицу: тварь, явившаяся из обители первородной Тьмы, из самой сердцевины зла, оказывается всего лишь безобидным пугалом, которое еще и может оказать услугу милейшему Абу-Бакру — новые знания для старика, несомненно, являются добром. Как прикажешь такое понимать? Что следует обозначить Светом, а что Тьмой? Ум за разум заходит...

— Сотня вопросов и почти ни одного ответа, — Гвай встал с ложа, подошел к окну и выглянул наружу. Вечерело, тени постепенно становились длиннее. — Почему гробницу мага сторожил нечистый дух, хотя Первородные страшлись демонов Бездны? Почему мы, отлично зная, что Турудис — опасная нежить, которая отнюдь



не отличается голубиной кротостью, остались целы и невредимы? Отчего у жителей Ауруса такой страх перед ночной темнотой? Отгадка где-то совсем рядом! Если ты способен ответить, получишь в награду золотую монетку.

— Засунь эту монетку знаешь куда? — огрызнулся Конан. — Лично мне Аурус надоел. Надо отсюда убираться. Если сегодня ночью появится Рэльгонн, я обрадуюсь ему как любимому брату — наши хайборийские упыри ближе и роднее. Жаль только, что сартака и твоего жеребца придется оставить на память вельможному обжоре Арнульф.

— Сегодня ночью у нас будут другие дела, — преспокойно сказал Гвай. — Я уже говорил, что собираюсь переночевать под открытым небом. И не смотри на меня так, словно жабу проглотил — решение окончательное и бесповоротное. Что характерно, тебя принуждать к этой аванюре я не собираюсь. Боишься — сиди дома.

— Это не принуждение, это грязный шантаж, — искренне возмутился Конан. — Сам отлично знаешь, одного я тебя не оставляю — ты ж как дите малое! Если вбил что-то в дурную башку, не отступишься. Попробуй ответить внятно: зачем нужно отдавать себя на растерзание нечистой силе или ночному зверью?

— Хочу проверить несколько предположений, — ответ был более чем туманным. — Насчет зверья не беспокойся, я спросил у Эвара — буллеты и прочие зубастые красавчики ночами спят. Остальных мы попробуем отпугнуть. Разведем кос-



терок, прихватим пару баклаг с вином, песни попоем — романтика!

— Песни? — фыркнул варвар. — Посмотрим, что ты запоешь, когда очутишься в зубах какого-нибудь дружка Турудиса. А мне, как всегда, придется тебя оттуда вытаскивать.

— Как всегда? — Гвай посмотрел на верного соратника не без иронии. — Помнится, седмицу назад, именно мне пришлось спасать из клешни мантикора некоего знакомого киммерийца, куда он угодил...

— ...По твоему же недосмотру. Это была случайность.

— Когда подобное происходит почти каждый день, это не случайность, а печальная закономерность. Может, тебе и на самом деле лучше остаться в крепости? Избавишь меня от лишних забот.

— Вот не посмотрю, что ты командир отряда, и врежу от души!

— Еще чего! Тан Арнульф нас не поймет, если мы явимся к нему за снаряжением и серебром с битыми мордами. Чего расселся, варварская душа? Пошли к вельможному, до заката надо успеть как следует подготовиться. Встретим демонов кертарского bestiaria во всеоружии! Вперед?

— Вперед!



Глава пятая,

*в которой Ночные Стражи вместе
с упырем из Рудны раскрывают один
из главных секретов Ауруса*



Вебо на Аурусе красивое. Когда солнце медленно уплывает за горизонт, Верхняя Сфера меняет цвет с фиолетово-голубого на пронзительно-синий, а на закате начинается настоящая феерия красок — розовый, все оттенки желтого и золотого, малиновый, багровый, оранжевый.

Наконец, край светила окончательно исчезает за Гранью и тотчас в небеса ударяют зеленые лучи — сияющие изумрудные линии на некоторое время затмевающие звезды. Конан видел такое явление в славные времена службы на каперском флоте короля Фердруго Зингарского и знал ему объяснение — свет солнца проходит через воды океана, окрашиваясь в цвет воды, однако на Полуденном побережье зеленые лучи никогда не были настолько яркими и не занимали половину небесного свода. Гвайнард, который нико-



гда не бывал на море, смотрел на редкостный в Хайбории природный спектакль с зачарованностью ребенка, увидевшего трюки уличного фокусника.

Приблизительно через два с половиной квадраса должно было стемнеть окончательно. Поскольку сутки Аруруса продолжались почти на половину дольше, нежели в Хайбории, то и ночь была длиннее. Конан ясно представлял, что спокойно отдохнуть грядущей ночью никак не получится, и хорошо, если к рассвету хоть кто-то останется жив и не покалечен. Из города охотников провожали так, словно Гвай и Конан были живыми мертвецами — разве что траурными цветами не забрасывали. Светлейший тан, услышав о придуманной Гвайнардом аванюре, поначалу напрочь лишился возможности не только кричать, но и вообще издавать членораздельные звуки и даже пролил на одежду кубок вина, окончательно испортив свой парчовый колет.

— Переночевать под открытым небом? — выговорил Арнульф, не без усилий обретая дар речи. — Разумом повредились, месьоры охотники? И хоронить-то утром нечего будет!

— Постараемся обойтись без похорон, — прохладно ответил Гвай. — Если не ошибаюсь, вельможный наемник требовал, чтобы мы оградили его подданных от нечисти? Мы согласны это выполнить, но с тремя непременными условиями.

— Говори! — нахмурившись рыкнул Арнульф. — Не верится мне правда, что двое Ночных Стражей сумеют повывести всю нечистую силу



Ауруса... Хорошо, предположим, вы это сделаете. Любая награда будет ваша! Все, что попросите!

— Первое и главное: ты отпустишь нас обратно в Бритунию. Второе — честно ответишь на наши вопросы. И, наконец, заплатишь обычную награду за работу. Учти, охотникам на чудовищ платят довольно много. — ремесло редкое и опасное...

— Хо! Напугали ежа голым профилем! — расхохотался Арнульф, но быстро утих. Сказал чуть высокомерно: — Согласен. И знаете, почему? Да потому, что не верится мне в вашу удачу. Никак, извиняюсь, не верится. Никому и никогда доселе остаться в живых ночью не получалось. Достоверная истина! Но если действительно придумаете, как людей от нежити огородить — озолочу! В Хайборию королями вернетесь! На розовых лепестках спать будете, амброзию ведрами вкушать, с королевами любиться еженощно! По рукам!

— Замечательно, — кивнул Гвай. — Теперь дозволю спросить: найдутся ли в крепости люди, которые живут на Аурусе с самых первых лет заселения?

— Как не найтись? К примеру, кабатчик наш — Эрм из Меноры, немедиец. Зачем вдруг вам понадобились старые переселенцы?

— В другой раз расскажу, вельможный. — Гвай повернулся к варвару и приказал: — Быстро топай в таверну, отыщи хозяина и во всех подробностях расспроси, как они выживали здесь без крепости и домов. Ничего не упусти, запом-



ни самые мелкие детали. Словом, не мне тебя учить. Живо! Потом придешь к городским воротам.

Конан молча развернулся на каблуке и отправился по поручению. Гвай остался у светлейшего — следовало подробно обговорить все детали самоубийственного ночного предприятия и вытребовать необходимую помощь.

В душе варвар подозревал, что у Гвайнарда созрел крайне необычный, а самое главное надежный план — не такой он человек, чтобы зря рисковать. Если решился подставить голову под топор, значит либо топор не заточен, либо шея слишком крепкая. Гвай никогда не приступал к делу не обдумав сотню раз все «за» и «против», а потому всегда выигрывал. Обычная бесшабашность Ночных Стражей была ему чужда, и благодаря редкостной рассудительности командира, ватага Гвайнарда успешно трудилась на тяжком поприще охоты за монстрами долгие годы. Сейчас он уверен в победе, а значит для такой уверенности есть серьезные основания.

Обнаружив в таверне «Черный эль» упомянутого таном месьора Эрма — в прошлом, проворовавшегося немедийского сборщика налогов, ускользнувшего от гнева властей в Мир Соседний — Конан буквально припер кабатчика к стенке и беседовал с ним не меньше полутора колоколов, заставляя вспоминать эпоху первых поселенцев, обнаруживших за Вратами пустой и богатый мир. Услышав все, что требовалось и поглотив не меньше пяти кружек прекрасного



пива, киммериец распрошался, прихватил мешок с едой (ночью, на свежем воздухе, обязательно захочется перекусить!) и в соответствии с распоряжением Гвая направился к воротам городка.

— Внизу они, под холмом, — сообщил Конану стражник, глядевший на варвара почти скорбно. — Что же, в самом деле желаете на верную гибель идти?

— Ставлю сотню золотых, что завтра утром мы вернемся в форт живыми и здоровыми, — оптимистично сказал киммериец, однако на лице стража было написано прямо противоположное: не жалец ты, парень!

— Кому оно здесь нужно, твое золото? — вздохнул копейщик. — Решил помереть нехорошей смертью — иди, тебя давно ждут.

И точно, у подножия холма под водительством Гвая и надзором танова сотника три десятка мужчин наспех сооружали нечто вроде открытого шатра. На материалы, включая ценную в безлесной степи древесину, Арнульф не поспешил — видать, сам заинтересовался исходом столь необычного дела, затеянного приезжими охотниками.

Дощатая крыша в два ската более всего напоминала обыкновенный навес. Четыре столба по углам, еще один в центре. Пройти под крышу можно только нагнувшись, ибо доски не доставали до земли всего два с половиной локтя. Дерево обивали листовым серебром, толщиной в палец, чему Конан немало удивился — чтобы



защититься от нечистой силы вполне достаточно совсем тоненького слоя драгоценного металла.

— Навес должен выдержать сильный удар сверху, — объяснил Гвай. — Поэтому сначала идут доски, потом железные полосы, потом серебро. Кстати, серебра нам выдали столько, что можно запросто скупить половину Бритунии. Погляди на повозку — фунтов четыреста, не меньше...

На двухосной тележке с высоким бортами была навалена целая гора серебряных монеток, безделушек и маленьких слитков. Ездовой ящер, впряженный в повозку, выглядел особенно печальным — эдакая тяжесть!

— На грядущую ночь мы становимся богачами, — присвистнул киммериец. — Что ты намерен делать с этим добром?

— Бери монеты, слитки и разбрасывай вокруг навеса, — проговорил Гвай и сам зачерпнул полную горсть серебра. — Попутно можешь рассказать, что узнал у кабатчика.

— Старикан перебрался на Аурус почти сорок лет назад, — начал Конан, аккуратно раскладывая монеты по периметру деревянного сооружения, под которым могли бы свободно укрыться человек десять. — Сначала здесь было относительно спокойно, до времени, пока местные чуды не уяснили, что человек вполне съедобен. Люди начали строить крепкие дома, выяснили, чего боятся крупные хищники — буллет, например, не терпит уксусного запаха и сразу убегает...



— Надо будет запомнить, — Гвай вернулся к телеге за новой порцией серебра. — Меня интересует ночь. Как они защищались ночами?

— Если верить содержанию таверны, с наступлением темноты появляются призраки. Очень страшные. Как и положено всякой чтящей традиции нечисти они избегают серебра, чеснока и прочих проверенных временем средств. Но самое скверное в другом. Как нас и предупреждали, незадолго до полуночи — полночь начинается с восходом второй луны — в небе появляются твари, от которых нет никакого спасения. Что-то вроде гигантских птиц. Убить их якобы невозможно, по крайней мере доселе никто не видел их трупов. Раньше они разбивали крыши домов, похищали людей, теперь частенько воруют скот — только домашних животных привезенных из Хайбории. Было несколько случаев нападений на сартаков, но они довольно редки. Эти летучие призраки и есть самое главное проклятие ночей Ауруса. До строительства крепости от них прятались в глубоких землянках.

— Помнишь, вчера мы думали, что эти существа напоминают каттаканов? — задумчиво сказал Гвай. — Я тоже сначала грешил на сородичей Рэальгонна, случайно попавших в эту Сферу, но теперь стало ясно — каттаканы не виноваты. Они могут с помощью врожденной магии очутиться где угодно, в закрытом доме, в пещере, в наглухо запертом каземате. А ты говоришь, будто хищные летуны разрушали крыши, чтобы добраться до людей. Продолжай.



— Со временем ночь стала запретной — нельзя выходить из домов, с темнотой следует обязательно прятаться... Единственный человек, который не соблюдал табу — немедиец-путешественник, о котором рассказывал Эвар — исчез больше года назад. Вообрази, он успел объездить половину этого материка, частенько ночевал в поле, и ничего... Как ему удавалось выживать — неизвестно, немедиец никогда не открывал свои секреты, только утверждал, будто ему известна древняя магия, отгоняющая любую нечисть.

— Подробного описания летающих существ ты не получил?

— Все, кто видел их раньше — погибли. После возведения таном города и строительства укрепленных хуторов тварей никто не видел. Известно только, что они довольно крупные и немного похожи на летучих мышей с клювом.

— Понятно... Остается надеяться, что навес не разрушится в самый ответственный момент. Про других чудовищ трактирщик не рассказывал?

— Описал полтора десятка демонов — я так и не понял, опасны они или не очень. Хорошо другое — все, как один, боятся серебра.

— Пойдем на оружие взглянем. В арсенале тана обнаружили прелюбопытные вещицы.

Под крышей, которая была почти закончена, Гвай разложил десяток различных боевых приспособлений.

Прежде всего обращал на себя внимание арбалет, который Гвайнард привез с собой из Бри-



тунии и которым немало гордился, как собственным изобретением. В рукоять вкладывались несколько болтов, после выстрела особая пружина сама натягивала тетиву и выбрасывала на ложе очередную стрелу. Таким образом, из этого арбалета можно было палить почти непрерывно — успевай только заряжать. Тан Арнульф преподнес охотникам серебряные шурикены и создание местных умельцев — трубку, которая могла одновременно выбросить на большое расстояние веер из сотни острейших посеребренных игл. Еще присутствовали вполне обыкновенные рогатки — страшное оружие в умелых руках. Металлический шарик, выпущенный из такой рогатки пробивал доску с десяти шагов и железную кирасу с двадцати. Довершали вооружение Ночных Стражей их собственные мечи и кинжалы.

Строительство навеса полностью завершилось, когда от нижнего края розового солнечного диска до горизонта оставалось меньше трех пальцев. Благодаря огромному количеству серебра это сооружение могло отлично защитить от любой нечисти, подходы со всех сторон были забросаны монетами и квадратными слитками, но Гвай решил, что этого недостаточно. Распровавшись с рабочими и усатым сотником тановой дружины, отправившимися ночевать под защиту стен форта, он взял нож и старательно обвел лезвием полное кольцо вокруг стоянки — по старинному поверью, никакой демон в круг забраться не должен. После чего Гвайнард схрум-



кал головку чеснока, которым тоже пришлось запастись, и кликнул варвара — разжигать большой костер. Дров, по приказу тана Арнульфа, привезли целую поленницу, чтобы хватило надолго.

— ...Я совершенно уверен, никакая нечисть к нам и близко не подойдет, — сказал Гвай, наблюдая за полыхавшими в небе зелеными лучами. — Мы отгородились от потусторонних тварей совершенно непреодолимым барьером. Остерегаться следует живых существ. Живых и, возможно, владеющих некоей магией. Не обязательно черной магией — они могут использовать мысленное внушение, иллюзии... Прежде всего, не стоит пугаться всяких кошмарных призраков. Они, вероятнее всего, окажутся не опаснее новорожденного щенка.

— Почему ты так думаешь? — спросил Конан.

— Вспомни Турудиса! Сегодня ночью я хочу доказать, что нечистая сила Ауруса не может причинить вред человеку. Уничтожить Первородного она в силах, не спорю, однако на примере демона Синей Грозы я уяснил, что у людей и прежних владык этого мира очень разные понятия добра и зла. Понимаешь мою мысль?

— Кажется... Кажется понимаю! — у киммерийца будто пелена с глаз упала. — Зло для Первородных и зло для людей различаются, верно? Идут по разным дорогам? Что опасно для них, никак не вредит нам? Дело не в том, что черная магия Турудиса исчезла со временем,



просто она взята из источника, который не знаком с человеком!

— Правильно мыслишь, — удовлетворенно кивнул Гвайнард. — Откуда мы знаем, как думали Первородные? Чем жили? Мы настолько отличаемся друг от друга, что отличия прослеживаются даже в высших понятиях — их добро и зло нам неизвестны, а следовательно не имеют к людям никакого отношения. Вывод: подданные Арнульфа перепуганы не безвредными, хотя и жуткими духами, а чем-то вполне реальным. И это существо нам придется увидеть и убить, чтобы представить тану доказательства... Ты вроде бы принес от кабатчика мясо и вино? Пока в округе тихо, давай пожую — времени на еду потом не будет, это я обещаю твердо.

* * *

Первое чудовище объявилось почти сразу — господа охотники не успели даже закончить трапезу. Вопреки ожиданиям, оно пришло не со стороны дальних холмов и не упало с неба, а непридуманно вынырнуло из пустоты прямоком возле костра, откровенно наплевав на серебро, огонь и магический круг. Конан, едва не подавившись куском хлеба, схватился было за меч, но черная тень быстро отбросила капюшон, показав некрасивую златоглазую физиономию с длинным носом и резковатыми чертами. Диковинная тварь широко улыбнулась, сверкнув множеством кошмарных зубищ. Блики огня заиграли на клыках.



— Тьфу! Чтоб ты провалился! — в сердцах воскликнул киммериец, уяснив, что прибыл Рэльтгонн. — В другой раз предупреждай — свистни там, например! Нежить проклятая!

— А я думал, вы будете мне рады, — оскорбленно сказал упырь. — Наступила ночь, решил вас проведать, благо недалеко... По моим меркам, конечно. Эйнар и Асгерд привет просили передать и спросить, когда именно вы собираетесь возвращаться.

— Садись, — вздохнул Гвай, тоже слегка напуганный внезапным явлением Рэльтгонна. — Если все пройдет благополучно, приедем в Чарнину послезавтра к вечеру... Рэль, умоляю, впредь попробуй быть осторожнее. Окажись у меня в руке арбалет, ты получил бы стрелу в глаз. Сам понимаешь, мы тут не на прогулке.

— Ваших стрел я не боюсь, слишком примитивное оружие, — Рэльтгонн уселся на деревянную чурку и без разрешения взяв кувшин с вином, отхлебнул. — Расскажите, как дела обстоят? И потом, отчего вы решили спать не в поселении, а на природе? Или вас выгнали? За буйные непотребства и пьяные безобразия?

Спорить со злоязычным вампиром смысла не имело, а потому Гвай и Конан пустились в объяснения, не забывая при этом поглядывать по сторонам. В круге света от костра никого и ничего не замечалось, лишь где-то далеко в холмах неразборчиво ухали ночные животные да поднимался бледно-желтый диск одной из трех лун Ауруса. Рэльтгонн слушал, изредка переспраши-



вал, а когда повествование было окончено, восхищенно хлопнул в ладоши.

— Я знал, что вы у меня умные и талантливые! — снисходительно проговорил упырь. — Получается, что вы решили на собственной шкуре проверить, как отнесется к людям ночная нечисть? Смело, ничего не скажу. Какая упоительная самоуверенность — могу только похвалить! Позвольте остаться до рассвета и узнать результаты?

Гвай, разумеется, позволил. В обществе Рэльтгонна ему было спокойнее — нечеловеческие способности упыря значительно увеличивали шансы уцелеть.

Кроме того, рудненский вампир не боялся ни живых, ни мертвых, и в любой ситуации оставался свободен от ненужных эмоций (сугубо человеческого качества, как он сам утверждал), которые способны только помешать в серьезном деле.

— Шутки шутками, а все-таки мы забрались очень далеко от дома, — Рэльтгонн не моргая смотрел в желтое пламя костра и создавалось впечатление, что он беседует не с людьми, а с пляшущим огнем. Люди каттакана не перебивали — рассказчиком он был прекрасным. — Когда портал закроется — надеюсь, этого не случится, пока мы на Аурусе! — возвратиться домой мы уже не сможем.

— Ведь ты умеешь моментально переноситься куда угодно, — заметил Конан, воспользовавшись короткой паузой. — Разве у тебя не полу-



чится переправить самого себя и нас с Гваем в Хайборию, если с Вратами что-то случится?

— Нет. Переход через Ничто возможен только в пределах одной Сферы. Путешествовать между Сферами каттаканы не умеют. Для этого нужны порталы или особые небесные лодки, которые давно научились строить в мире, где я появился на свет.

— Построим такую лодку и вернемся!

— Это исключено. Слишком сложно, да я и не умею. Только Врата Миров способны открыть дорогу куда угодно и эта дорога займет самое малое время, пускай Аурус и Хайборию разделяет непредставимое расстояние!

— «Непредставимо» — это сколько? — уточнил въедливый Гвай. — В лигах?

— Гм... По моим подсчетам... Нет, вы не поймете. Возьми все песчинки, сколько их есть в стигийской пустыне, растяни каждую на полную лигу, потом увеличь это число в тысячу тысяч раз и тогда, может быть, ты пройдешь половину пути. Я доходчиво выразился? Тот, кто создал Вселенную во всем удивительном многообразии Сфер, был изрядным шутником, разделив тысячи разумных рас не какими-нибудь банальными каменными стенами или деревянным забором, а расстоянием. Бесспорно, добраться до соседей можно, этого никто не запрещает, но в то же время преодолеть столь гигантское расстояние почти никто не способен.

— А как же небесные лодки? — спросил Кокан.



— Сообщество моих сородичей гораздо древнее человеческой расы. Полагаю, мы постарше и живших здесь Первородных... Однажды и люди достигнут высот, которые позволили каттаканам вырваться за пределы своей Сферы, освоить переход через Ничто и пользоваться множеством полезных механизмов. Увы, дожидаться этой эпохи вам двоим не суждено — человек живет кратко. Не обижайтесь, но для любого каттакана ваша раса покажется лишь толпой немытых дикарей. Обезьян, которые едва смогли оторвать себе хвост, научились ходить на двух ногах и издавать весьма далекое от настоящей речи мычание.

— Хорошо же ты о нас думаешь! — неподдельно обиделся киммериец. — Дикари и обезьяны! На себя посмотри, морда вампирская!

— Не было сказано: «так думаю я, Рэльгонн из Рудны», — спокойно ответил упырь. — Я пропустил важное слово — человек покажется зверем для любого *постороннего* каттакана. Мне пришлось жить среди вас столетиями, и я-то знаю, что вы другие. Но всякий обитатель моей Сферы, впервые очутившийся в Хайбории, ужаснется... Тихо! Кажется, у нас гости! Поглядим, кто нанес поздний визит?

Прибытие «гостей» почувствовали и люди — амулеты Ночной Стражи внезапно стали холодными и начали ощутимо вздрагивать.

Гвай взялся за свой арбалет, заряженный дюжиной тонких серебряных болтов, варвар предпочел меч.



Осторожно выглянув из-под навеса, Конан только выругался. Почему они не заметили этого раньше? Как такое можно было не заметить?!

Стоянку охотников окружали чудовища. Десятки монстров разного вида, облика и размеров. Огромные, как медведь, и крохотные — не крупнее сурка. Уродливые твари стояли за проведенной Гваем чертой и пилились на людей: Конану почему-то вспомнился зверинец при дворе его старой подруги, хауранской королевы Тарамис, только в роли заточенных в клетки тигров ныне выступали люди. Оберег на груди киммерийца превратился в жгучий комок льда.

— Митра Всеблагой, — поперхнулся Гвай, узрев призрачное воинство. — Ничего себе! Никогда ничего похожего не встречал... Заметили, через серебро они не переходят, не беспокоятся!

— Правда?! — рявкнул Конан, почувствовав, как ледяная струйка сползла вниз по груди и животу. — Мой амулет расплавился!

— И мой тоже... Да тут нечисти больше, чем звезд на небе! Откуда?

— Не стоит паниковать, господа, — Рэльгонн вышел наружу, осмотрел замерших в ожидании монстров и невозмутимо прошелся вдоль черты. Одна из самых больших тварей попробовала достать упыря щупальцем с клешней, но обожглась о серебро и отступила. Больше всего угнетала молчаливость чудовищ — они не издавали ни единого звука. — Во-первых, почти все они бесплотны. Это призраки, фантомы. Во-вторых, следует подтвердить вашу гениальную мысль о



том, что нечистая сила Ауруса для человека не страшна. Ну, кто первый? Или монетку бросите, на удачу?

— Сам туда иди, — ощерился Конан. — Я предпочитаю тихонько сидеть за чертой и ждать рассвета.

— Вот странно... — медленно сказал Гвай. — Они не кажутся мне страшными. Противные, конечно, но не страшные.

— Блестяще! — воскликнул Рэльгонн. — Хвала богам, сообразили! Страх Первородных и страх человека отличны настолько же, насколько чужды друг другу ваши расы! Уверен, любой Первородный увидев перед собой этот зверинец скончался бы на месте от разрыва сердца, или того, что его заменяло... А вы смотрите на обитателей ночи с отвращением, но без страха. Словно на громадных волосатых пауков, которые, никто не спорит, мерзкие, но не опасные! Понимаете, о чем я толкую? Абсолютная, полная и непререкаемая чужеродность двух цивилизаций отражается на всем, от телосложения и пищи, до чувств, среди которых страх является самым сильным после любви... Все наследие древних владык этого мира чуждо людям — их мысли, их привязанность и ненависть, добро и зло, их страхи, которые и породили этот паноптикум уродов! Черная Бездна, единая для всех миров, в своей ограниченности порождает не единое, всеобщее зло, но отдельное и особенное для каждого народа! В этом-то и есть наша сила — ошибки Тьмы только на руку тем, кто не является ее слугой.



— Чересчур заумно, — фыркнул Конан, выслушав вдохновенную речь упыря. — Но амулет все равно растаял — он не способен противостоять такому сгустку чистого зла.

— Чужого чистого зла, — уточнил Рэльгонн. — Оберег — лишь безмозглый комочек магии. Он не умеет видеть тонкости и детали, а лишь определяет: это — нечистая сила, а это наоборот, маленькая добрая фея... Но вы — люди, вы можете и должны использовать прежде всего разум и не полагаться во всем на магию, которая вовсе не является точной наукой и может ошибаться. Посему, провозглашаю: с нечистью Ауруса есть единственный способ борьбы — не замечать. Смотреть на нее, будто на паука, плетущего паутину в углу. Он тебе не мешает, и ты ему не мешаешь. А если паучок вздумает надоедать...

Упырь наклонился, поднял валявшийся на земле серебряный дротик и запустил им в ближайшего монстра. Зубастое чучело, походившее на оживший пенёк с тысячами висящих на тонких ниточках глазок и круглой пастью, мышино пискнуло и исчезло в бесшумной синеватой вспышке. По рядам остальных призраков пробежала волна движения — почуяли опасность.

— Меня гложет смутное предчувствие, что наши красавчики и за мной охотиться не станут, — Рэльгонн с насмешкой посмотрел на людей. — Не составите компанию?

Увидев в глазах Гвайнарда и Конана нерешительность, упырь пожал плечами и запросто перешагнул через черту.



Что тут началось! Окрестности холма, на котором чернела спящая крепость, огласились слитным воем множества призраков, одновременно бросившихся к Рэльгонну. Визг, хохот, рев, какое-то скрежещущее поскуливание, более приличествующее раздавленному колесом телеги хорьку — все это создавало невыносимую оглушающую какофонию.

— Как в сказках про ведьминский шабаш в день осеннего солнцестояния, — прокричал Гвай варвару, наблюдая заодно, как упырь из Рудны бесстрастно разгуливает среди беснующихся теней. Рэльгонн свободно проходил сквозь прозрачные силуэты чудищ, будто через туман. Вскоре монстры прекратили бесплодную атаку, уяснив, что чужак неуязвим, притихли и снова застыли у границ круга, явно надеясь, попробовать на зубок людей.

— Видите, я был прав! — громко сказал Рэльгонн, оставаясь за пределами кольца. — Ничего особенного, только они слегка воняют изнутри. Если не боитесь, можете присоед...

Б-бух! Глухой мощный удар слегка сотряс землю. Прямоком на упыря рухнула непонятная черная масса, погребая его под собой. Все произошло очень быстро, однако Гвай успел поднять арбалет и не раздумывая всадить в неразличимого в темноте новоявленного монстра три стрелы подряд.

— Оставь, — прохрипели из-за спины. Охотники резко обернулись — Рэльгонн уже стоял под навесом, успел переместиться. — Не трать



зря стрелы, я пока жив... Этот гад все-таки успел меня поранить!

Оставшееся снаружи неведомое чудовище шевельнулось и взлетело — послышался шорох огромных крыльев. И вновь наступила тишина.

— Ты в порядке? — Конан подбежал к каттакану, увидев, что его хламида разодрана на спине. Будто четырьмя ножами полоснули.

Рэльгонн скривился.

— Плечи поцарапаны... Но какая невыносимая быстрота и точность! По счастью я сразу прыгнул через Ничто, иначе дело кончилось бы гораздо хуже.

— Кто это был? Ты смог понять?

— Говоришь так, словно у меня была уйма времени для знакомства! Оно живое, как мы и предполагали. Больше ничего сказать не могу. Разрешите я немного посижу, пока раны затянутся... Это недолго. И пожалуйста, оставайтесь здесь. Человеку подобный удар не вынести — погибнете мгновенно!

Будь у охотников возможность взглянуть в чистое звездное небо, они увидели бы, как над холмом кружит ширококрылая нескладная тварь. Когда над горизонтом возникло зарево второй восходящей луны, к скользящему в воздухе существу присоединились еще три собрата.

* * *

Конану чувство зависти всегда было чуждо, однако не позавидовать старине Рэльгонну вар-



вар никак не мог. Каттакан оказался гораздо более крепким и живучим, чем можно себе представить — свались на киммерийца или Гвайнарда эдакая тяжесть, от них осталось бы мокрое место. А если учесть, что крылатый монстр еще и нанес упырю глубокие раны когтями...

Рэльгонн, однако, заверил, что каттаканы способны пережить и куда более тяжкие повреждения, ибо их тело может быстро самовосстанавливаться благодаря врожденным свойствам и присущему упырям волшебству. Кровь (она, как заметил варвар, была у Рэльгонна оранжевой) перестала течь почти сразу, разорванная кожа зарубцевалась спустя квадранс, а еще через квадранс от ран и следа не осталось. Упыря огорчал только испорченный балахон, превратившийся в сушие лохмотья.

Пока каттакан исцелялся и попивал вино, киммериец скучал и изредка швырялся в околачивавшихся за охранительным кругом призраков шурикенами — серебряные звездочки заставляли бесплотных монстров немедленно исчезать или спасаться бегством. Очень скоро нечисть поняла, что возможная добыча недостижима и опасна, после чего большинство чудищ разбрелись кто куда. Остались только самые настырные. Один раз по навесу что-то царапнуло, будто по серебряным листам провели ножом. Гвай вскочил, сжимая в руках арбалет, но больше странный звук не повторялся.

— Перезаряди пока самострел, — посоветовал упырь. — Легкие серебряные стрелы уже не



пригодятся — наш главный враг серебра не боится.

Гвайнард молча заправил в рукоять арбалета стальные болты и натянул проволочную тетиву. Никто не спорит, увесистая железная стрела способна прошить насквозь латника в самом лучшем доспехе, но сможет ли она поранить или убить летучих зверюг? Вдруг их туловище защищено панцирем или очень толстой кожей, как у дарфарских носорогов?

— Придется переходить к решительным действиям, — упырь, вывернув голову осмотрел затянувшиеся раны и остался доволен. — В полете я неуязвим и могу разглядеть гораздо больше, чем сидя на земле. Очень уж хочется узнать, какая мразь едва не свернула мне шею!

Конан понял, что хочет сделать каттакан. Когда это было необходимо, Рэльгонн изменял человекоподобную форму тела, превращаясь в отвратительное скользкое существо наподобие летучей мыши.

Как бы тошнотворно ни выглядела вторая ипостась каттакана, польза была ощутимой — с большой высоты остроглазый упырь был способен высмотреть даже потерявшуюся в траве монетку.

— Ты гляди, осторожнее там, — обеспокоенно сказал Гвай, когда Рэльгонн начал развязывать уцелевшие шнурки на балахоне.

— Уговорили, буду внимателен и осмотрителен, — усмехнулся каттакан. — Отвернитесь, я не могу, когда смотрят...



— Стыдливый какой, — проворчал Конан, давно желавший посмотреть, как Рэльгонн превращается. Но делать нечего, пришлось отвести взгляд. Только когда изменения закончились, упырь окликнул охотников:

— Когда вернусь, не вздумайте бить мне попором по голове! Я, разумеется, постараюсь предупредить о своем прибытии, но кто знает, как дело обернется? Счастливо оставаться, месьоры.

Варвар непроизвольно скривился — покажи сейчас каттакана любому мирному обывателю, искренне верящему в сказки про вампиров, напустил бы в штаны от страха. Туловище стало овальным и бугристым, ноги почти исчезли, замесившись коротенькими лапками с коготками, зато руки невероятно вытянулись, обрели два новых сустава и тонкие, похожие на пергамент, перепонки. Неизменной осталась только голова и без того не блиставшая привлекательностью. Случись киммерийцу увидеть эдакое страшилище в прежние времена, он не задумываясь пустил бы в ход меч.

Рэльгонн быстро выполз наружу, пугнул ослепленными клыками двух назойливых призраков, попытавшихся было на него напасть, расправил крылья, оттолкнулся и тяжело взлетел, пытаясь поймать восходящий теплый поток.

Вскоре каттакан исчез из виду.

— Воображаю, как удивятся летучие зверюги, узрев нашего вампира, — покачал головой Конан. — Ночь вошла во вторую половину, спать хочется.



— Даже не думай! — воскликнул Гвайнард. — Днем отоспимся! Стоит задремать, и мы из охотников превратимся в добычу. Лучше расскажи, как ты пиратствовал на Полуденном побережье. Историю с Короной Кобры в прошлый раз ты не закончил, а мне хочется узнать, как вам удалось выкрутиться.

— Не пиратствовал, а командовал судном королевских корсаров, присягнувших Золотой Башне Кордавы, — наставительно сказал киммериец. — Две большие разницы! Обычные пираты трудятся только ради своего кармана, а каперы короля — за идею. Ладно, слушай...

Повествование, как и положено, насыщенное не только реальными событиями, но и откровенной фантазией Конана (так оно покрасивее!), было прервано на самом захватывающем моменте — варвар живописал стычку команды карака «Вестрел» со знаменитым стигийским колдуном Тот-Амоном, крайне рассерженным похищением его законной собственности, венца Сета Змеенога.

Навес содрогнулся. По прочной, обитой железом и серебром крыше, заскрежетали когти, но таинственное чудовище не удержалось, соскользнуло по скату и рухнуло наземь. Второй удар был еще сильнее — поддерживавший крышу столб качнулся.

— Началось, — процедил Гвай. — Теперь они не уйдут, пока нас не достанут. Зажигай факелы, попробуем отогнать тварей и огнем, и железом.



Удары по навесу продолжались — летучие хищники явно старались его разрушить, но постройка пока держалась. Свалившееся с крыши существо решило атаковать с земли — тень поднялась, встрепелась и вошла в круг света костра.

— Демонова мамаша и ее зубастые отпрыски... — ошарашенно проговорил варвар, выхватывая из-за спины клинок. — Откуда оно взялось?

— Прилетело, — коротко бросил Гвай, швыряя в чуду зажженный факел. Как ни странно, не попал. — В Хайбории ничего похожего я не встречал.

Прежде всего, оно было очень большим. Не огромным, конечно, но большим. Мощное широкое туловище поддерживали толстые задние лапы с кинжалами-когтями, дополнительной опорой служили кожистые крылья — существо двигалось, переставляя «локти» и сложив летательную перепонку.

Короткая шея венчалась почти птичьей головой — округлый череп заканчивался длинным, в три локтя, клювом, который был усеян по краям рядами маленьких конусообразных зубов. Из затылка вырастал острый роговой гребень, придававший голове твари вид кузнечного молота.

Глаз вообще не наблюдалось, однако сказать, что животное было слепое, никак нельзя — оно поворачивало морду вслед за движениями людей и явно видело огонь факелов. Конан прикинул,



что размах крыльев зверя должен быть не менее полутора десятков локтей, а то и побольше.

— Остерегайся клюва — с одного удара башку пробьет! — крикнул варвар, когда Гвай неосторожно высунулся наружу. Зверь мигом сделал быстрый выпад, но человека не достал. Гвай-нара, не оставшись в долгу, выпустил арбалетную стрелу — болт пробил крыло и с неприятным визгом улетел в темноту. Следующий выстрел оказался более точен: стрела вошла в грудь твари, заставив ее громко вскрикнуть и отпрянуть назад. Брызнула темная кровь, но чудовище словно и не обратило внимания на рану — каркнуло по вороньи, и опять бросилось в атаку.

Конан попробовал рассечь клинком перепонку и тонкие кости крыла, но зверь довольно ловко увернулся, хлопнув перед лицом варвара клювом, будто дверью. Окажись монстр самую малость проворнее, киммериец остался бы без головы. Лишь после седьмого или восьмого арбалетного выстрела в упор безглазый летун начал отступать. Казалось, смертельный металл его не особо беспокоил.

Убил чудовище Рэльтгонн, используя тактику противника — упырь сложил крылья и камнем рухнул на зверюгу с высоты тридцати саженей. Хрустнули шейные позвонки, существо тяжело повалилось на брюхо, а каттакан снова унесся в темноту. Удары по крыше навеса возобновились с удвоенной мощью — твари, почуяв гибель собрата, обуялись невиданной яростью. Де-



ревянная постройка начала угрожающе раскачиваться.

Теперь монстры не таились — они тонко и злобно верещали, ненадолго усаживались на землю возле навеса, не опасаясь стрел или шурикенов, потом снова поднимались в воздух... Стало ясно, что крыша очень скоро обвалится и тогда летуны запросто отыщут людей среди обломков...

— Быстро хватайте меня за крылья, — резко проскрипел Рэльтгонн, возникнув рядом с Гваем и варваром, которые уже начали тихо паниковать. — И во всех подробностях представьте себе ваши покои в башне тана! Иначе я не смогу перенести вас туда! Ну же!

Конан, которому еще не доводилось проходить через Ничто вместе с каттаканом в другое время считал бы подобный способ передвижения слегка не подходящим для человека, однако теперь долго раздумывать не следовало — столб не выдержал, треснул, разломился и все сооружение начало медленно заваливаться набок.

Прикоснувшись к сухой и холодной коже упыря киммериец закрыл глаза и мысленно нарисовал знакомую по прошлой ночевке картину: две пышных постели в гостевой комнате жилища вельможного Арнульфа, безвкусные парчовые драпировки, дурацкий офирский столик с изразцами на гнутых ножках...

Легкое головокружение и неприятное чувство тошноты длились один миг. Упырь не подвел — исчез костер и разбросанные на утоптанной тра-



ве серебряные монетки и безделушки, затих злобный грай летучих хищников, запахло дорожными благовониями и сгустился аромат пережаренной пищи.

Прыжок сквозь Пустоту произошел мгновенно, Конан даже вздохнуть не успел.

— Ох, ошибся слегка, — чуть обескураженно сказал Рэльгонн. — Простите, но я обязан вернуться, дело не доведено до конца... После победы.

— Что значит — ошибся? — нахмурился Гвай, но каттакан уже стигнул. Доблестные Ночные Стражи стояли посреди освещенного тусклыми масляными лампами помещения, большую часть которого занимало грандиозное ложе под резным балдахином, заваленное меховыми одеялами и красными, обтянутыми шелком, подушками.

— А?! Что?! Это кто тут?!

Ложе зашевелилось, и из-под груды одеял, словно всплывающий кит, появилась громадная туша, вполне подходящая по размерам к необъятной кровати. По ближайшему рассмотрению туша принадлежала вельможному тану Арнульф.

Конан похолодел, представив, как это должно выглядеть со стороны. Двое взлохмаченных громил, у одного из которых в руке самострел, а у другого меч, врываются среди ночи к мирно спящему правителю маленького, но богатого золотом государства... Какие мысли возникнут у толстяка Арнульфа? Верно, попытка переворота.



покушение, смертоубийство и прочие ужасы! Сейчас кликнет стражу, а утром оба злоумышленника будут сушиться на жарком солнышке Ауруса в удобных веревочных петлях.

Мрачные предчувствия киммерийца не оправдались — похоже, тан полностью доверял своему окружению и не опасался людей, живших с ним в одном доме. Продрав глаза, Арнульф вопросительно уставился на внезапно объявившихся в спальне охотников.

— Рассвело, что ли? — проворчал тан, оглаживая пятерней бороду. — Нет, солнца не видно... Вы откуда взялись, разбойники? И какого демона лишаете меня ночного отдыха?

Гвай опомнился первым.

— Светлейший, мы убили одно из чудищ, которых на Аурусе ошибочно полагали нечистой силой, — спокойно сказал он. — И пришли известить...

— Пришли?! — изумился Арнульф. — Каким образом? Ворота закрыты, в городе все спят! И вы еще от нежити ухитрились оборониться? Как?

— Это — магия, — ухмыльнулся Гвайнард. — Магия Ночной Стражи. Можно идти? После хорошей драки надо отдохнуть.

Конан не сдержался и прыснул: если нынешнее приключение Гвай горделиво именует «хорошей дракой», то какова же плохая?

— Если не врите — озолочу, — зевнул вельможный, повторяя старую угрозу по уши засыпать охотников золотом в случае благополучного



завершения их предприятия. — Когда в следующий раз захотите войти, хотя бы постучите — вдруг я буду не один?..

* * *

Танова домоправительница, пышногрудая Ани-та, колыхая телесами под кружевной ночной рубашкой сонно доставила охотникам слегка подогретые овощи с мясом ездовых ящеров и кувшин эля, после чего уплыла обратно к себе. Конан сбросил кольчугу, надетую под куртку, умылся и устроился за столом.

— И что ты думаешь обо всем случившемся? — спросил он у хмурого Гвайнарда, пренебрегшего тушеным окороком «зеленой коровы» в пользу крепкого ячменного напитка. — Согласен, мы доказали, что призраки Ауруса являются всего лишь неприятными соседями человека и жалкими остатками чужого зла, сохранившегося со времен Первородных. А вот с зубастыми птичками будет посложнее — они слишком крупные и опасные.

— Меня смущает вовсе не кровожадность летучих тварей, — сказал Гвай. — Одну загадку мы, безусловно, разрешили, и сразу получили несколько новых. Первое: почему они охотятся именно за человеком и привезенными из Хайбории домашними животными? Летуны тысячелетиями охотились на здешних зверей, а тут вдруг резко поменяли вкусы, словно люди являются самой лучшей и легкой добычей. Второе. Чуди-



ща не появляются днем, как будто обладают такой же нежной кожей как и каттаканы, опасющиеся ожогов от лучей солнца. Они слепы, как кроты, но замечают движение... Они агрессивно настроены именно к чужакам, к непрошеным гостям из другого мира. Отчего? Я в тупике.

— Рэльтонн все разнюхает, — уверенно заявил Конан, отлично зная, насколько дотошен упырь. — Он всегда докапывается до правды.

Действительно, озадаченным новыми секретами Ауруса охотникам оставалось уповать только на каттакана, увлекающегося всевозможными тайнами, будь они как вполне безобидными, так и способными доставить самому Рэльтонну и его друзьям массу неприятностей. Упырь называл свою страсть «изучением строения мира», варвар же уверял, что у Рэльтонна в известном месте торчит даже не шило, а здоровенный кол, не позволяющий ему «жить как все». Данное мнение Конана всерьез не принималось, ибо «таким, как все» Рэльтонн не был, да и быть не мог в силу своего нечеловеческого происхождения.

— Просыпайтесь! — задремавший киммериец встрепенулся, услышав высокий голос упыря. — Скоро рассветет, и я должен буду уйти.

Каттакан, появившийся как всегда неожиданно, стоял возле окна и кутался в драный балахон. Вопреки обязательному приказу тана, ставни были открыты — на восходе небо начало розоветь.

— Может быть, достойный месьор Гвайнард соизволит взглянуть, что валяется на площади



возле башни? — ядовитеньким тоном осведомился Рэльтонн, лакейским жестом указывая на оконный проем. Оба охотника высунувшись наружу едва не по пояс рассмотрели в предутренних сумерках непонятное черное пятно, распластанное далеко внизу, на камнях мостовой. Упырь пояснил: — Это ваша законная добыча. Предъявите тану и его ближним. В настоящем и будущем поселенцам Ауруса придется воевать именно с нашими крылатыми приятелями. Кто одержит победу, мне неизвестно, но у человечества есть определенные шансы.

— Воевать? — переспросил Конан. — Победу? Ты что несешь?

— Заткнись и выслушай, времени мало, — Рэльтонн прошелся по комнате, соображая, как бы попроще объяснить людям свои мысли. — Итак, мне удалось разрешить поставленные вами вопросы. Не без труда, само собой. То, что сначала было принято за борьбу человека, начавшего заселять Аурус, с примитивными хищниками, есть конфликт между двумя разумными сообществами.

— Что? Повтори! — Гвай с размаху плюхнулся в кресло, словно его перестали держать ноги. — Разумными? Кто это здесь разумен?

— Вы привыкли к тому, что мысль, разум, выражается в материи, — сказал упырь. — В вещах, которые человек может сделать собственными руками используя свои способности к размышлению. Стул, меч, королевский дворец, книга, корабль или сапоги — явления одного поряд-



ка. Все свершения человека заключены в бесчисленных произведениях его мастерства, которые помогают вам обороняться от врагов, вкушать пищу, улаживать свой взор и тело... Ваши мысли записаны на свитки, глиняные таблицы или страницы фолиантов, чтобы другие люди могли с ними познакомиться. В этом человек и каттакан очень похожи — наши расы двигались по одной дороге. Первородные, прежнее население Ауруса, также были похожи на нас, только творили не с помощью рук, а силой разума. Это называется волшебством. Я и раньше предполагал, что в одной из Сфер Вселенной возможно появление расы, которая вообще не умеет ничего создавать... И оказался непогрешимо прав. Можно назвать это «нематериальной цивилизацией». Понимаете мои слова?

— Понимаем, не понимаем — неважно! — отмахнулся Конан. — И дальше что?

— Да то, что существа, с которыми мы так неудачно познакомились этой ночью, как раз и являются детьми такой цивилизации. Они умеют только думать, обмениваться мыслями, для них красота мира состоит не в искусственно созданных вещах, а в единении с самим тварным миром. И они насмерть перепуганы появлением человека, способного этот мир разрушить, переделать его под свои нужды и устранить других претендентов на право повелевать Аурусом.

— Откуда ты все это узнал? — озадаченно спросил Гвай. — Слишком неправдоподобно звучит!



— Вы сами указали мне путь, рассказав о встрече с демоном Синей Грозы, Турудисом. Я разыскал гробницу, заглянул туда, а когда демон вылез из стены, чтобы устроить чужаку хорошую трепку, убедил рассказать все, что ему известно о ночных тварях... Первородные с летунами не дружили — видели в них соперников за владычество над Кертаром. Истребляли, конечно. И добились бы своего, не случись Великая Катастрофа. Летуны навсегда запомнили, что поклоняющиеся вещам существа опасны, а когда здесь внезапно объявился человек, решили отделаться от него наиболее простым способом — уничтожить. Имей они возможность действовать днем, человек не сумел бы закрепиться в этой Сфере. Боги жестоко пошутили над летунами, лишив их обычного зрения — заметили, у них нет глаз? Эти твари видят не предметы, а чувствуют тепло, которое от них исходит. Дневное солнце летунов ослепляет, они теряют возможность ориентироваться, а поэтому после восхода они прячутся в горных пещерах... Совсем как каттаканы. Вот вам правда, которую вы искали.

— Но почему Турудис ничего нам не сказал?! — Конан возмущенно стукнул кулаком по колену. — Тогда все тайны раскрылись бы сами собой!

— Вы его не спрашивали, это во-первых. Во-вторых, демон Синей Грозы сам жаждет избавиться от людей, которые со свойственной им бесцеремонностью раскапывают древние могилы и тревожат покой мертвых... Окажись у Туруди-



са возможность испепелить двуногих пришельцев, он не задумываясь обратился бы в серую пыль и самих гробокопателей, и их поселения. Если вы пришли в чужой мир, попытайтесь уважать память ушедших! И право тех, кто доныне населяет Аурус.

— Интересно, как это сделать? — хмыкнул Конан. — Если крылатые монстры объявили человеку войну на уничтожение, остановить ее будет крайне сложно, почти невозможно! Для них мы стали новым проклятием, вроде Первородных.

— Может быть, следует постараться доказать им, что люди не собираются враждовать? Впрочем, мирная жизнь вовсе не является основой вашего существования. В Хайбории вы почти истребили альбов, данхан, пытались сделать то же самое с гномами, однако подгорные карлики заперлись в неприступных подгорных королевствах и со временем уверили человека, что с рудознателями лучше торговать, чем вести бесполезные войны. Пока я не вижу выхода... Попробуйте убедить тана Арнульфа, что людям следует изыскать способ договориться с летунами. С демоном Синей Грозы договориться можно, а с обычными живыми и разумными существами — никак? Не смешите меня!

— Согласен, — поддержал упыря Гвай. — Вопрос о том, хорош ли я, много важнее вопроса о том, хорош ли мой сосед. Попробую втолковать это вельможному. Было бы желание помириться, а способ отыщется. Жаль только, что мы убили



одного из летунов, теперь они очень сильно разозлятся.

— У вас есть оправдание, — ответил Рэльгонн. — Они напали первыми, без видимых причин... Просто они очень боятся возвращения прежних времен, это во многом извиняет столь исступленную агрессивность. Благодарю за хорошо проведенное время, господа. Светает, мне пора в дорогу. Будем ждать вас в Чарнине к завтрашнему дню, постарайтесь не задерживаться — у Астерд и Эйнара появился новый и довольно неприятный заказ от барона Рика. Что-то связанное с духами болот. В одиночку они не справятся. До встречи!



Глава шестая,

*в которой Конан и Гвай оказываются
в крайне затруднительном положении,
выход из которого найти почти невозможно*



Митра Светоносный, отец всех богов...

Это была первая и единственная благочестивая фраза, которую произнес тан Арнульф, с трудом спустившийся из своих комнат второго этажа, дабы лично поглядеть на убитого Ночной Стражей монстра. Засим последовал настолько густой поток вычурной ругани, что Конан умиленно заслушался. Светлейший извергал наипростейнейшие слова с таким воодушевлением, что казалось, будто Арнульф читает строки из творений лучших поэтов древности. Когда водопад метафор, эпитетов и незатертых сравнений начал иссякать, киммериец решил, что пышная речь Арнульфа являлась в своем роде вершиной неизящной словесности, достичь которой может только человек, хорошо знающий жизнь и владеющий огромным опытом много-



различных злоключений. Даже Зелтран, боцман приснопамятного «Вестрела», прирожденный виврат, разбойник и невероятный грубиян, не умел ругаться так, чтобы его речения звучали для ценителя сего искусства истинной музыкой.

Конан, Гвай, сотник стражи, глава торговой управы и все остальные люди, собравшиеся перед домом вельможного с пиететом внимали — было интересно, как надолго хватит его душевного порыва.

...Ораторствовал тан довольно долго — в кои-то веки косноязычного Арнульфа посетила муза. Он помянул предков летающего чуда вплоть до сорокового колена, живо описал его родителей, семью, привычки в любви и пище, скрупулезно описал, на что именно похожи его крылья, клюв и лапы, не забыл особо указать слушателям на безглазость и вонючесть твари и точно объяснить, почему от нее дурно пахнет, засим довел до сведения благодарных слушателей свое непредвзятое мнение о богах Ауруса, чья бо́льшая фантазия порождает столь уродливые формы и эффектно завершил выступление, пустив на мертвого монстра струю темной слюны.

Конану очень захотелось похлопать в ладоши, но он сдержался. Отдышавшись, Арнульф перешел к делам — начал спрашивать о подробностях великого подвига. Гвай выкручивался, как умел.

Было совершенно ясно, что охотники никак не могли проникнуть в город до утреннего от-



крытия ворот, а уж тем более приволочь на площадь очень тяжелый труп. Однако, подобных мелочей мозги Арнульфа не вмещали — тан мыслил широко. К тихому удовлетворению Гвайнарда, владыка сложных вопросов не задавал, и хвала за то богам — как прикажете объяснять вельможному тот факт, что Ночной Страже помогает настоящий упырь, каковой, собственно, и доставил в город тело чудовища?

После пристального осмотра выяснилось, что предмет всеобщего внимания и громогласных излияний тана, оказался вовсе не птицей или неким подобием дракона, а крайне непривлекательным ящером, наверняка родственным зеленым тварям, которых приручали люди. Конан не упустил случая заметить, что будь у человека возможность обуздать скверный нрав летунов, все трудности с передвижением по Аурусу остались бы в прошлом — запряг, взнуздай, и лети себе куда хочешь. Гвайнард оставался серьезен и постарался изучить существо во всех подробностях — особенно его заинтересовали странные бугорки на голове чудища, скорее всего заменявшие ему глаза и улавливавшие тепло.

Когда утреннее представление под названием «Герои-охотники и поверженный монстр» закончилось, кметы погрузили мертвое тело на тележку и увезли закапывать, а сами Ночные Стражи были приглашены на завтрак (он же обед) у светлейшего тана. Перед Гваем и Конаном стояла исключительно непростая задача — донести до разума Арнульфа две важнейшие истины,



заключенные в постулатах о необычной разумности летунов и полной безопасности кертарской нечистой силы.

Если сообщение о призрачной нежити, способной только пугать людей и ничего сверх этого, было (пускай и с недоверием) воспринято, то на мнение тана о ночных летающих хищниках не могли повлиять никакие доводы и уговоры. Гвай, который по роду ремесла мог убедить кого угодно в чем угодно, обливался потом, пытаясь доказать, что с разумными тварями — особенно такими большими и сильными! — лучше жить в мире. А если они мира не хотят, следует обязательно втолковать летунам, что человеку нет никакого дела до их сообщества и поселенцам Ауруса лучше предпочесть полный нейтралитет.

Арнульф прогремел, что если дело и впрямь обстоит именно так, как уверяют досточтимые охотники, то он приложит все усилия, дабы показать зверюгам, кто на Аурусе настоящий хозяин! И как, скажите, можно договориться с бессловесными тварями, человеческого языка не разумеющими? Жестами? Да прежде, чем ты успеешь пальцы в кукиш сложить, крылатая мерзопакость тебе голову откусит и не подавится! А если подавится, туда ей и дорога!

— Попросить нашего знакомого демона как-нибудь пообщаться с ними, — брякнул Конан. — Турудис обитает в этой Сфере незнамо сколько лет и, как существо магическое, может узнать язык летунов. На бритунийском демон Синей Грозы заговорил едва до меня дотронувшись!



— Дельная мысль! — вскинулся Гвайнард. — Уломаем Турудиса на время покинуть гробницу, пообещаем, что его ненаглядный покойник не потерпит за время отсутствия стража никакого убийства и поношений, а если вдруг решит убежать, то мы его не отпустим...

— Вы оба ненормальные! — припечатал Арнульф охотников. — Да-а, я долгую жизнь прожил, много всякого повидал, но чтоб бросаться в ноги к нечистому духу из Черной Бездны и просить его посредничать в переговорах с какими-то мыслящими летающими ящерицами?.. Еще неизвестно, действительно ли они умеют думать или просто прикидываются! Все основано только на ваших догадках!

— Все-таки, надо попробовать, — тоном терпеливого отца, разговаривающего с капризным ребенком, сказал Гвай. — Вдруг получится? Светлейший, ты пойми: если ночные нападения навсегда прекратятся, не надо будет тратить время и силы на строительство укрепленных фортов. А нечисть со временем сама поймет, что человек ей не подвластен и перестанет вас беспокоить.

— Если вы такие умные — делайте, — отрезал Арнульф. — Не сумеете, я вас винить не буду. Вы и без того помогли нам разобраться что здесь к чему... Словом, если хотите — оставайтесь жить у меня. Не хотите — поезжайте домой, я свое слово держу. Награду можете получить немедленно. Сколько?

— Э-э... — протянул Гвай. За убийство крупного чудовища, сопряженное с магической опасно-



стью и присутствием нечистой силы, Ночные Стражи обычно запрашивали не меньше полутора тысяч полновесных немедийских ауреев — сумма изрядная, но вполне справедливая.

Конан опередил:

— Пять тысяч ауреев. Не в золоте, а в драгоценных камнях.

Киммериец моментально получил сильный удар локтем под ребра — Гвайнарда был очень недоволен. В Кодексе Ночной Стражи ясно сказано: не завышай цену, иначе лишишься заказчиков.

Арнульф лишь плечами пожал.

— Так мало? Я думал, вы цените свои труды гораздо дороже. Отлично, пять так пять! Какими камнями? Изумруд, сапфир, черный алмаз? Вы не стесняйтесь, говорите! Кстати, вчера вы хотели задать мне какие-то вопросы...

— Верно, светлейший, — оживился Гвайнард. — Скажи, зачем ты закупил в Хайбории столько оружия, упряжи и прочих вещей, которые хранятся на складах за городской стеной?

— Вы же знакомы с прецептором Чарнины, месьором Лентулом! Разве он ничего не говорил о будущей зиме?

— Лентул — скрытный человек, — нейтрально ответил Гвай. — Насколько я понимаю, это связано с большим переселением на Аурус?

— Правильно понимаешь, — усмехнулся Арнульф. — Для чего мы строим второй город на реке? Почему запасаемся товарами, которые сами не можем делать? Очень просто — один тол-



стяк-тан желает исполнить свою давнюю мечту. Он очень хочет стать королем! Король без поданных — это смешно! Вот мы с пронирой-Лентулом и придумали замечательный план. Тихонько, не привлекая внимания, слуги прецептора беседуют с людьми, жаждущими покинуть королевства Заката. Одним мешают кредиторы или власти, другие не в ладах с законом, безземельные пенаследные сыновья дворян хотят создать собственный лен, кметов интересуют плодородные поля. А я говорю им всем: «Вот, перед вами пустой незаселенный мир, я даю вам возможность пользоваться всеми его богатствами, прожить более долгую жизнь, чем в Хайбории, но вы должны соблюсти одно-единственное условие: признать Арнульфа из Коргайла своим поводителем и королем!»

— Неужели соглашаются? — поразился Гвай.

— К зимнему открытию Врат Миров мы ждем до десяти тысяч переселенцев. Лентул знает свое дело, да и желающих хоть отбавляй!

— Но власти Бритунии обязательно заметят, что множество людей направляются на Полночь, исчезая в никуда! Очень скоро король Эльдаран узнает об Аурусе и постарается прибрать его к рукам! Мыслимое ли дело — мир, в котором золото валяется буквально под ногами, где земли больше, чем на всем Закате, оказался под властью беглого тана, а не старинной династии!

— Эльдаран?! — Арнульф искренне рассмеялся. — Этот старый осел? Месьоры, видимо даже я знаю о политике в Бритунии больше, чем ув-



леченные своим ремеслом охотники на чудовищ! В Пайрогии всем заправляет советник Вегель, у него какие-то свои планы и виды на корону, ибо у Эльдарана нет наследников! Если старый монарх умрет, в Бритунии начнется свара за трон. В сложные времена междуцарствия никто не станет рваться к призрачному венцу чужого мира, когда свободен престол вполне реального и крупного государства, имеющего определенный вес в цивилизации Заката! О нас вспомнят не скоро, а тогда мы станем достаточно сильны, чтобы отбить любые притязания. Как вы себе представляете вторжение на Аурус через Врата? Защитить их смогут всего три десятка обученных вояк! Другие вопросы?

— У меня будет личная просьба, — Гвай сдвинул брови. — Точнее, просьба Ночного Стража к владыке этих земель. Я понимаю твое стремление обеспечить будущих подданных всем необходимым, на это нужно очень много денег. По моему вы добываете более чем достаточно золота и камней в покинутых городах Первородных, чтобы еще и зарабатывать на продаже в Бритунию здешних животных или вещей, которые несут на себе древнюю чужеродную магию. Один буллет может принести людям Хайбории неприятностей куда больше, чем стая взбесившихся медведей.

— А-а, вот в чем дело! Не хотите, чтобы мои торговцы подбрасывали вам лишнюю работенку? Жаль, сартаков покупают с охотой, они во многом превосходят простых лошадей!



— Прирученными сартаками торгуйте сколько угодно, мы сами одного купили... гм... по ошибке.

— Ладно, прикажу вывозить за Врата только мирных тварей. Никаких буллетов или гарпий! Если у нас появится собственный маг, заставлю присматривать за артефактами, чтобы не озадачивать хайборийских волшебников непонятным колдовством Первородных. Довольны?

— Благодарим, вельможный...

— Тогда попрошу вас остаться еще на денек и сходить к этому... вашему демону из усыпальницы. Если думаете, что он поможет снестись с летучими уродами, сами его и уговаривайте. Я с нечистой силой никаких дел иметь не собираюсь! Титул не позволяет!

— Успеем? — Гвай быстро взглянул на Конана.

— Успеем! День тут в полтора раза длиннее нашего. А от развалин сразу рванем к portalу. Вельможный, можно получить камушки прямо сейчас?

— Анита! Анита?! Боги, где носит эту кобылицу? Ага! Отведи гостей в сокровищницу, пусть сами выберут, что приглянется!

* * *

На сборы времени много не потребовалось. Запихнуть в мешки ненужные вещи и кошельки с крупными рубинами, ограненными давным-давно, еще во времена Первородных, набросить



меняющие цвет плащи, швырнуть в угол комнаты монетку — чтоб дорога была легкой...

На лестнице месьоров охотников едва не сбили с ног — человек в черной форме тановой стражи вихрем пронесся в сторону покоев вельможного. Судя по озабоченному лицу и сдавленной ругани охранника замка, Арнульф спешил донести неприятное известие. Впрочем, теперь трудности Ауруса киммерийца и Гвайнарда не касались. Сделал дело — уходи и не мозоль глаза хозяевам.

Возле конюшен наблюдалось всеобщее оживление с признаками сдержанной паники. Люди спешно оседлывали ездовых ящеров, слышались отрывистые команды десятников, кто-то громко сквернословил. Для полусонного Ауруса такая картина была непривычна, это поняли даже плохо разбиравшиеся в здешних нравах охотники.

— Буллеты решили взять крепость штурмом, не иначе, — с улыбкой сказал Конан и окликнул пробежавшего мимо конюшего: — Эй, приятель, что такое приключилось?

— Портал закрылся прошлой ночью! Наши ребята повезли товар в Бритунию поутру, приезжают ко Вратам, а они не действуют! Только вернулись, рассказали. Портал еще три с половиной седмицы должен был работать!

— Замечательные новости... — силло выдавил изменившийся в лице Гвай. — Вот теперь мы влипли по уши! Если Врата перестали пропускать в Хайборию так неожиданно, в неурочное время, значит они закрылись навсегда. Как и все



прежние порталы, вроде гирканского, руазельского или Врат замка Рудна. Поздравляю, Конан. Следующие лет двести, если верить Арнульф, мы будем гоняться за чудовищами Ауруса. Женимся, обзаведемся выводком детишек...

— Это ты во всем виноват! — немедленно разбушевался варвар. — Кто меня затащил в эту дыру? Кто уверял, что Врата будут действовать еще тысячу лет? Не будь ты моим другом — задушил бы своими руками!

— Не ори, пойдем лучше к тану. Может, отыщется выход.

— Выход? Помнишь, что говорил Рэльгонн? До дома тысячу раз по сто тысяч лиг, а ты толкуешь про какой-то выход! У-у, болтун! Угораздило же меня связаться с умалишенным!

Пропустив ругань Конана мимо ушей, Гвайнард сбросил котомку возле стойла и потащил варвара к башне. Суматоха, вызванная сообщением о закрытии портала постепенно утихала.

В приемной зале тана собрались все приближенные светлейшего — от командира стражи, до пышной домоправительницы. Выражения лиц обеспокоенные, у некоторых в глазах плещется тщательно скрываемый страх. Сам Арнульф выглядел почти беззаботно и копался в груде пергаментов, громоздящейся на столе.

— Уже узнали? — тан поднял взгляд на ворвавшихся в комнату охотников. — Сочувствую, но помочь не смогу. От Хайбории мы теперь отрезаны. Других порталов не существует или о них никто не знает.



— Вообще отрезаны?.. — с глуповатым видом спросил Гвай. — Обратно... никак?

— Какой сейчас год? — неожиданно спросил Арнульф.

— Тысяча двести восемьдесят пятый по счету Аквилонии, — отозвался киммериец. — Но какое отношение это имеет к делу?

— Самое прямое. Так, посмотрим... — вельможный углубился в изучение старого, пожелтевшего свитка, который только что извлек из медной тубы. — Ну, точно! Последний раз это происходило в семьдесят третьем году, а до того — в шестьдесят первом! Как я, болван, мог позабыть!

— О чем позабыть? — положив пухлую ладонь на грудь тоненько спросила огорченная хранительница дома.

— Анита, ты приехала на Аурус всего семь лет назад, поэтому не осведомлена о некоторых особенностях действия Врат Миров. Месьоры Ночные Стражи — совсем желторотые новички, им простительно, но остальные-то чем думали? Вот ты, Кертис, чем думал? Филейными частями, которые на дармовом хлебе наел?

Усатый Кертис, начальник стражи, изобразил на лице напряженную работу мысли и репительно отчеканил:

— Головою мы думать приучены, ваша светлость!

— Плохо, значит, приучены, господа мои! С самого начала заселения подмечено: на каждый двенадцатый год летний срок открытия Врат со-



кращается, зимний — наоборот, увеличивается. Оно и к лучшему, честно говоря... Эта маленькая неприятность наверняка связана с прохождением полного круга двенадцати созвездий Хайбории — порталы-то принадлежат старому миру, а вовсе не Аурусу. И всякий раз, когда летом Врата запираются раньше положенного, поднимается шум вселенский! Будто небо на землю свалилось и отдалило кое-кому причинное место! Ничего особенного не случилось, так всем и скажите. В следующий раз портал раскроется только на праздник Самхайнн, через полгода. Чего стоите, вылупившись? Я вам не ярмарочный шут! Подите прочь!

Приближенные, выученные исполнять волю тана беспрекословно, исчезли в один миг. Остались только Гвай и Конан.

— Сожалею, месьоры, но супротив природы не попрешь, — развел руками Арнульф. — Оставайтесь, живите, помогайте чем сумеете. Зимой вернетесь обратно. Да не смотрите на меня волками — я что ли виноват? Знаю, знаю, вас и друзья, и девки ваши ждут, и работы невпроворот, но создать портал в Бритунию не в моей тановой власти. Поживете полгодика у нас, глядишь понравится! Как и обещал, собственный дом я вам выделю, никаких неудобств не претерпите. Идите, мне работать надо.

Тан нетерпеливо поглядел на стол, загроможденный закусками и кувшинами.

— Портал точно откроется зимой? — безнадежным голосом осведомился Гвай.



— Не тушуйтесь, я не вру. Когда дома окажетесь, подыщите для меня хорошего астролога, чтобы выяснил, отчего через каждую дюжину лет такое случается. Противостояние светил или еще что виновато?.. Проваливайте, я вас более не задерживаю.

— Думаешь, Арнульф говорит правду? — спросил Конан, когда они вдвоем с Гваем спустились вниз.

— Такой человек не умеет обманывать — слишком прост. Демоны зеленые, шесть с лишним лун торчат в этом богами забытом мирке! Сдохнем со скуки! Надо заняться любой работой. Сразу, не откладывая! Что мы хотели сегодня делать? Верно, поехать в старый город Первородных и вдумчиво поговорить с Турудисом. Прихвати с кухни еду и пиво, отправимся не откладывая. Нет никакого смысла сидеть в душных комнатах и оплакивать свою несчастную судьбу.

— Полностью согласен! Но я бы предпочел не пиво, а крепкое красное. Ради такого случая, а?

— Валяй...

* * *

Достоцимого месьора Абу-Бакра охотники нашли быстро — пожилой туранец с живостью, присущей человеку увлеченному любимым делом, давал указания рабочим — сегодня начинали очищать от земли и пыли небольшой храм на окраине древнего поселения.



— ...Какая досада! — воскликнул старик, выслушав рассказ Гвайнарда о закрытии Врат. — Мы только что подготовили несколько ящиков с сокровищами для отправки в Чарнину, я составил список самых необходимых вещей, которые нужно купить в Хайбории — без железных лопат, заступов и других инструментов продолжать работу будет невозможно! Какая неосмотрительность со стороны светлейшего — знать о том, что портал перестанет действовать, и никого не предупредить!

— Арнульф просто забыл, — мрачно сказал Конан. — Прошло двенадцать лет, за такой срок иные и собственное имя позабыть могут. Уважаемый Абу-Бакр, можно нам увидеться с демоном Синей Грозы? По поручению вельможного.

— Странно, — глубоко вздохнул туранец. — Утром я наведаясь в гробницу. Турудис, разумеется, вышел меня встретить, как и было договорено. Демон был очень недоволен — сказал, будто среди ночи усыпальницу посетил... Нет, даже не посетил! Турудис употребил слово «ворвался». Так вот, во владения демона ночью ворвался некто, судя по описанию — не-человек. Магия на это существо не действовала, держало оно себя крайне самоуверенно и принялось расспрашивать Турудиса о ночных духах Кертара, причем угрожало разбить саркофаг, если демон будет лгать!

Конан и Гвай понимающе переглянулись — жестковатые манеры упыря были вполне узнаваемы.



— Турудис очень расстроен, — продолжал Абу-Бакр. — Я ведь пообещал ему, что в усыпальницу кроме меня самого никто не станет входить! Причем, демон уверял, будто посетившая его тварь наверняка прибыла из нашего мира. Как такое понимать? Человек действительно не может передвигаться по Кертару ночью, а кроме людей здесь нет никаких разумных существ! Я озадачен, господа.

— Разберемся, — привычно ответил Гвай. — Так мы сможем встретиться с Турудисом? Если он не хочет, чтобы люди ходили в гробницу, пусть выйдет в подземный коридор, там тоже темно.

— Хорошо, я провожу одного из вас, — согласно кивнул Абу-Бакр. — Однако, не огорчайтесь, если демон откажет в разговоре.

— Отправляйся, — сказал киммериец Гвайнард. — У тебя язык лучше подвешен.

Расстроенный варвар не испытывал особо страстного желания снова видеть перед собой опутанное тонкими молниями и плающее искрами создание. Не даром старый закон шемитской религии гласит: «человек создан для человека и всего живого. Мертвое же — первопричина нечистоты и мерзости». Все эти Бааалы, Мардуки, Иннаны и прочие боги Шема, заключившие с шемитами какое-то соглашение, плохо известное посторонним людям, оказались правы — мертвое так или иначе мертво, а если оно кажется живым, то его опасность и нечистота стократно возрастают. Киммериец не считал себя



излишне религиозным человеком, пускай и твердо знал, что силы божественные существуют. За чем, скажите на милость, в случае удачи принести в жертву быка — неужели только ради того, чтобы Кром, Митра, Иштар или кто другой насладились запахом паленого мяса? Обычно хватает небольшого подношения в храм — бросил я ящик монетку, и будь спокоен: боги тебя на забудут, а храмовые служки и жрецы выпьют вина за твоё здоровье.

Впрочем, на этом распроклятом Аурусе и богов-то нормальных нет! Тан Арнульф, конечно, распорядился построить в городке скромную митрианскую часовенку, а что толку? Митра остался в Хайбории, в своем родном мире, просьбы редких прихожан Ауруса не слышит — слишком далеко даже для могущественного божества.

Конан, привыкший не унывать даже в самых тяжелых и безвыходных положениях, уселся в скрипучее деревянное кресло Абу-Бакра, мельком просмотрел свитки на складном столике (сплошные отчеты в танову управу: сколько чего нашли, сколько фунтов золота нужно отдать на переплавку, а какие изделия оставить в первоизданном облике и так далее...), и погрузился в размышления.

«Гвайнард совершенно правильно сказал, — думал киммериец, — За полгода мы здесь умрем от скуки. Что же делать? Гоняться за монстрами? Или отправиться в путешествие, искать пропавший отряд ученого немедийца, так жаждавшего изучить земли нового мира? Он как-то



защищался от летунов и, видимо, знал, что нечистая сила безвредна. Стоит как следует поразмыслить, и мы тоже сумеем обезопасить себя... Наберем небольшую вагату из местной молодежи, тех, кто погорячее да попроворнее, и поедем! Вдруг другой портал найдем?..»

Тягучий, медленный ход мыслей, теплый ветерок, налетающий со стороны холмов, едва слышный писк пастушеской флейты, доносившийся со стороны облюбованных погонщиками ездовых ящеров пастбищ варвара почти убаюкали — Конан задремал. Как долго он спал, неизвестно, но проснувшись, увидел совсем короткие тени — наступал полдень. Это значит, что Гвай с Абу-Бакром оставались в усыпальнице мага Карнорга не меньше трех колоколов! Может, случилось что?

К облегчению Конана старый туранец и Гвайнард вскоре появились из провала, ведущего в глубины склепа. Переговаривались они громко и ожесточенно, будто два митрианских монаха, исповедующие разные течения старинного культа.

— Повздорили? — спросил варвар, когда оба спорщика приблизились. — Полагаю, демон отказал в аудиенции?

— Этот твой Турудис — жалкий торгаш с Шадизарского блошиного рынка! — высказал свое мнение Гвай. — Никогда бы не подумал, что нечистая сила способна так свирепо торговаться вместо того, чтобы просто помочь людям в затруднительной ситуации! Знаешь, чего он потребовал?



Конан молча вздернул брови и наклонил голову.

— Во-первых, приставить к усыпальнице вооруженную охрану, чтоб чужаки не шастали. Во-вторых, перезахоронить мага, которого он охраняет в другое место, да так, чтобы об этом никто не знал. По мнению Турудиса в городе чересчур шумно и беспокойно. В-третьих, новая гробница должна быть в точности такой, какие строили Первородные — сеть подземных коридоров и церемониальных зал. И последнее — Абу-Бакра он возьмет в хранители гробницы. Благовония воскурять, молитвы читать и все такое прочее. Только по исполнению данных условий он поможет людям найти общий язык с крылатыми зверюгами... — Это почти невыполнимо! — со скрываемыми рыданиями в голосе воскликнул Абу-Бакр. — Я понимаю Турудиса, более всего на свете он ценит спокойствие своего мертвого господина и не терпит посторонних вторжений, но чтобы сделать новую гробницу по архитектурным планам Первородных, потребуется несколько седмиц очень напряженной работы и масса украшений!

— Арнульф, думаю, не откажет древнему демону в эдакой безделице, — Гвай хитро подмигнул варвару. — Почтенный Абу-Бакр, когда в следующий раз будешь говорить с Арнульфом, расскажи ему все, что услышал от демона. Вельможный ни в чем не откажет. Заодно можешь передать, что Ночные Стражи целиком и полностью поддерживают просьбы Турудиса — для



всеобщего блага. А теперь прости, мы обязаны спешно уехать. Нас ждут в Бритунии!

Гвай отвязал поводья своего жеребца от коновязи, вскочил в седло и дал знак киммерийцу следовать примеру. Конан слегка растерялся от неожиданности — какая может быть Бритуния, когда портал закрыт?

Сартак по кличке Гнедой взял с места в галоп, поспешая за конем Гвайнарда. О ездовых ящерах можно сказать много хорошего — они спокойные, рабски повинуются командам хозяев, не было случая, чтобы ящер укусил или сбросил наездника, но все-таки «зеленые коровы» чересчур медлительны. Лошади и родственные им сартаки на галопе обойдут любого неторопливого ящера.

Выехав из города и оставив за спиной две громадные статуи Первородных, Гвай заставил жеребца сменить аллюр на размашистую рысь и повернулся к ненамного отставшему Конану. Когда всадники поравнялись, варвар недовольно выдохнул:

— И куда мы собрались в такой спешке? Не уверен, что наши лошадки вывезут прямиком в Чарнину. Не далековато ли?

— Ты слушай, слушай, — возбужденно заговорил Гвай. — Пока я говорил с Турудисом, пришлось ненадолго выставить Абу-Бакра наружу, чтобы не подслушивал. Демон и в самом деле разобижен недавним явлением Рэльгонна — наш упырь не особенно церемонился, вел себя как последний хам! Оставим, дело прошлое... Конан,



ты даже не представляешь, как нам повезло! Я, между делом, пожаловался Турудису, что мы застряли на Аурусе и никак не можем вернуться, а он почему-то удивился. Как, говорит, застряли? Мои прежние хозяева ходили между Сфер без всяких трудностей, а буде таковые возникнут, обращались к... Имя забыл! А, точно, Мархорт! Мархорт, владеющий расстоянием. Это один из богов Первородных. Вернее, не столько бог, сколько несколько необычный жрец. Помнишь, Арнульф толковал нам о магии и клирицизме?

— Помню, — согласился Конан. — Маг использует собственную силу, жрецы только проводят силу богов. И в чем тут соль?

— Потом я тщательно опросил Абу-Бакра. Мол, не встречались ли в городе необычные храмы? Святилища, которые резко отличались от всех прочих? Туранец поразмыслил, и вдруг просиял: были такие! Выглядели они обычной ямой, которую окружали мраморные колонны. Прихожане выбрасывали туда мусор, отходы, мертвых животных, содержимое выгребных ям... Удивительно, правда? Но возле каждой такой ямы был собственный жрец и несколько служек, на мозаиках изображены богослужения, посвященные богу мусора. Согласись, необычный культ!

— Всегда подозревал, что эти Первородные были слегка не в себе. Поклоняться дерьму? Даже в нашей старой Хайбории до такого не додумались!

— Ты послушай, не перебивай! Это были святилища Мархорта. Бога, посвятившего себя вре-



мени и расстоянию. Его символ — загнивание, ибо с течением времени жизнь превращается в смерть, живое в не-живое и так далее до бесконечности. Это божество не злое и не доброе — оно просто существует. И сейчас мы едем к нему!

— К нему? — фыркнул Конан. — И где прикажешь его искать? Да жив ли, этот твой чумазый Мархорт? Сколько столетий прошло!

— Турудис уверял, что живехонек! Мархорт жил всегда, до Первородных и после них. По-моему, он просто живет. И ничуть не обращает внимания на прогремевшие над Аурусом бедствия. Он сам по себе.

— Далеко?

— Далековато, — вздохнул Гвай. — Турудис, желая побыстрее от меня избавиться, описал дорогу. Ехать строго на полночь, мимо каких-то «красных» холмов, сразу за холмами повернуть левее, к большому лесу, а в лесу искать самого Мархорта. При Первородных эти дебри полагались священными и охраняемыми, но сейчас там наверняка безопасно. Расстояние — тридцать с небольшим лиг. Если поспешим, до вечера успеем. Демон Синей Грозы был уверен, что старое божество сумеет нам помочь. Если, конечно, примет нашу жертву.

— Жертву? — насторожился Конан. — Какую такую жертву? Золото, животное на заклятие?

Гвай откровенно фыркнул:

— И проще, и сложнее одновременно. Разберемся на месте. Главное, не сбиться с пути и



отыскать Мархорта до заката, иначе нам придется тяжело... Надеюсь, в густом лесу у нас будет гораздо больше возможностей спрятаться от летунов. Ничего не получится — вернемся на другой день в крепость Арнульфа и будем устраивать жизнь на ближайшие шесть лун... Асгерд и Эйнара жалко — невесть что о нас подумают. Погибли, дезертировали, попали в плен? Оставим! Я убежден, что богиня удачи не покинула нас!

— Твоими бы устами да пиво хлебать...

* * *

Красными холмами оказалась гряда скалистых возвышенностей, довольно нелепо смотревшихся среди золотистых полей Ауруса. Казалось, в этих местах погиб некий древний великан, его остов со временем покрылся землей и травами, и только огромная челюсть с поднятыми к небу гнилыми коричневыми зубьями осталась на виду.

Чем дальше всадники отходили от обжитых мест, тем больше диких животных встречалось по пути. Неподалеку толстый буллет охотится на здоровенных бескрылых птиц с гигантскими загнутыми клювами, тяжеломерно бродят рогатые гиганты, на чьих спинах свили гнезда яркие, синевато-оранжевые птички отдаленно напоминающие зимородков. В полулиге от подножия скал прошестьевали два удивительных гиганта — тело слоновье, только ноги подлиннее, а шея



вообще напоминает толстенную змею в пятнадцать локтей с маленькой головой, украшенной загнутыми рожками. В небесах порхали десятки разнообразных птиц и ящерок с протянутой вдоль туловища летательной перепонкой. Идиллия

— Гвай, хватит играть в секреты! — возмутился киммериец. — Если в твоём зачарованном лесу мы ничего не найдем, то вернуться до заката в крепость просто не успеем. Последствия ясны? Я всегда рассчитывал закончить свои дни в центре какой-нибудь великой битвы, вцепившись зубами в глотку врага, а не безвестно стигнуть в желудке летучего чудовища, испытывающего к человеку неодолимую ненависть.

— «Залитые кровью луга и оскверненные нивы, омоем мы кровью врага!» — продекламировал Гвайнард, но вернулся к прозе. — Конан, ты никогда стихи писать не пробовал? Хочешь узнать правду? Такие любители приключений как ты, всегда погибают не в грандиозных сражениях, под грохот барабанов, рев труб и победные вопли соратников «Да здравствует король!». Все будет прямо наоборот. Напьешься зимой, замерзнешь в канаве. Будешь зарезан низкопробной шлюхой из-за денег. Отравись дурным пивом. Заболеешь холерой... Всем этим неприятностям подвержены как раз такие люди, как ты.

— Это почему же? — прищурился варвар.

— Потому, что самые опасные опасности обходят тебя стороной. Бойся опасностей маленьких, незаметных. И поменьше бравируй — скром-



ность украшает. Бравада нужна только в серьезном деле — помогает победить.

Спор начал разгораться — киммериец даже припомнил несколько пророчеств, услышанных в разное время и от разных людей. Все они, почти в один голос, сулили Конану королевский трон в одной из держав Заката. Гвай отнесся к этому сообщению скептически.

— Давай рассудим, — усмехаясь, сказал он. — Немедии тебе не видать как своих ушей — у старого короля четыре сына и множество других родственников. Власть Трона Дракона неколебима! Зингара? По смерти старого Фердруго трон перейдет к принцессе Чабеле, и если ты не женишься на ней, королем не станешь. Династии Офира, Аргоса и Кофа слишком крепко держатся за власть, а у императора Илдиза Туранского не меньше полусотни собственных отпрысков, жаждущих дорваться до папашиного венца. Остаются Бритуния и Пограничье. Но становиться королем Пограничья просто неприлично — это же не страна, а смех один! Только за последние два года там сменилось девять монархов!

— Ты про Аквилонию забыл, — буркнул киммериец, вызвав у Гвая приступ долгого хохота.

— Ак... Аквилония? — всхлипывал Гвайнард. — Согласен, Нумедидес — один из самых неудачных государей, сживавших на Троне Льва, хотя, конечно в слабости, ничтожности и бездарности он не может соперничать Гарольдом Проклятым, которого лет четыреста назад убили его же собственные гвардейцы, а тело вышвырнули



в Хорот! Но ты забыл, что на старике Нумедидесе не заканчивается династия Эпимитриев — у него есть племянник, граф Дион. Тоже, конечно, не светоч разума. А самые веские претенденты на корону живут в Пуантене — великий герцог Троцерио и его разудалый молодой племянничек Просперо. Прав на трон у этих двоих достаточно — они племянники прежнего короля Вилера, за ними стоит богатейшая провинция, сильная армия... Знаешь, что подозрительно? Я ведь отдал несколько лет молодости Латеране, тайной службе Трона Льва, и научен видеть необычное в обычном. Троцерио на собственные деньги собирает наемничью армию в Боссонии, у границ Пуцци, хотя мог бы использовать для борьбы с пиктами и регулярную аквилонскую армию. Старик-ку позарез нужно войско, которое подчинялось бы только ему самому!.. То есть как — зачем? От Галпарана Боссонского до Тарантии — два дня спешного марша. Крупные отряды кавалерии и пешие легионы стоят на границах с Немедией и Кофом по Красной реке — верные Нумедидесу войска просто не успеют подойти к столице вовремя. А дальше все просто — да здравствует король Троцерио Первый!

— Ничуть не просто! — помотал головой Конан. — Руку даю на отсечение, сразу начнется гражданская война, что похуже любого вторжения извне. Против пуантенской партии немедля восстанут магнаты Таурана, Боссонии и Гандерланда, герцогство Шамарское тоже в стороне не останется. А любезные соседи, задушевные дру-



зья Аквилонии, под шумок оттяпают часть территорий, захваченных Сигибертом Завоевателем. На месте Троцерио, если он действительно задумывает переворот, я бы подыскал какого-нибудь малоизвестного, но умного человека, никак не связанного с древними благородными фамилиями и, чтобы никому не было обидно, именно его посадил на трон...

— Тебя, например!..

Тут уже рассмеялись оба. Слишком уж плохо вязались между собой Конан Канах и пятизубая корона Тарантии.

Но разговор этот Конан запомнил надолго — выводы Гвая показались киммерийцу вполне разумными.

Действительно, если Пуантенская партия постепенно начинает готовить почву для устранения с престола никчемного Нумедидеса, то почему бы не поучаствовать в грядущем веселье? Жаль, конечно, покидать Гвайнарда и компанию, но седмиц через пять-шесть надо будет собраться и выехать на Закат — вдруг получится ухватить и свой кусок сладкого пирога?

Ехать ранней осенью смысла нет никакого — попадешь в распутицу, придется подождать до середины второй осенней луны, когда почву схватит первый мороз... Через Пограничье, полуночные перевалы Немедийских гор, Темру, Гандерланд...

«Дурак! — обругал себя Конан. — Какая Темра? Откуда здесь Гандерланд? А Хайбория кажется блеклой точечкой на звездном небе! Не за-



будь, тебя занесло к демонам на куличики, и выхода отсюда нет никакого! Огромная, богатая, красивая и опасная тюрьма, доверху набитая чудовищами и нечистой силой! И ведь подкоп не сделаешь, и решетки не перепилишь!

— О чем ты договорился с Турудисом? — спросил Конан, желая отогнать дурные мысли. — Неужели демон согласился переговорить с крылатыми летунами?

— Его условия ты уже слышал, — сказал Гвай. — Персональный склеп, охрана и все такое. Выполнят — он сходит к летунам. Вот, кстати, Турудис потребовал, чтобы ему устроили встречу с таном. Ничего, Арнульф переживет. Я думаю, что со временем дело уладится — Турудис откровенно скучает в бездействии, а мы предложили ему несколько поразвлечься. Сам понимаешь, каково это — столетиями сидеть в стене и дожидаться, пока не заявятся осквернители гробниц. Демон владеет магией, значит сможет общаться с летунами. Если они его примут и согласятся с нашими доводами... Глядишь, конфликт двух разумных рас окажется разрешен с помощью нечистого духа из Черной Бездны. Если сейчас вернемся домой, через полгода обязательно наведаюсь на Аурус, узнать, есть ли изменения к лучшему.

— Посмотри, скалы закончились. Теперь куда ехать?

Цепь каменных нагромождений кирпично-красного цвета оборвалась, открывая обзор. Впереди простиралась бесконечная травянистая рав-



нина, а слева, на полуночном закате темнела пушистая лесная полоса. На взгляд Конана до опушки оставалось около полутора лиг.

— Приметы сходятся, — кивнул Гвай. — Турудис сказал, будто отыскать этого полубога будет довольно просто, не промахнемся. Насколько я понял демона, Мархорт изначально принадлежит Кертару — как солнечный свет, воздух или деревья. Он не порождение этого мира, а его часть.

— Ты что-то говорил про ловушки? — настороженно сказал варвар. — Едем шагом, со всей осторожностью — очень не хочется сверзиться в яму с кольями на дне!

Чащоба встретила путников полнейшей тишиной — лишь изредка в дебрях щелкали сухие веточки. Подлесок состоял из кустарников и огромного количества ярких цветов, которые Гвай запретил трогать — вдруг ядовитые? Тропинок не наблюдалось вовсе, будто в лесу не ходили даже животные, обычно протаптывавшие дорожки в сторону водопоя или берлоги.

Больше всего людям не понравился воздух — густой, без единого движения, затхлый. Заберитесь в подвал давно заброшенного дома и почувствуете то же самое. Запах плесени, сырости, подгнивающих листьев; очень слабо пахнет еще чем-то мерзким, напоминающем о разлагающихся трупах или испорченной пище. Лес выглядел мертвым.

— Приятное местечко, — поежился Конан. — По моему разумению, боги обязаны выбирать



для своей обители нечто более возвышенное и удобное. И чтоб нектаром пахло!

Охотники блуждали по лесу не менее колокола, старательно обходя черные болотины и поваленные стволы. Пусто! Никаких признаков жилья или святилища — только серая пыльная паутина, тягучая мерзкая слизь, свисавшая с трухлявых подгнивающих веток, на некоторых деревьях замечались желтые шарообразные плоды, видом сходные с дыней. От любопытства Конан сорвал одну такую дыньку, принюхался и едва не сплюнул — пахло тухлятиной. Разозлившись, варвар запустил плод в ствол близлежащего дерева...

— Рехнулся?! — это был первый возглас Гвая, который разобрал слегка оглохший варвар. Оказалось, что Конан валялся на прелой влажной траве, сартак беспокойно гарцевал шагах в тридцати поодаль, а на правом бедре киммерийца зияла небольшая, но весьма болезненная рана, из которой торчало что-то темное и твердое.

Желтый плод, ударившись о твердую кору дерева с грохотом взорвался, разбросав едкое сероватое облако пыли и десятки звездочек-семян, которые могли поранить не хуже любого шурикена. К счастью, пострадал только Конан, а у гваевского коня оказалась перерезана упряжь. Окажись всадники поближе, могло и убить.

Гвай двумя пальцами извлек из ноги киммерийца жесткое, как железо, треугольное семечко, отбросил подальше и кое-как перетянул рану. Конан сквернословил сквозь зубы — больно,



кровь течет, а зловоние усилилось до полной невозможности. Словно в выгребной яме сидишь!

Пока Гвайнард возился с повязкой, раздирая на ленты запасную нижнюю рубашу, добытую из дорожного мешка, Конан озирался по сторонам, ожидая очередных пакостных сюрпризов. Он и прежде слышал о растениях-хищниках, в Дарфаре их множество, но такие растения охотятся только на мух или совсем крохотных птичек. Зачем же природа Ауруса создала плоды, больше похожие на взрывающиеся горшки с зингарским огнем, где в смесь земляной смолы, угольной пыли и некоторых других горючих составляющих обязательно добавляют железные обрезки — чтобы раненых было больше?

Желтых плодов на поляне наблюдалось великое множество. Упали они все одновременно, о Ночной Страже на Аурусе никто больше никогда не услышит — охотников изрешетит тысячами осколков. С другой стороны прогалины возвышается огромный завал бурелома — десятки поваленных и гниющих деревьев. Больше ничего привлекающего внимания — древний, умирающий лес.

— Встать можешь? — Гвай поднял Конана за руку. Варвар морщился, но терпел.

— Мы не заблудились? — угрюмо спросил киммериец, попутно размышляя о том, не было ли в поранившем его зернышке какой-нибудь заразы. — На мой скромный взгляд, в таком лесу не то, что бог, самый грязный демон не посе-



лится! Надул нас Турудис, вот что я скажу. И солнце садится.

— Поездим еще немного, а когда начнется закат, поскачем обратно в крепость, — решил Гвай. — Конан, погляди, куда это твой Гнедой собрался?

Сартак вовсе не по-лошадиному пропищал неразборчивую тираду, смысл которой от охотников ускользнул, вломился в напоминавшие шиповник колючие кусты и сгинул в дебрях, обходя гору бурелома. На яростные оклики хозяина Гнедой отзываться не желал.

Припомнив несколько особо ярких словечек из утренней речи тана Арнульфа, киммериец пошел вслед за упрямой скотиной. Колючки вытягивали из дивных плащей нити, царапали голые предплечья, путались в длинных волосах, но киммериец твердо решил выяснить, что привлекло его зубастого приятеля.

Когда вся компания, отплевываясь от паутины и выдирая из шевелюр острые веточки выбралась на очередную прогалину, Конан и Гвай мигом зажали ладонями носы и рты. Здесь не просто смердело — воздух обратился в липкую, омерзительно пахнущую субстанцию, названия которой подобрать было невозможно. Наверное, даже потомственный золотарь свалился бы без чувств, окажись рядом с... Рядом с чем?

Замеченный прежде непроходимый завал древесных стволов и лесного мусора наверняка являлся задней частью этой жутковатой пирамиды. Конан за словом в карман не полез, и немед-



ля поименовал это «всемирным неприличным местом». А как еще прикажете назвать огромную, в пять человеческих ростов и сорока шагов в охвате гору, сложенную из грязи и отбросов?

Гнилое дерево, грязь всех возможных оттенков, заросли лишайников и пушистая плесень... Увидев столь невероятное количество разноцветных и отвратительных с виду грибов, любая ведьма упала бы в обморок от восторга. Сюда же добавляем многолетние слои птичьего гуано, несколько совершенно разложившихся трупов самых разных животных, от зеленых ящеров до каких-то непонятных существ, смахивавших на ежей-переростков. Кое-где коричневеют голые кости и черепа. Но самое гнусное в том, что весь этот омерзительный конгломерат движется. Почерневшие от гнилости лианы змеино извиваются, сжимаются, корневища погибших деревьев сжимаются, ровно пальцы на уродливых ладонях, поскрипывая шевелятся безлиственные ветки, а голые черепа ящеров щелкают мертвыми зубами.

А еще эта куча дышала — вбирала в себя воздух сквозь черную расселину у самой земли и гулко выдыхала невероятнейшую вонь, от которой людям становилось дурно. Даже Конан, всегда гордившийся своим железным желудком не выдержал. Уяснив, что впредь удерживать в себе поглощенную недавно пищу он не в состоянии, варвар оперся о скользкое бревно бурелома и шумно вернул природе остатки завтрака. Стало немного полегче.



— Если это — божество, — прохрипел киммериец, вытирая губы, — то я сам святой Эпимитриус. Хорошенькие у Турудиса шуточки!

Гвай тоже позеленел, но держался, продолжая осматривать громоздящееся перед ним непотребство. Непотребство вздыхало, колыхалось, выпускало из щелей струйки зеленоватого газа и вяло ворочалось. Оживилось оно сразу после выхода Конана — обиделось, что ли?

Охотники быстро отступили на несколько шагов назад, когда в глубинах черно-коричневого смрадного бурелома зажглись три зеленые точки. Две у самого основания, третья повыше, в центре. Глаза?

Точно, глаза. Зеленая радужка с золотистыми прожилками, черный ромбовидный зрачок. Каждое око не меньше арбуза размером.

— Эрхум соот Мархорт квалло? — гулко, как из бочки, осведомилось чудо, но людям удалось разобрать лишь одно слово: «Мархорт». Значит, демон Синей Грозы не обманул — фантастическое божество никуда не исчезло со временем, прошедшем от эпохи гибели Первородных.

— Э-э... Приветствуем тебя, вечный и могущественный, — пытаюсь сдержать улыбку, выродил Гвай. И впрямь, подобная речь выглядела несколько смешно. То же самое, что молиться куче дерьма, чем, по большому счету, благоуханный Мархорт и являлся.

Внутри бурелома что-то озадаченно поскрежетало и похлопало. Мархорт не понимал, что ему говорят, но три зеленых глаза разгорелись



заинтересованностью. Конан, припомнив недавний опыт с Турудисом, преодолел брезгливость и снова прикоснулся к самому чистому бревну завала — по ладони тотчас скользнули зеленые искорки. Мархорт изучил киммерийца столь же быстро, как и демон Синей Грозы.

— У-у-ффф... — выдохнула зловонная пасть, снова вызывая неприятные спазмы в желудке. — Давно я не видел гостей... Вы кто? Посланцы Гертасара?

— Мы не знакомы с уважаемым Гертасаром, — наивозможно почтительно ответил Гвай. — О великий, у нас затруднения, и нам сказали, что только ты можешь нам помочь.

— Я помогаю всем просящим, — новое облако густого смрада. — И прошу взамен лишь небольшого подношения...

Пока Гвай беседовал с этой кучей отбросов, Конан, которого всерьез мутило от непредставимой вони, отошел подальше, нашел камушек почище и уселся. В могущество мусорного бога он не верил. Забавно, конечно, узнать, что на краю вселенной встречаются такие чудеса, но если не хочешь блевать по три раза за квадранс, лучше от подобных божеств держаться подальше. Чем он сможет помочь? В лучшем случае — посоветует дожидаться открытия порталов.

— Скучаешь? — к варвару подошел Гвай. Рожа хитрая-хитрая. По лицу видно, что задумал или учинил какую-то особенно веселую пакость. Шнурки на штанах зачем-то завязывает. — Все, мы договорились. Мархорт может создавать очень



кратковременные порталы между мирами, и он согласен отправить нас домой.

— Интересно, откуда он знает, где наш дом?

— Сказал, что для него это не важно. Важно, чтобы мы сами знали! Иди, делай ему подношение. Я, как видишь, уже...

— Подношение? — у киммерийца глаза на лоб полезли. — Ты что имеешь в виду?

— Именно то, о чем ты подумал. Мархорта надо... кхм... удобрить. Не смотри на меня так, разве не знаешь, как и чем садовники удобряют растения? Конан, я не знал, что ты настолько стеснительный! Честное слово, я не буду смотреть. Это зрелище не доставит мне никакого удовольствия. Давай-давай, время не ждет.

— А если я сейчас не хочу?

— Домой вернуться хочешь? То-то же! Вперед, от тебя не убудет!

— Я чувствую себя постояльцем дома для умалишенных, — вздохнул варвар. — Расскажи мне кто про богов, принимающих такие необычные жертвы, поднял бы на смех!

Когда требы были принесены, Конан и Гвай поднялись в седла и подъехали как можно ближе к завалу грязи и бурелома. Зеленые глаза Мархорта светились вполне благосклонно.

— Начинаем? — скрикнул гниющий бог.

Получив в ответ молчаливые кивки, Мархорт громко и раскатисто протрубил:

— Чтоб вы провалились туда, откуда взялись! И они провалились. В буквальном смысле.



Глава седьмая,

*в которой охотники возвращаются
в Британию несколько необычным способом*



Несчастные постояльцы комнат таверны «Золотое Солнце» долго не могли заснуть праведным сном. Недобросовестные соседи, обосновавшиеся в самых лучших комнатах второго этажа, полночи громко хохотали, сдвигали мебель, частенько бежали вниз за очередной порцией вина или холодным окорочком, хлопали дверьми и вообще, вели себя так, будто оно одни на всем белом свете.

Жаловаться, однако, никто из обеспокоенных гостей постоялого двора не спешил — в компанию поздних весельчаков входил никто иной, как сам коронный прецептор города Чарнина, достойнейший месьор Лентул из Гератии, глава королевской стражи и поверенный самого великого герцога! Чем прельстил высокую персону затрапезный кабак никто не знал, да оно и к лучшему — незачем простому обывателю совать



нос в дела великих! Только один вопрос терзал бессонных обывателей — отчего господин прецептор решил весело провести вечер в подозрительном обществе мужланов, более подходящих на наемников из Нордхейма, чем на добропорядочных обывателей?

Случись скромному купчишке, остановившемуся в «Золотом Солнце» на ночевку во время проезда в Пайрогию по делам продажи шерсти, заглянуть в щелку и подробно рассмотреть месьоров полуночников — быть бы шуму до небес! Нет-нет, сидевшие за столом люди были вполне обычными. Первый, совсем молодой русоволосый парнишка с яркими зелеными глазами щиплет струны лютни, двое других — постарше, прересмеиваются и пьют вино, высокая строгая девица асирского вида сдерживает улыбку, что плохо ей удастся. Благообразный старик в расшитом бархатном колете, наверняка и есть почтеннейший прецептор Чарнины Лентул. Ничего особенного, если не обращать никакого внимания на существо в черной хламиде, с царственным видом восседающее на кресле у дальней стены. Купчику хватило бы одного взгляда, чтобы понять — господа изволят пьянствовать с вампиром — нечистью, нежитью и небытью! Караул!

Однако, никто не осмелился бы бросить даже единственный взгляд в освещенную свечами большую комнату — у дверей возвышались двое грозных ликторов господина прецептора с нашивками сервентов на рукавах. А в Бритунии



сервентское звание приравнивается к аквилонскому десятнику! Великие и достойные персоны должны быть тщательно охраняемы от постороннего глаза!

— Ай-ай-ай, — качая головой сокрушался Лентул. — Не один только Арнульф совершил ошибку, забыв о двенадцатилетнем зодиакальном круге! Наступает момент, когда созвездия и небесные Сферы выстраиваются в особую линию, ненадолго нарушая равновесие, от которого зависит действие порталов! Боги, у меня же готово два каравана для отправки на Аурус! И приближается срок выплат купцам, у которых мы закупали товары. Придется выплачивать неустойку. Разорение!

— Зато зимой Врата будут открыты в полтора раза дольше, — напомнил Гвай. — Успеете! Меня терзает один вопрос: каким образом вы устроите настолько крупное переселение? Тысячи людей, скот, повозки с барахлом... И как вы набрали желающих?

— Это оказалось сделать проще, чем может показаться, — усмехнулся Лентул. Мысль захватить ничейный Аурус пришла в голову одновременно мне и тану Арнульфу — мы старые приятели. А когда тана подловила королевская секретная служба за попытку продать немедийцам тайные бумаги королевского двора, ему пришлось немедленно собирать вещички и улепетывать за Грань. Вы не смотрите, что Арнульф толстяк и обжора — человек он деятельный. Сразу построил крепость, учредил законы, фактически



создал на основе разрозненных семейств первых переселенцев маленькое государство. А поскольку тан оказался человеком честолюбивым, немедленно возникла мысль — отыскать в странах Заката как можно больше недовольных и переправить их на счастливый Аурус. Нечисть, опасности — это побоку. Для многих опасности Ауруса покажутся смешными неудобствами после королевских галер или рудников — не забудьте, многие земли Бритунии и Пограничья заселялись именно беглыми каторжниками и людьми, которые в силу неких причин были вынуждены покинуть родину.

— И ты согласился помогать Арнульф? — уточнил Конан.

— Не привык отказывать старым друзьям, — просто сказал прецептор. — У меня связи, возможности... Владея дознавательной, сыскной и таможенной управами целой провинции на протяжении многих лет, можно многому научиться. Оттуда — золото, туда — инструменты, ткацкие станки, людей. Торговая цепочка построена идеально, подкопаться невозможно. И, опять же, ничего противозаконного — указы короля Эльдарана не разрешают, но и не запрещают ходить через Врата Миров и вывозить оттуда ценности. Последние два-три года десятки моих доверенных ищут недовольных властями людей, обедневших многодетных кметов, чей маленький надел не в состоянии прокормить большую семью... Слова подтверждаются золотом и рассказами о прекрасной жизни за Вратами. Естествен-



но, мы заставляем давать письменную клятву о неразглашении тайны. Пройдет Самхайнн, и по дорогам Бритунии и Немедии помчатся гонцы, обязанные донести до заинтересованных людей единственное слово: «Собирайтесь!» А что будет дальше, вы и сами представляете.

— По-моему, это немного жестоко, — сказала Асгерд. — Отправлять людей в неизвестность, заставив бросить дом, могилы предков...

— Там их прекрасно встретят! — парировал Лентул. — Новые отстроены дома, каждому выдадут заранее закупленные инструменты, от плугов до мечей, научат оберегать себя от нечисти и чудовищ. Впрочем, после рассказа наших героических Ночных Стражей, о нечистой силе теперь можно не беспокоиться.

— Хм, вы посвятили нас в один из самых невероятных заговоров, о каких я только слышал, — подал голос Рэльгонн. — Но давайте все-таки узнаем у месьоров Гвайнарда и Конана, каким образом они вернулись в Хайборию? Той ночью я успел проскочить через Врата за несколько мгновений до их закрытия. Итак мы все внимание! Гвай, отчего ты покраснел?

— Ладно, слушайте, — вздохнул бравый предводитель отряда. — Помните, я рассказал о демоне Синей Грозы? Это он нас надоумил...

* * *

Существуют смутные легенды об отце всех богов, великом божестве, которому однажды ста-



ло скучно обитать в промозглом холоде Тьмы Внешней. Там было темно, холодно и неудобно, а посему Великий бог решил устроить себе развлечение, создав плоть, а через нее и жизнь.

Поскольку обычная жизнь может воплощаться не только в растениях, цветах, тараканах или сороконожках, Творец создал людей, способных творить и мыслить, а заодно и соперничать с создателем в деле творения и разума. Но увы, вскоре Великий бог понял, что общаться с человеком на равных ему не по силам — люди оказались слишком слабы и быстро забыли Творца, променяв его милости на изделия собственных рук и соперничество между собой. Обиженное божество вернулось обратно в Пустоту, не забыв при этом сотворить других богов, помельче, чтоб каждый занимался в человеческом мире отведенным ему делом.

Так вышло, что Митра покровительствует мудрости, добрым делам и благословляет самые положительные качества людей, Кром, Вотан и Эрлик научили свои народы воевать и делать оружие, Иштар хранит любовь и семью, Бел (когда он не занят своим излюбленным жульничеством и воровством) помогает в торговых делах, Сет повелевает магическими искусствами (причем, вовсе не обязательно черными) и так далее. Можно перечислить еще два десятка как великих так и не столь заметных богов Хайборийского пантеона, некоторым из которых нет никакого дела до человека — хранители лесов и озер, духи гор, ветра и вод, повелители времени или



пространства, наподобие бога Лангола из Кезанкии...

А что же сам Творец, отец всех богов? Борясь со своей вечной напастью, скукой, он принялся создавать другие Сферы и смотреть, что получится. Вероятно, Аурус-Кертар тоже его рук дело. И на Аурусе точно так же появились боги-помощники — воплощенные или невоплощенные сгустки великой божественной силы, не принадлежащие никому, кроме самих себя.

Таким вот божеством и оказался вонючка-Мархорт. Не исключено, что именно он научил сгинувших Первородных путешествовать между Сферами Вселенной, ибо эта неприглядная куча мусора, как уверял Демон Синей Грозы, могла изменять течение времени и подчинять себе пространство.

— Всегда представляла себе властелина времени несколько по другому, — сморщила носик Асгерд. — Ну, там белые одеяния с вышитыми символами... этими... эзотерическими, верно? Корона, синие глаза, трон, алмазный скипетр в руке. А тут что?

— Здоровенная куча дерьма и гнили, — напомнил Конан. — Укажу особо: живая куча, которой требуется подпитка, удобрение. Кметы ведь разбрасывают на свои жнивья золу и навоз? Чтобы пшеница росла лучше?

— Воображаю, что там вырастет, после вашего подношения, — весело фыркнул Эйнар. — Эдакое пикантное растение! Ваш Мархорт просто задохнется от вони.



— Разные земли — разные традиции, — философски пожал плечами Рэлыгонн. — Не вижу ничего скабрёзного. Некоторые ваши обычаи тоже показались бы чужакам отвратительными — пожирать мясо убитых животных — фу!

— Или пить кровь из шеи живого человека, — мило улыбнулся Эйнар, явно намекая на самого упыря.

— Месьоры, оставим глупые препирательства! — заявил каттакан. Лучше слушаем от наших друзей занимательную повесть о путешествии из Ауруса в Хайборию. Для меня это представляет сугубо познавательный интерес!

* * *

...Мархорт надулся, заскрипел и выпалил на едином духу:

— Чтоб вы провалились туда, откуда взялись!

Конан сразу почувствовал, как земля начала уходить из-под ног. Сартак удивленно взвизгнул, подражая ребенку, катящемуся зимой с крутой горки, всадников будто что-то дернуло вниз, в глубины земли. Появилось неприятное ощущение в желудке — он будто отделился от туловища и теперь парил локтях в десяти над головой. Гвай, Конан и их скакуны летели по широкому черному тоннелю. Киммериец начал заодно-испуганно орать в голос. Если они упадут с большой высоты — непременно расшибутся!

Стены трубу постепенно светлели, становясь полупрозрачными — за стенками вспыхивали и



перемигивались сотни многоцветных огоньков, пламенные шлейфы, складывавшиеся в спирали, нарастало ощущение немыслимой скорости, но встречный ветер почему-то не визжал в ушах и не слепил глаза.

— Мне кажется, — проорал Гвай, едва удерживаясь в седле коня, беспомощно болтавшего не находящими опоры ногами, — будто мы летим в кишках какого-то титана!..

— Обрадовал! — рявкнул в ответ Конан. — Напомнить, чем обычно заканчиваются кишки?

Киммериец впоследствии уверял, будто стремительное падение из Сферы в Сферу продолжалось очень долго, не меньше десяти квадрансов. Гвай отрицал, и сказал, будто Мархорт переправил незадачливых путешественников обратно домой всего за четверть оборота клепсидры. Но так или иначе, впереди показался яркий световой круг, означавший близкое окончание путешествия из Ауруса в Хайборию. Конан машинально закрыл глаза перед ударом и вскоре два всадника с шумным плеском рухнули из пустоты в небольшое круглое озерцо у подножия скалы серого гранита.

Что-то очень знакомое было в этом месте — скальный выход, похожий на задранный к небу великанский палец, густые ореховые заросли, на веточках зеленеют несозревшие шарики плодов, узкая тропинка, уводящая в сторону горных лугов... Пахнет хвоей и сыростью.

— «Чтоб вы провалились туда, откуда взялись», — процитировал Гвай гниющего бога. —



Здорово, правда? Никаких страшных заклинаний и жертвоприношений в ночь полнолуния, все просто, как в игре в четыре шарика! «Взялись» мы именно отсюда, то есть от Бритунийских Врат, сюда же и провалились. Все просто!

— А тебе не кажется, что можно было и всерьез обмануться? — проворчал Конан, вылезая из воды и тщетно пытаясь отжать рукава вымокшей насквозь рубахи. — По большому счету, «взялись» мы оба из материнской утробы. То-то было бы удивления у твоей и моей родительниц, когда мы по второму разу появились бы на свет! Все заклинания, как я слышал, таят в себе изрядную двусмысленность! Насчет жертвоприношений скажу так — если бы все существующие боги принимали требы именно... э...

— Да не смущайся ты, и скажи просто: «дерьмом», — расхохотался Гвай, выбираясь из водоема. — Да, признать, жизнь в нашем мире стала бы существенно легче, окажись у Митры или Иштар столь неприятные вкусы... О нет, опять!

Невозможно перепутать никакой другой звук с натягиванием стрелы тяжелого арбалета. Оказывается, и после внезапного закрытия Врат Миров стража оставалась неподалеку. Гвай отряхнулся как искупавшийся пес, сбросил с лица прилипший листочек кувшинки, поднял руки и проорал в полутьму:

— Эй, не вздумайте стрелять! Мы едем от тана Арнульфа, с Ауруса! Позовите Торда с Озерного Рога, он нас знает!



— Зачем его звать? — прогудели из зарослей. — Вот он Торд, я самый!

Затрепали ветки и на полянку вывалился медведеподобный бородач. Всмотрелся. Подобрел лицом, узнавая

— Вот не ждали, — Торд хлопнул себя по бокам могучими ручищами. — Вы, месьюры откуда свалились? Портал-то заперт! Или какой особенный способ, чтоб между мирами ходить, нашли?

— Нашли, нашли, — поморщился Конан. — Ты, любезный, не мог бы отвести нас к костру, обсушиться? Промокли, как две курицы под дождем!

— Отчего не проводить — провожу. Рассказывайте, что хорошего за Гранью повидали! Какая неприятность приключилась — врата закрылись, а караван — вот он, стоит наготове. Не знаем, что и делать!

— Отправляйте обратно, в поместье господина Лентула, — распорядился Гвай. — До праздника Самхайнн из Хайбории на Аурус ходу для человека не будет. А вот из Ауруса к нам... Только жертвы принесите кому положено, да побольше, побольше!..

Гвай и киммериец, не сговариваясь, расхохотались.

* * *

Дальнейшее путешествие не принесло ни трудностей, ни неожиданностей. Огорченные неудачей погонщики развернули груженных то-



варами верблюдов и лошадей, отправившись восвояси — Торд предложил киммерийцу и Гваю проводить караван до Чарнины и лично сообщить прецептору о происшедшем. Лентул, конечно, не обрадуется — за оставшееся время на Аурус предполагалось переправить множество заказанных Арнульфом вещей, а сам вельможный должен был передать господину прецептору пятнадцать мер золота в слитках, чтобы тот продолжил закупки.

Товары сгрузили в поместье прецептора, а почтенные Охотники ринулись в город — докладывать верным соратникам, что они живы и здоровы. После бурной встречи и краткого обмена новостями было предложено устроить небольшую дружескую вечеринку, на которую следует непременно пригласить господина прецептора.

За время отсутствия Гвая и Конана ничего особенного в Чарнине и близлежащих танствах не происходило. Асгерд с Эйнармом без особых трудностей изловили довольно крупного оригса — летающего вампира, портящего домашний скот, и выгодно продали его в зверинец чарнинского герцога.

Одна беда: на следующий день в город явился напуганный гонец от молодого барона Альдара Рика, в поместье которого объявилась весьма противная чуда явно не от мира сего. Выслушав описания, Асгерд пришла к выводу, что баронской челяди пришлось столкнуться или с грим-локом, или с бурманом — редкими, но довольно



опасными чудовищами, распространенными во времена Кхарии. Барон Рик сулил две тысячи в золоте за избавление от напасти, но охотиться на этих существ вдвоем с Эйнармом было невозможно — приходилось дожидаться отца-командира и Конана, развлекавшихся в мире за Вратами.

Ближе к вечеру прибыл господин прецептор, жаждавший узнать новости от старого дружка-тана. Месьора Лентула сразу познакомили с Рэльгонном, и к чести старика, прецептор отнесся к каттакану вначале со сдержанным недоумением, а затем и с симпатией. Говорили долго — о заброшенных городах Первородных, о нечисти, зло которой никак не действует на людей, о возможности массового заселения Ауруса человеком... Конан с Гваем, знакомые с секретами соседней Сферы только давали пояснения, упырь философствовал на излюбленную тематику — человек, мол, приспособится к жизни где угодно, а если учитывать прямо-таки кроличью страсть людей к размножению, то через тысячу-полторы лет на Аурусе образуется несколько враждующих между собой государств и история покатится по наезженной колее — истребительные войны, яд в королевском бокале, интриги, бунты недовольных... А на главных площадях столиц будут стоять изваяния тана Арнульфа в виде прекрасного юноши с просветленным лицом и пальмовой веточкой мира в руке. Возможно, его даже обожествят.

— Ты неисправим, Рэльгонн, — вздохнул Гвайнард. — Допусти на один момент, что у Ар-



нульфа и его последователей получится создать на Аурусе золотой век? Сферу, где никто не будет испытывать недостатка ни в чем?

— Первородные тоже ни в чем себе не отказывали, и где они теперь? — парировал Рэльгонн. — Помолчите-ка! Что там за вопли внизу? Будто режут кого-то? Спустимся, посмотрим, вдруг кому помощь нужна?

Голосили в конюшне, и действительно, создавалось впечатление, что живого человека опускают в чан с кипящей смолой. Вся компания, включая прецептора Лентула и его дюжих ликторов ворвалась в стойло.

Орал конюх, и было отчего.

Гнедой, зубастый сартак, коротал время тем, что выпотрошил привязанного рядом ослика и теперь справлял кровавую каннибальскую тризну на его останках.

Зрелище обычной лошади, пожирающей теплое дымящееся мясо несчастного осла, могло привести в ужас кого угодно. Конюха удалось утихомирить только с помощью магии Рэльгонна...

— Ну, конечно, я забыл покормить его вечером, — виновато сказал киммериец. — И что теперь делать с этим вурдалаком?

— Пускай доедает, не отбирать же? — сквозь зубы процедил Гвай. — А утром тебе придется расплачиваться с хозяином, и объяснять, почему обыкновенная лошадь вдруг решила поужинать своим дальним родичем. Идем отсюда, я не хочу на это смотреть! Конан, завтра вытребуя для



Гнедого отдельное стойло, иначе через несколько дней в Чарнине не только ослов, но и людей не останется! Откуда мы знаем, вдруг проголодавшийся сартак не откажется закусить и случайно подвернувшимся двуногим?..





ЧАСТЬ 2

Глава первая,

в которой Конан вместе с brave соратниками вдумчиво разговаривает с Великим герцогом Райдорским



но двигалось медленно, осторожно, изредка делая короткие неуклюжие прыжки от дерева к дереву. Возле приглянувшихся стволов оно ненадолго задерживалось, зачем-то касаясь сосновой коры бочкообразным животом и шевеля пальцами несоразмерно длинных рук.

Поскольку странное создание разгуливало по круглой лесной поляне, ярко освещенной синевато-белыми лучами полной луны, рассмотреть его не представляло никакого труда. Маленькая ушастая голова со сморщенной, будто печеное яблоко, рожей и узенькими зеленоватыми глазами. Ростом оно не превышало человека, очень сутулилось, толстые коротенькие ноги не были



приспособлены к быстрому бегу, а потому существо стариковски переваливалось, изредка помогая себе достигавшими колен ручищами. Шей вообще не наблюдалось — голова словно бы росла прямоком из узкой ребристой груди. Зато живот мог бы составить честь самому отпетому обжоре. Можно было подумать, что тварь проглотила гигантскую тыкву — брюхо волочилось по земле, колыхалось будто тесто и было испещрено десятками маленьких черных точек, из которых выделялись полупрозрачные слизистые волоски.

Вслед за удивительным созданием поспешали несколько шевелящихся круглых теней — пауки. Знающий человек сразу определил бы, что эти волосатые неприятные твари вовсе не относятся к привычным лесным паучкам, вьющим сети на травинках или сухих веточках. Знахари и шаманы из деревень полуночной Бритунии немедля сказали бы, что свиту длиннорукого существа составляют Бродячие пауки — покрытые жестким черным волосом неприятные твари, туловище которых достигает размера гусиного яйца, а лапы могут накрыть большую деревянную тарелку. Чем пузатое существо смогло заинтересовать десяток пауков-бродяг пока было неясно.

А неуклюжий толстяк продолжал свою бессмысленную работу — тщательно обходил деревья, окружавшие поляну, изредка чмокал толстыми губами, однажды схватил ветку и отогнал особенно настырных пауков, подобравшимся совсем близко к широким беспальным ступням.



На первый взгляд брюхатое чудо не делало ничего предосудительного — мало ли кому взбредет в голову ходить ночью по лесу? Однако, присутствие залегшего в тщательно подготовленной засаде отряда Ночной Стражи ясно говорило: длиннорукий и неуклюжий любитель поздних прогулок относится к малопривлекательному сообществу чудовищ, подлежащих обязательному уничтожению.

Три раза ухнул филин — сигнал к атаке. Подтверждение пришло незамедлительно: в дальних кустах недовольно зафыркал барсук. Длиннорукий на миг насторожился, шумно принялся, повертел головой, но успокоился и вновь принялся тереться животом о древесный ствол. Спустя мгновение он тонко взвизгнул — посеребренное оконечье короткого копья-дротика вошло точно в загибок, накрепко застряв в плоти.

— На поляну — ни ногой! — гроыхнул в полуночном лесу хрипловатый человеческий голос. — Добивайте из арбалетов! Конан, ты чего зеваешь? Горшок с зингарским огнем! Поджигай!

— Ты бы поосторожнее, подлесок займется!

— Шли дожди, лес сырой. Смесь выгорит и все! Кидай!

Над полянкой взвился разметывающий оранжевые искры предмет, оказавшийся глиняным кувшинчиком с привязанным к нему пылающим обрезком ткани. Горшочек упал рядом с верещащим от боли толстобрюхим существом, раскололся, забрызгав его тягучими струями жидкого



яростного пламени. Вопли переросли в дикий обреченный вой, наконец существо затихло и тяжело повалилось на бок, прямо в лужу трескучего огня. Вскоре от длиннорукого остался лишь черный дымящийся скелет.

— На поляну не выходить! — снова последовало грозное предупреждение. Судя по голосу, говорил молодой мужчина, привыкший четко распоряжаться в трудных ситуациях. — Эйнар, ты где? Дай сюда свой фонарик.

Эйнар, парнишка лет семнадцати обликом, с головой нырнул в валявшийся рядом дорожный мешок, покопался, извлек квадратный серебряный фонарик, проверил, хватает ли масла и верно ли установлены отражающие свет зеркальца, после чего запалил фитиль.

— Готово, Гвай, забирай!

Гвай, который, судя по всему, и командовал ночной охотой, взял лампадку, левой рукой пошарил в кошеле на поясе, нашел синий ограненный сапфир и вставил его в отверстие, через которое из фонаря истекал свет. Немедленно появился веер тонких голубоватых лучей — направив их на лицо человека, покажется, что перед тобой оживший мертвец, ненароком вылезший из склепа подышать свежим воздухом.

Окликнув сотоварищей, Гвай медленно прошел в сторону прогалины, оценил догорающий остов длиннорукого, сказал: «Смотрите» и направил свет фонарика на близлежащие деревья. В синих лучах фонаря явственно обозначились тонкие, с волосок, паутинки протянутые от ство-



ла к стволу. Толстяк словно опутал поляну сетью, которую невооруженным взглядом заметить было невозможно.

Если бы существо довело работу до конца, поляна превратилась бы в отдаленное подобие огромного кокона.

Сейчас тончайшие нити лопались под действием жара, испускаемого жуткой горючей смесью, известной на материке Заката как «Зингарский огонь», скручивались и превращались в уносимый ночным ветерком пепел. Черные пауки-бродяги частью сторели, частью разбежались.

— Старый приятель, давненько не встречал, — Гвай, выждав пока смесь прогорит, подошел к обгоревшему трупу существа и присел на корточки рядом. — Теперь, благодаря огню, это почти незаметно, но на брюхе у него было около сотни паутинных желез, как у пауков. Только обычная паутина липкая, а эта еще и ядовитая. Такой кокон сложно заметить даже днем, а ночью он виден только в свете фонаря с сапфиром. Поздравляю, други, три сотни ауреев мы честно заработали, даже пальцем не шевельнув. Конан, отрежь ему голову да кинь в кожаный мешок — герцог потребует доказательств. Астерд, займись лошадьми!

— К Гнедому варвара я и на лучный перестрел не подойду, — решительно отозвалась высокая поджарая девица в мужском охотничьем костюме и сразу двумя клинками за спиной. — Руку по плечо ожошет, и не подавится!



— Странная тварь, — Конан, морщась от вони, наклонился над любителем устраивать в лесу паутинные коконы. — Кто это такой?

— Этеркап, — отозвался Гвай. — Для знающего человека особой опасности не представляет, но кметы из деревень страдают... Эта мерзость сохранилась, наверное, с довалузийских времен. Выбирает себе удобное местечко, строит дом, а в округе пятисот шагов разбрасывает паутинные сети. Когда жертва прилипает к ловушке, начинает действовать яд. Этеркап сразу прибегает, хватает обездвиженную добычу и тащит в логово, где поддерживает ее жизнь как можно дольше.

— Разве он не ест пойманных животных?

— Иногда и ест. Но человек или дикий зверь, попавшие в сети этеркапа, прежде всего обязаны выносить его потомство. Он заражает тело жертвы своими личинками, они кушают еще живое мясо, и вот наконец, на свет появляется выводок очаровательных маленьких этеркапчиков, готовых продолжить дело родителя. Случалось, такая тварь, пока ее не обнаружат и не уничтожат, похищала до полутора десятков людей в год. Наше счастье, что на полуночи Материка этеркапов совсем мало и живут они в самой глуши, опасаясь человека. Вразумите меня боги, что этому уроду понадобилось во владениях герцога Райдора? Случайно забрел? Может быть, может быть...

Гвай последний раз посмотрел на сожженное чудовище, вздохнул и обвел взглядом верных спутников и соратников.



— Собрались? Тогда поехали домой. Дело сделано.

* * *

Гильдия Ночной Стражи действует во всех странах Закатного материка, от Аквилонии до Турана. Именуют этих людей по-разному: Охотниками, Призраками, Дербниками (название пошло от шустрого маленького ястребка), и даже отъявленными шарлатанами, выманивающими денежки у доверчивых обывателей. Чудовищ-то ведь не бывает!

Последнее утверждение сразу меняется на прямо противоположное, когда поносящий охотников скептик сталкивается нос к носу с невиданной тварью, о которых можно узнать только из самых древних и жутких сказок. В этом случае поднимаются крики сотрясающие небеса и твердь: подавайте сюда ваших охотников, пусть сам разбираются с иномировой чудой, неожиданно— негаданно выползшей из Черной Бездны и поселившейся в моем сарае! Мы заплатим сколько запросят, только избавьте нас от рыкающего клыкастого монстра, покусившегося на благочинное течение нашей жизни!

И что же? Приходят охотники и без лишних слов делают свое дело, причем далеко не всегда легкое, чистое и безопасное. Потом они забирают твердо установленное вознаграждение и вновь, до времени, исчезают, давая кабацким говорунам повод почесать языками о никчемности



гильдии, выбравшей своим ремеслом охоту на несуществующих демонов. Жулики, да и только!

Прошло больше полутора лунных месяцев с тех пор, как Конан Канах, родом происходящий из Киммерии, совершенно случайно затесался в ватагу охотников на монстров и за этот краткий срок успел претерпеть столько необычных приключений, что просто диву давался, как ему удалось сохранить привычное здравомыслие.

Может быть, повлияли годы прежних странствий, когда варвар успел навидаться множество всяко-разных неприятных вещей, а может, его заинтересовала необычность ремесла — Конан любил учиться новому и отлично знал, что обретенные знания и опыт всегда пригодятся. Никто не может предсказать, какая неприятность будет подстерегать тебя за очередным жизненным поворотом. И будет лучше, если ты встретишь ее во всеоружии. Тем более, что мир куда более сложен, чем может показаться на первый взгляд и никто в точности не знает, в какой миг беда внезапно обрушится на твою голову.

Достоверных сведений о возникновении гильдии Ночной Стражи не сохранилось, но некоторые знатоки утверждают, будто первые отряды профессиональных охотников на монстров возникли сразу после крушения Кхарийской империи и возникновения королевств Заката. Гибнущие кхарийцы не выбирали средств для защиты от волн хайборийского завоевания, а поскольку подданные Ахерона и Пифона Стобашенного владели магией куда совершеннее хайборийцев,



в дело шли самые невероятные заклинания — создавались чудовища, обычных животных подвергали колдовским изменениям, вызывались демоны, вселявшиеся в людей и не-людей; словом, кхарийцы за несколько десятилетий упорной войны ухитрились наплодить такое невероятное количество разнообразных скверных тварей, что расхлебывать последствия их магических опытов над живыми существами приходится уже тысячу триста лет, миновавших со дня падения Империи.

Вполне естественно, что выжившие после Великой Войны твари продолжали плодиться, скрещиваться между собой, а к созданному кхарийцами бестиарию можно смело добавить совсем уж древних существ валузийской эпохи и времен давно позабытого Роты-Всадника, Божества Полуночи, тоже известного своим болезненным пристрастием к созданию новых (и всегда очень гнусных) форм жизни. Не окажись у человека воли к сопротивлению, выразившейся в создании многочисленных отрядов Охотников, по прямым указам первых хайборийских королей под корень изводивших невероятно размножившихся чудовищ и повывлезавшую из всех щелей нечистую силу, очень скоро на Закатном материке людей не осталось бы вообще — их попросту вытеснили бы орды непривлекательных и вечно голодных монстров.

Время однако, шло, на помощь изначальным отрядам Ночной Стражи приходили маги Светлых Гильдий, оказывавших посильную помощь в



уничтожении созданного кхарийцами зверинца. Земли Полудня, Аквилония и Немедия были почти полностью освобождены от неприятных соседей, пускай в отдаленных уголках, наподобие Эйглофийских гор, Пуши Пиктов или склонов Немедийского кряжа еще можно было повстречать редких чудовищ, давно уяснивших, что близость к человеку не принесет им ровным счетом ничего хорошего. В захолустных провинциях дела обстояли сложнее — малонаселенные Бритуния, Пограничье, некоторые области Коринфии, Кофийские горы являлись прямо-таки заповедными местами для переживших тысячелетие новой цивилизации монстров.

Поскольку с годами искусство Ночной Стражи начало подзабываться (чудищ стало несравнимо меньше, да и вели они себя не столь нагло, как в первые годы после крушения Пифона), Гильдия начала переживать не самые лучшие времена. В отряды охотников вступали только ради баснословных заработков или ради поиска приключений — таковые новобранцы, обычно, погибали в первую очередь.

На землях от Немедийских гор до Кезанки сейчас трудилось всего двенадцать отрядов Ночной Стражи. Двенадцать отрядов, поделивших между собой участки на территориях пяти королевств и двух протекторатов Трона Дракона — Коринфии и Заморы. Немудрено, что услуги охотников ценились на вес бриллиантов, а иногда гонцы, высланные каким-нибудь графом, напуганным появившимся в окрестностях его зам-



ка гигантским глорхом, скакали за сотни лиг, только бы отыскать ватагу охотников, и, посулив огромную сумму в золоте, привести к своему господину. Иногда охотники опаздывали, и упомянутый глорх успевал опустошить несколько деревень и напоследок закусить самым неудачливым графом...

Отряд Гвайнарда из Гандерланда, в котором теперь ходил Конан, охранял полуночные области Бритунии на стыке Граскааля и Кезанкии, а так же часть земель на немедийских Соленых Озерах — иногда немедийская Ночная Стража не справлялась, и с помощью почтовых ястребов срочно требовала помощи — Владения Трона Дракона огромны, за всеми неприятностями не уследишь и повсюду не успеешь.

Получив подобную депешу, охотники (если не было своих заказов) собирались и выезжали тем же днем, разбираться с бедами любезных соседей. Стоит заметить, что у Гвайнарада и его доблестных соратников всегда находились при себе подорожные, какие выдаются только спешным межгосударственным гонцам, с подписями Великого герцога, прецептора дорожной стражи королевства и главы таможенной управы — вещи Ночной Стражи досмотру и обложению пошлиной не подлежали. Такая грозная бумага свидетельствовала только об одном — охотников уважает и королевская власть, готовая предоставить Ночной Страже все послабления, какие только возможны для подданных Бритунийского государства.



Отсюда выходило, что Гвай сотоварищи были в отличных отношениях со всевозможными прецепторами и главами городских магистратов, в лицо знали почти всю бритунийскую верхушку, кроме, единственно, напыщенных представителей монаршего двора, обосновавшегося в Пайрогии, а герцог Варт Райдор, повелевавший всеми ленами Полуночной Бритунии частенько приглашал ватагу Гвайнарда на праздники в свой замок. Достославный Варт, между прочим, был родным дядей короля Эльдарана, а это многое значило.

Пользуясь благосклонностью его светлости, Ночные Стражи обосновались в главном городе герцогства, который, понятно, назывался Райдором.

На недавнее вознаграждение, полученное от барона Альдара Рика, чье поместье донимал своими выходками незнамо откуда явившийся гримлок, прикупили приличный деревянный дом, где и устроили себе постоянное жилище. Впрочем, слово «постоянное» в данном случае звучит чистейшей насмешкой, ибо нынешним летом работы у ночной Стражи было хоть отбавляй и дома они появлялись от силы дня на три-четыре — отдохнуть, почистить перышки, и снова в дорогу. За хозяйством была приставлена следить пожилая чета, оказавшаяся родственниками прежнего члена отряда — погибшего в конце весны охотника именем Торгейр. Гвай посчитал, что пусть уж лучше старики живут под надежной крышей и присматривают за домом,



чем зарабатывают на жизнь продажей холста домашней выделки.

Все получилось как нельзя лучше. Даже Конану, не слишком привыкшему долго сидеть на одном месте, понравилось знать, что у него есть дом, в который всегда можно вернуться (поскольку двухэтажную бревенчатую хибару купили вскладчину, варвару по закону принадлежала четверть дома вместе с пристройками),

Кстати, о пристройках. Если все лошади отряда содержались в просторной, пахнущей свежим сосняком, конюшне, то для скакуна киммерийца был отведен отдельный сарай. Причина таких роскошеств скрывалась в том, что несколько седмиц назад варвар совершил одну из самых больших ошибок в своей жизни.

Во время одной, не самой удачной, охоты на лесного мантикора погибла лошадь Конана, буквально растерзанная взбешенным чудовищем. Разумеется, долго оставаться в пехоте киммериец никак не мог, и отправился на рынок города Чарнины, чтобы прикупить себе достойного скакуна. Таковой отыскался довольно быстро: гнедой длинноногий красавец, стать — залюбуешься, иной король позавидует, скачет быстрее ветра, умница... Словом, всем был хорош гнедой, кроме одного: лошадью он не был. То есть, вообще никак не относился к конской породе.

Гвайнард, узрев приобретение варвара, сначала опешил, потом пришел в легкий ужас, а когда Конан начал выяснять, в чем же дело, растолковал, что гнедой есть не что иное, как сар-



так — хищное животное, очень похожее на настоящего коня. Водятся такие сартаки на Аурусе — в соседнем мире, находящимся за природным порталом, расположенном в предгорьях Граскаала. Оказалось, что предприимчивые представители рода человеческого давным-давно разнюхали о том, что Врата Миров скрывают незаселенный человеком мир и мигом навели торговый путь за портал. Туда завозились товары для переселенцев, решивших оставить Хайборию, откуда везли редких животных и золото.

В целом, Конана не особо волновало, что у купленного под видом лошади сартака во рту имелся целый арсенал острейших клыков — зверь быстро привык к новому хозяину и честно выполнял все обязанности ездового животного. Но после крайне неприятного события в чаринской таверне «Золотое Солнце», когда голодный сартак (варвар позабыл покормить его вечером...) выпотрошил прямо в стойле любимого ослика хозяина постоялого двора, пришлось подумать о том, что зверя лучше бы содержать отдельно от других животных. Следует заметить, что чудовище в лошадином облике, сожрало несчастную скотинку на глазах остолбеневших постояльцев, сбегавшихся на вопли конюхов.

Скандал едва удалось замять с помощью непременных золотых кругляшков и большого количества дорогого красного вина.

Последняя седмица, в понимании вечно занятых трудами Ночных Стражей, была просто образцом спокойствия и благочинности. Единст-



венный раз в дом к охотниками наведалься приехавший из близлежащей деревушки торговец лесным медом и неясно пожаловался на какую-то странную чуду, которую якобы видели в лесу неподалеку от поселка. Описать существо неграмотный кмет не сумел, однако насторожил Гвайнарда сообщением, о ядовитой паутине, послужившей причиной смерти двух детей, отправившихся собирать дикую малину. Поскольку тела нашли быстро, удалось рассмотреть, что паутина исключительно тонка, почти незаметна глазу и вызывает сильные ожоги на коже.

К вечеру того же дня ватага охотников прибыла на место, осмотрелась, устроила засаду возле деревьев, на которых виднелось самое большое количество опасной паутины, а к середине ночи без особого труда уничтожила довольно крупного этеркапа — выведенного кхарийцами монстра, являющего собой крайне неприятную помесь лесного гоблина и паука, с повадками осы-одиночки, стаскивающей жертвы в гнездо и выращивающей с помощью обездвиженной добычи потомство. Вроде бы ничего необычного не случилось — чудовище мертво, деревенские кметы могут спокойно ходить в лес, однако...

Однако, за последние десятилетия никто не встречал довольно-таки боязливых этеркапов так близко от человеческого жилья. Крайне осторожным чудовищам кхарийской эпохи всеми законами природы и здравого смысла заповедано держаться от двуногих как можно дальше — в нынешние времена всерьез соперничать с чело-



веком за обладание землями Полуночи не-люди не могут, это так же ясно, как и то, что солнце поднимается на восходе, а не на полуночи.

Конан в шутку предположил, что это, наверное, был сумасшедший этеркап, но слова варвара всерьез приняты не были. А тут еще и срочное приглашение от герцога Райдора явиться в замок, дожидавшееся охотников дома...

В принципе, изукрашенный фамильными гербами и гордыми девизами свиток самого дорогого пергамента ничего важного не провозглашал — светлейший только лишь настоятельно просил уважаемого месьора Гвайнарда и его достойных друзей заглянуть к нему в гости к седьмому полуденному колоколу и отужинать в узком кругу. Последний раз подобный «ужин» закончился экспедицией во владения эрла Ронина, где завелся кровавый упырь-брукса, пережравший едва не половину подданных молодого эрла. Не верилось, что Великий герцог Райдорский приглашает Ночную Стражу для разговоров о погодах и видах на урожай.

Надо — значит надо. Собирайтесь, господа! Конан, побрейся, а то видок — будто у пьяного лешака!

* * *

Нечасто встретишь в герцогских покоях столь странную компанию. Гвай утверждал, что всегда лучше оставаться тем, кто ты есть, а не пытаться выставить себя с лучшей стороны.



Посему, месьюры Ночные Стражи оделись так, как привыкли. Разве что обычные серые рубахи «на каждый день» сменили на праздничные, беленого льна, с затейливой тесьмой по вороту и рукавам.

Гвай предпочитал одеваться в нордхеймском стиле — широкие штаны с красными и белыми вертикальными полосами, короткие мягкие сапоги, белая нижняя рубаха и темно-малиновая верхняя. На шее — красивая мужская гривна-полукольцо, короткий суконный плащ закреплен на плече крупной серебряной фибулой. Голову покрывает круглая шапка с опушкой из драгоценного черного песка. Нордхеймский меч на левом боку, само собой. Такого крепко сбитого широкоплечего молодца можно запросто встретить и на палубе нордхеймской ладьи-дракона, и в числе телохранителей вождей Асгардской земли, а то и в отрядах «иноземного строя» при дворах монархов Заката. И просто, и красиво, и внушительно.

Конан и Эйнар от предводителя не отставали — разница только в цветах одежды и украшениях: на пальце Конана светился синей искрой прекрасный перстень с сапфиром-инклюзом — подарок тана Арнульфа, заправляющего делами в мире Ауруса, за порталом. Эйнар, как существо к роду человеческому не относящееся и практически бессмертное, к побрякушкам относился с презрением, пускай и носил в левом ухе скромное серебряное колечко в виде переплетшихся тонких веточек можжевельника.



Впрочем, возвышавшийся над остальными Конан производил впечатление сам по себе — роста он был не маленького, да и вообще, происходил из немногочисленной породы людей которые всегда производят впечатление «больших». Крупный мужчина средних лет с уверенной и ничуть не тяжеловесной плавностью в движениях.

Астерд, как и всякая молодая женщина из Нордхейма, предпочитала одеваться и красиво, и практично — платье она одевала только дома, а ходить по гостям и работать гораздо проще в скромном охотничьем костюме дворянского покроя. Удобный темно-зеленый колет, высокие сапоги из тонкой кожи. Как дань своему полу — серебряные браслеты на запястьях, одновременно игравшие роль оберегов от нечистой силы. Тугие соломенные косы хитроумно уложены на затылке и закреплены метательными иглами — смертельно опасная игрушка в умелых руках. Одно движение, игла у тебя в пальцах, а спустя миг она уже летит в глаз недоброжелателю — не увернешься!

И вот, сия четверка не то наемников, не то просто путешественников из Асгарда или Ванахейма, решивших осмотреть сомнительный достопримечательности захолустной Полуночной Бритунии, минует порог «зала для малых приемов» обиталища его светлости, принца крови, Великого герцога Варта Райдорского. Пышно, ничего не скажешь. Но все-таки месьюр Варт — родственник короля, ему обязательно положено иметь резную мебель с шелковыми подушками,



коллекцию драгоценного оружия на ковре, парчовые драпировки и золотую посуду. Для пущего величия, у подножия герцогского кресла устроилась потрясающе красивая черная пума — громадная кошка с глазами-изумрудами вылизывала розовым языком лоснящуюся шерсть на плече, даже не посмотрев в сторону хозяйских гостей.

— Его светлость сейчас выйдет, — пророкотал дворецкий и, пятясь, вернулся в коридор замка, притворив за собой обе дверные створки.

— Есть соображения, зачем понадобился этот неожиданный визит? — подал голос Конан, не без восторга рассматривая собрание клинков и кинжалов. Чтобы разглядеть поближе особо заинтересовавший его туранский меч, киммериец положил на стол непритязательный мешок, который притащил с собой, и, сощурившись, уперся взглядом в лезвие, которое на его просвещенный взгляд было отковано из пяти слоев металла.

— Императорские кузни Аграпура, — послышался низкий, тягучий голос. Герцог вошел незаметно, через боковую дверь. — Это называется «Ятаган Эрлика». Таких клинков отковано всего десять или двенадцать, для подарков коронованным особам... Доброго вечера вам, месьоры и прекрасная дама. Рад видеть вас в своем доме.

Варт Райдор мало походил на особу королевской крови — здоровенный, пузатый, с клочковатой бородищей, когда-то рыжей, а теперь обильно прореженной сединой. Одет в простой камзол



черного бархата и только на груди сияет знак титула — золотая цепь с эмалевым гербом под короной. Скромный кинжал на поясе — не оружие, так, церемониальная зубочистка.

Повинуясь жесту светлейшего, расселись. Конан только зубами скрипнул, увидев, что злополучный мешок лежит прямо напротив кресла месьора Варта. Герцог, разумеется, заинтересовался.

— Хотите похвастаться очередной добычей? — Варт усмехнулся в бороду, и прежде чем Гвай успел остановить руку его светлости, рванул за завязки и выкатил содержимое мешка на стол. По малой зале для аудиенций начала распространяться недвусмысленная вонь. Аромат от полуобгоревшей головы этеркапа даже пантеру заставил недовольно зафыркать.

— Гхм... — Герцог Райдор поднял на Гвайнарда непонимающий взгляд. — Это что? Дополнение к ожидающему нас ужину? Какой соус заказать у стряпух?

Конан не выдержал и прыснул, Астерд тоже не сдержала улыбки. Предмет, испоганивший собой отполированную изразцовую древесину стола выглядел бы аппетитно только в глазах оплоумевшего от бескормицы вурдалака. Возьмем слегка вытянутый человеческий череп, удалим верхнюю и нижнюю челюсти, вместо них поставим изогнутые, как серпы жвалы, длиной с ладонь, оные жвалы украсим сотнями зазубринок-зубчиков, а со стороны подбородка поместим нечто вроде тройных щипцов, вероятно ис-



полняющих роль дополнительных челюстей. Ну и, конечно, обгорелая кожа, лопнувшие от огня глаза... Зрелище тошнотворное, и сказано это довольно мягко.

— Этеркап, — кашлянув, сказал Гвай, эпическим жестом указав на смердящий какой-то невыразимой гадостью череп. — Очень опасная тварь... ваша светлость. Убит минувшей ночью в окрестных лесах.

Герцог гранитно молчал, созерцая на своем столе округлое непотребство. Протянул руку к колокольчику, позвонил. Конан напрягся — сейчас месьоров Охотников пинками выставят вон из замка, и будут правы. Не каждый же человек захочет видеть в своем доме обугленную голову очень несимпатичного монстра.

На звон явился дворецкий.

— Гедрих, будь добр, возьми эту... вещь, и отнеси придворному алхимику, вдруг заинтересуется? — сказал Райдор, кивнув на череп этеркапа.

Дворецкий слегка побледнел, однако не растерялся. Взял каминные щипцы, зажал ими вонючую мерзость и с тем отбыл. В спину дворцового полетели спокойные слова вельможного Варта Райдора:

— Ужин прикажи накрыть не здесь, а в синей гостиной. И скажи слугам, чтобы эту комнату прибрали и окурили благовониями.

— Я... Мы... — Гвай снова прокашлялся. — Мне очень неприятно, что так получилось, ваша светлость.



— Пустое! — Райдор наконец-то улыбнулся. — Хотя, признаться, при виде этого сюрприза меня едва не вывернуло. Идем в синюю гостиную! Можно считать, разговор мы уже начали с явления вашего очаровательного подарка. Боги, какое счастье, что моя супруга и дочь этого не видели! Тут одной тошнотой не обошлось бы, а запас нюхательных солей хранится в другом крыле замка! И наш лекарь сегодня, как кажется, опять пьянее любого конюха...

* * *

Отужинали плотно, с роскошествами. Месьор Варт всегда был хлебосол. Тут тебе и кавиар с Закатного побережья, и перепела в сметане, и любимая Конаном медвежатина — в бритунийском захолустье мясо медведя не считалось чем-то особенным. Выбор вин — королевский, вплоть до изысканного «Либнума» и драгоценной «Золотой Лозы». Ну, и пиво, конечно — куда ж без него? Поскольку на трепезе присутствовали супруга и входящая в самый цвет дочь герцога (непринужденно стрелявшая глазками то на Гвая, то на Конана), разговоров о ночных страшилах не велось — беседовали чинно.

Слышали, младший сын короля Нимеда назначен великим протектором и наместником области Соленых Озер? Три герцогства, восемь графств, а баронств вообще бесчисленно! А из Аг-рапура доносят, что Император Илдиз устраивает великолепные торжества по случаю сорокале-



тия восшествия на престол! Приглашен весь цвет дворянства Заката, но мы поехать не сможем — праздник состоится зимой, в это время из Райдора не выедешь, да и дорога займет шесть седмиц! А на дорогах так опасно, сплошные разбойники! Интересно, как вы можете путешествовать всего вчетвером, не опасаясь злых людей?

Разговор поддерживал Гвай — как-никак, он претендовал на зашудалое дворянское происхождение, будучи ненаследным сыном гандерландского барона, да и образование в молодости получил относительно приличное. Впрочем, «молодость» Гвайнарда еще не избыл, всего-то двадцать восемь лет. Во всей компании (не считая Эйнар-броллайхэн, по всем меркам, что человеческим, что не-людским, владевшего телесным бессмертием), так вот, во всей компании самым старшим был Конан — целых тридцать шесть лет! Однако, как отмечали девицы из единственного в Райдоре дома свиданий, куда варвар частенько навещался «отдохнуть», сохранился он весьма неплохо, а в иных делах даст фору двадцатилетнему.

Свершилось: герцогиня Адельфрида чинно промкнула губки шелковым платочком, подавая пример дочери, и сообщила, что время позднее. Посему, благовоспитанные дамы (явно камень в сторону Асгерда!) отправятся на молитву в митрианскую часовню, затем посвятят время чтению или рукоделью, а уж после отойдут на покой, ибо ночь предназначена для праведного сна



и ни для чего другого (уже не камень, а целый валун в огород всех охотников, ибо их Стража вовсе не зря именуется «Ночной»).

— Не обижайтесь на них, — улыбнувшись, сказал герцог, когда дамы, поддерживая полы тяжелых платьев, отбыли. — Другое воспитание, другое воззрение на мир. Они не подозревают, что однажды вы можете понадобится ради того, чтобы спасти их нежные шейки от вампирских клыков, а потому относятся к охотникам с вежливым высокомерием повелителей мира. Хотел бы я послушать вопли моей супруги, окажись на ее столике с драгоценностями ваше сегодняшнее подношение... Не обращайтесь внимания.

— Мы привыкли, — усмехнулся Гвай. — Да мы, в отличие от мужчин, всегда более легкомысленно относятся к правде жизни. Итак, светлейший, чем обязаны твоим вниманием?

— Нехорошие и очень смутные новости с Полуночи... — скривился герцог. — Меня беспокоит именно «смутность», сиречь неопределенность, слухов. Кстати, помните молодого эрла Ронина, которого вы давеча избавили от бруксы? Он мертв. Пал жертвой семейного проклятия через девять дней после вашего отъезда. Триголов все-таки настиг его... Неужели этой семье никак не избавиться от проклятой псины?

Киммериец почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он сам, своими глазами, видел гигантского трехглавого пса с Ронинских трясин и впредь не желал даже вспоминать о чудовищном демоне, весь смысл существования которого



заклучался в истреблении членов семьи эрлов Ронинов из-за проклятия, наложенного на отдаленного предка эрла Алаша, который, как выяснилось, теперь погиб. Выходит, зря старались уберечь его от напасти...

Безмолвная прислуга очистила стол и Варт Райдор самолично расстелил на досках огромную карту Полуночной Бритунии, придавив углы склеенных в единое целое пергаментных листов тяжелыми бронзовыми подсвечниками.

Ничего особо интересного на карте не наблюдалось, однако стоило признать, что выполнен план с изрядным прилежанием. Отмечены дворянские замки, хутора, колодцы, проселочные дороги и множество прочих мелочей.

Весь верхний правый угол карты занимало подробнейшее изображение стыка двух горных хребтов — Граскааля и Кезанкии. Перевалы, тропы, пещеры, речки и ручьи, заброшенные дома охотников... Составитель карты немало постарался, столь подробный труд был достоин всяческого уважения даже со стороны королевских хранителей путевых планов Немедии или Аквилонии.

— Это совсем новая карта, — сказал герцог, кивком указывая на пергамент. — Создана по моему приказу полтора года назад как образец, с которого копируются все прочие планы. Насколько я знаю, более тщательных изображений Великого герцогства Райдор и полуночных земель нашего королевства нет и в Пайрогии, в военной управе короля Эльдарана.



— При чем здесь военная управа? — удивился Гвай. — Ждем войны? На мой взгляд, любое нападение на нас невозможно — от Гипербореи и Турана мы надежно отделены горами, у немедийцев более чем хватает трудностей с управлением Заморийским и Коринфским протекторатами, следовательно, у Трона Дракона нет ни возможностей, ни желания расширять империю за счет Бритунии. О Пограничье можно вспомнить лишь с улыбкой: совершить один-два разбойничьих набега со стороны Вольных Баронств они могут, но вести долгую войну против нашей страны?.. Было бы разумнее ожидать нападения со стороны Пунта или Зембабве!

— Соображаешь, — понимающе кивнул герцог Варт. — Сам служил?

— Давно... Два года учился в Бельверусе, в королевской военной академии, потом Аквилонская Латерана, особая гвардейская сотня «Беркут».

— Ничего себе! — пораженно присвистнул Райдор. — Боевой отряд аквилонской тайной службы? Переворот в Аргосе шестилетней давности — ваших рук дело?

— Я покинул гвардию раньше, — Гвай улыбнулся, поняв, что имел в виду герцог. Несколько лет назад один из Аргосских королей не то спяну, не то по наущению жены-кофийки, решил перекрыть аквилонским судам путь по Хороту. Тогдашний повелитель Трона Льва, король Вилер, действовал молниеносно: на Мессантию неожиданно-негаданно свалился тот самый отряд, ко-



торый некогда пришлось покинуть Гваю, и не взирая на довольно большую аргосскую армию, гвардию короля и ликторов королевы, быстро навел порядок. То есть, престол Аргоса занял симпатизирующий Аквилонии дворянин Мило из герцогской семьи Краспианов. К слову, потери составили всего одиннадцать человек.

— Вернемся к делу, — нахмурился светлейший. — Вы, месьюры, абсолютно правы, войны не предвидится, Бритуния никогда не была лакомым кусочком для великих держав Заката. Дело тут в другом...

Варт Райдор вынул из медного тубуса новый план и положил рядом. На пожелтевшем старом пергаменте более крупно изображалась самая полуночная область герцогства, а именно горная его часть — хребты тупым острием вонзались в пустоши Гипербореи.

— Этой карте пятьсот тридцать лет, посмотрите на дату и подпись составителя, — говоря это, герцог выложил на стол третий план, теперь уже папирусный. — А вот здесь, дата совсем ранняя — видите, время считают не от основания Аквилонии, а от откровения святого Эпимитриуса. Девятьсот лет назад! И для эффектного завершения нашего исследования в искусстве картографии, взгляните на это...

На самом краю стола уместилась еще одна карта, испещренная буквами Кхарийского алфавита. Неимоверная древность!

— Купил в библиотеке Ианты Офирской, — пояснил герцог. — Выложил больше тысячи



шеллинов... Итак, все четыре плана показывают земли, которыми теперь владеет моя семья. Разница в составлении — приблизительно в пятьсот-шестьсот лет, на последней еще заметна печать переписчиков из хранилищ свитков Ахерона. Вы, господа, люди наблюдательные, извольте сравнить изображения!

— Сравнить? — Гвай и остальные склонились над картами. — Вроде бы ничего особенного, только стилистика рисования разная, алфавиты... Вот Лазурный хребет, Четырехдолье, истоки рек на кхарийской карте показаны неправильно — сдвинуты к закату. На самых древних картах еще отмечены входы в королевство гномов Кезанкии, сейчас разрушенные или заваленные самими гномами — их царство пришло в полный упадок, под горами живут лишь несколько семей карликов, торгующих с заморийцами... Стоп! На современной карте и плане времен Эпимитриуса вот здесь отмечена горная гряда, на двух других — крупная долина. Видимо, ошибка.

— Никаких ошибок, — вздохнул герцог. — Оставим пока карты, поговорим о другом. Насколько я знаю, все вы не бритунийцы?

— Разве в этом есть что-нибудь плохое? — спросил Конан. — Я рожден в Киммерии, Асгерд — в Нордхейме, Гвай появился на свет в Гандерланде Аквилонском. Только Эйнар может претендовать на коренную бритунийскую кровь — живет здесь, сколько себя помнит.

Последнее утверждение было вполне правдоподобным, ибо Эйнар и на самом деле предпочи-



таал никогда не покидать страну лесов, озер и болот, в просторечии именуемую Бритунией. Одна беда: жил он в Бритунии уже несколько столетий, если не тысячелетий, так как являлся воплощенным в тело человека Духом Природы, броллайхэн. Только благодаря его непредставительному виду (кто будет принимать всерьез мальчишку семнадцати-восемнадцати лет?) на Эйнара редко обращали внимание, причем совершенно зря: влепит обидчику магическим огненным шаром — мало не покажется! Тайну происхождения Эйнара Ночные Стражи предпочитали держать при себе — пусть лучше все остальные полагают отрядного мага обычным человеком, принятым в ватагу охотников.

— Вы меня не поняли, — спокойно ответил герцог, на слегка раздраженные слова киммерийца. — Для меня нет разницы, кто ты — шемит, зингарец или кхитаец. Я подразумевал, что вы мало осведомлены о легендах нашей страны, которые каждый бритунийский ребенок впитывает с первым глотком материнского молока. Вы охотитесь на настоящих чудовищ, отменяя в сторону сказки, верно?

— Верно, светлейший, — кивнул Гвай. — Иногда сказки очень мешают работе. Полгода назад мы полторы седмицы проторчали в замке одного из твоих вассалов, который уверял, будто у него завелся вампир. Сей дворянин завалил нас жуткими легендами о своих семейных проклятиях, которых, если верить, у зрла было больше, чем волос на голове. Но потом оказалось, что этот



достойный муж просто был немного не в себе... Ему требовался лекарь, а не Ночные Стражи.

— Бритуния — очень древняя страна, — вдруг сказал Варт Райдор. — Наши города построены на фундаментах кхарийских крепостей, а кто жил здесь раньше, знают одни боги... Настолько же древни и легенды. Как, например, рассказ об Исчезающей Долине.

— Позволю себе перебить речи светлейшего, — сдвинул брови Гвай. — Значит, ты показал нам карты, чтобы подтвердить легенду? О долине, которая то есть, то нет? Прости, но у меня имеются основания не доверять сказкам. Ошибки составителей карт, недостоверные рассказы путешественников, откровенное вранье любителей потешить публику страшными историями! Законы нашего мира гласят, что гора не может исчезнуть просто так, заместиться долиной, на месте которой потом снова воздвигнется гора! Кроме того, в Кезанкийских горах нет вулканов, иногда способствующих подобным метаморфозам...

— Не горячись, — Варт сам принес золотой поднос с бокалами и кувшином вина, разлил перебродивший сок золотого винограда и проникновенно воззрился на охотников. — Лучше скажи, за последний год в землях герцогства Ночные Стражи не наблюдали ничего... необычного? Из ряда вон выходящего? Необычных чудовищ, которые прежде не встречались? Случаи редкого безумия у людей? Гвайнард, подумай хорошенько, это очень важно!



— Необычное, странное и удивительное? — начал рассуждать вслух Гвай. — Признаться, мы с этим сталкиваемся ежедневно. Впрочем, для нас болотный ящер или тот же этеркап не являются чем-то особенным, ремесло такое. Но если вдуматься... Я раньше не обращал на это никакого внимания, однако твой вопрос наводит на определенные мысли. Реликтовые, то есть очень древние и редкие чудовища стали чаще появляться возле человеческого жилья. Размножились некоторые виды опасных вампиров — лично я уже встречал ревалта, хотя этот кровосос прочно считался вымершим еще в прошлом столетии. Из деревень на Полуночи приходят недостоверные сообщения о горных троллях, которых люди не видели несколько веков...

— «Несколько» — это сколько? — напрягся герцог. — Двести лет, триста, семьсот, или больше?

— Около пятисот, — твердо ответил Гвай. — Добавим сюда лесных и скальных гоблинов, которых явно стало больше по сравнению с прошлыми годами. Весной неподалеку от поселка Аста был найден труп огра. В предгорьях участились землетрясения, и после каждого — всплеск жалоб от кметов на необычных, пусть и безопасных тварей, появляющихся в округе. К чему ты клонишь, светлейший?

Герцог Райдорский помолчал, отпил из бокала, встал, прошелся по гостиной вперед-назад. Вернулся к столу, опершись ладонями о столешницу.



— Приблизительно два раза в тысячу лет, в горах, отделяющих Райдор и соседние герцогства Бритунии от Гипербореи начинает происходить нечто странное. И, насколько я знаю из летописей, опасное. Появление забытых чудовищ — это лишь невзрачные мелочи. Полуночные горы внезапно становятся источником болезней, передающегося от человека к человеку безумия, хотя обычное сумасшествие незаразно... Там, на очень короткое время, появляется какая-то своя, особенная и напрочь чуждая нам жизнь. Простите за высокопарность, но там зарождается некий стусок зла. Зла с большой буквы.

— Прошу простить за вмешательство, — влез Эйнар, — но каждый понимает зло по разному. Я убил комара. Для комара и его сородичей — это зло. А для меня — избавление от жужжащего над ухом кровососа, который, вдобавок, может заразить меня лихорадкой. Что ты подразумеваешь говоря о том, что в горах «зарождается зло»?

— Всплеск чужой черной магии, — выпалил герцог. — Да настолько сильной, что часть природного рельефа разительно меняется, приходят монстры, которых никто не видывал со времен Пифона! Даже кхарийцы, если верить уцелевшим летописям, не знали, что это такое.

— И зачем же ты, о светлейший, нас позвал? — непонимающе осведомился Гвайнард. — Ночная Стража борется со злом в самых обычных его проявлениях. Мы уничтожаем чудовищ, досаждающих людям, по мере сил избавляем твои



земли от черной магии, но вступать в драку с... с неизвестно чем? Впрочем, это лишь эмоции. О чем конкретно ты нас просишь?

— Два дня назад мне сообщили, будто над скалой Клык Демона, главной вершиной Исчезающего кряжа, было замечено черное облако дыма. Изменения кряжа обычно начинаются именно с этого — по крайней мере, так указывает погодная хронология моего предка в одиннадцатом колене, герцога Регина, наблюдавшего это явление чуть больше пятисот лет назад. Вскоре начался мор. Не помогли никакие маги, заговоры или лекари, выписанные из Бельверуса. Через год все внезапно кончилось — снова черное облако, и снова вместо долины — горы. Волшебников на этот раз я нанимать не буду — не помогли тогда, не помогут и теперь. Заставлять вас вчетвером бороться с неизвестной напастью — глупо и бессмысленно. Я только хочу выяснить, чего следует ждать. И подготовиться, по мере сил. Всем известно, что Ночные Стражи куда сообразительнее и благоразумнее любых магов — вас любит народ и дворянство, вы умеете рисковать... Всю посильную помощь я вам предоставляю.

— То есть, ты предлагаешь нам съездить в горы и посмотреть, что там происходит? — уточнил Гвай.

— Точнее не выразишь.

— Хорошо, мы беремся за это дело, — ни у кого даже не возникло сомнений, что Гвайнарда герцогу Райдору не откажет. — Какая будет



нужна помощь? Асгерд и Эйнар этой ночью посидят в твоей библиотеке, светлейший. Предоставь им все летописи, своды, хроники, касающиеся упомянутых событий. Мы хотим знать все, что узнать возможно. Снаряжение у нас свое собственное, поэтому твой арсенал мы трогать не будем... Да, обязательно нужны несколько почтовых ястребов, чтобы отсылать донесения. Путь-то неблизкий!

— Все будет сделано незамедлительно, — кивнул герцог. — Может быть, посоветуете что-нибудь, используя собственный опыт?

Гвай призадумался, потом ответил:

— Если вслед за изменением кряжа начнутся болезни, следует запретить людям ездить на Полночь. Всех приезжающих оттуда — заворачивать обратно под каким-нибудь благовидным предлогом, устроить заставы в трех лигах от Райдора и больших поселков. Распространите слух, что гиперборейцы собираются напасть, в конце концов, простецы поверят в знакомую опасность! Словом, введите осадное положение. Не допустить сплетен и пакники, всех, кто будет мутить народ — вешать, как гиперборейских лазутчиков.

— Заметно военное образование, — невесело улыбнулся Варт Райдор. — Согласен, все выполняю.

— Светлейший, мы можем немедленно получить копии всех четырех карт? — четко спросил Конан. — Они могут серьезно пригодиться.

— Завтра же утром все предоставляю. Засажу переписчиков на ночь, к рассвету планы будут



готовы. И еще... Если поднятая мною паника окажется беспочвенной, получите обычное вознаграждение за труды. А коли опасения подтвердятся, каждый получит дворянство, титул и земли — лен в моем герцогстве обещаю твердо. А теперь — примите!

Варт Райдорский вынул из шкатулки четыре пергамента, скрепленных его личной печатью и знаком королевского наместника.

Конан развернул выданный ему свиток и только рот открыл. На тонкой, прекрасной выделки, телячьей коже значилось:

«Мы, Варт, Великий герцог Райдора и прилегающих земель, принц крови, наместник Его величества короля Эльдарана Бритунийского, сим подтверждаем, что податели сего являются моими доверенными лицами. Всем ленным вассалам Райдора, дворянам, кастелянам и управителям замков, приказывается почитать волю обладателя этого рескрипта, волей Великого герцога и наместника Полуночных областей Бритунии, оказывая любую посильную помощь.»

Собственной рукой подписал — Варт Райдорский.»

«Влипли! — сразу же подумал Конан. — Такие бумаги зря не даются!»



Глава вторая,

*в которой Конана задерживают за убийство,
после чего охотники собираются в дорогу*



Если внимательно изучить карту Полуночной Бритунии, то вы заметите, что Райдорское герцогство занимает широкую полосу возвышенностей и долин, протянутую вдоль закатных склонов Кезанкии и полуденных отрогов Граскаальского хребта вплоть до рубежей Пограничного королевства. Таким образом выходит, что владения светлейшего Варта расположены как бы углом, чье острие упирается в область под названием «Четырехдолье» на самом стыке двух огромных горных кражей.

Четыре плодородные широкие долины спускались точно с Полуночного восхода на Полуденный закат, а разделяющие их горы отмечались на планах как «Драконья лапа», ибо на рисунке этот ландшафт действительно очень напоминал положенную на землю лапу титанического ящера, чьи когти-скалы как раз и образо-



вывали. Четырехдолье. Двигаясь дальше вверх по одной из долин, путешественник наткнулся бы на Лазурный хребет, плавным полукругом уходящий с Полудня на Полночный закат и врезавшийся в черные Граскаальские горы.

Именно за Лазурным кряжем и находилась искомая «Исчезающая долина», со всех сторон окруженная непроходимыми горами — путь на Полдень и Восход был накрепко перекрыт безграничным нагромождением скал, заканчивавшихся где-то на побережье Полуночного океана, за Гипербореей.

Конан, восседавший за столом подперев подбородок кулаками, не вынес из представленных герцогом планов ничего поражающего воображение. Горы как горы, долины как долины, замысловатая сеть речушек, сбегających с ледников, несколько глубоких узких озер, образовавшихся в расселинах меж скал. Зато можно было видеть, как разительно изменялось с течением столетий искусство составления путевых планов. Если на древнейшей, кхарийской карте, горы изображались общими штрихами, а художник совершенно не заботился о точности местонахождения рек и напрочь забыл о бродах или отметках, сообщающих об опасности камнепадов или схода лавин, то последнее произведение ученых мужей Райдорского герцога изобиловало синими кружочками, которыми показывались колодцы; коричневыми штриховыми линиями — мосты через ущелья, и даже надписями наподобие «Будь осторожен, поблизости берлога серых медведей».



Что ж, серые медведи — это замечательно. По меньшей мере этот могучий хозяин гор насквозь понятен и предсказуем, в нем нет ничего таинственного или, упаси Митра, магического. Никто не спорит, в горах частенько встречаются существа гораздо опаснее серого медведя, однако человеку знающему и достаточно ловкому можно без лишних усилий завалить и тролля и огра, буде таковые случайно выскочат из-за поворота.

— Изучаешь? — Гвайнард подошел так тихо, что едва не заставил Конана вздрогнуть.

— Скуотища одна, — киммериец зевнул и снова уставился на карту. — Как поедem, я уже наметил. По тракту на Четырехдолье, там переночуем в замке местного барона, как его?.. А, верно, барона Дортонa, владеющего всеми четырьмя долинами, потом полезем наверх — через перевал Лазурного кряжа, смотреть на долину, которой якобы не существует. Как полагаешь, его светлость никогда не был склонен к розыгрышам?

— Пока не замечалось, — Гвай присел на лавку рядом. — Варт обычно был человеком серьезным. Помнишь наш вчерашний разговор? Так вот, я поутру прогулялся по городку и уже заметил бурную деятельность, которую развили по приказу светлейшего. На замке — боевой вымпел, возле городских ворот усилена стража, в тавернах некие неприметные господа — как я полагаю, мальчишки из тайной службы герцога — вовсю толкуют о возможном крупном набеге со стороны Гипербореи. Звучит, кстати, убедитель-



но — лето, перевалы открыты и почти не охраняемы, урожай собран добротный, а значит найдется что пограбить. Армию подтягивать с Полуденного восхода долго... На площади перед замком герцога торжественно повесили какого-то грабителя. Бедняга, которому еще вчера светило лишь пять лет на серебряных рудниках, к утру внезапно сознался, будто шпионил в пользу магов Белой Руки из Халогии. Разумеется, проклятый гиперборейский шпион орал и отбивался, крича, что невиновен, чем окончательно убедил зевак в злонамеренных замыслах наших полуночных соседей. Каково?

— М-да, Райдор начал действовать с размахом, — кивнул варвар. — Не похоже на глупый розыгрыш. А на что тогда похоже? Если ненадолго забыть о всяких долинах, которые то появляются, то обратно зарастают горами? Тебе не кажется, будто здесь что-то не совсем чисто?

— Не кажется, — уверенно помотал головой Гвайнард. — Вариантов два. Первое: все, о чем рассказал Варт Райдор — правда. Второе: герцога некто специально убедил в существовании призрачной опасности, появившейся в горах, и пока в райдорских землях царит суматоха, созданная напуганным властителем, провернет свои частные делишки.

— Сомнительно, — сказал на это Конан. — На ноги подняты стража, военные дружины и тайная служба, усилены разъезды на дорогах, будут поставлены заставы... Не самое лучшее время для противозаконных авантур! Контрабанда? Быть



не может, по вполне понятным причинам — контрабандистам лишний шум не нужен, по своему опыту знаю. Переворот? Смешно! У Варта есть взрослый сын, служит в королевской гвардии Пайрогии, рано или поздно титул и земли отойдут к нему. А если некий совсем уж скорбный головушкой авантюрист, попробует свергнуть с герцогского престола родственника короля, из столицы немедленно примчится гвардия и наведет порядок в два счета! Какой вывод? Правильно, опасения герцога, будь они реальными или надуманными, и есть первопричина начинающейся свистопляски.

— В любом случае, у нас день на сборы, — проговорил Гвайнард, поднимаясь. — Эйнара и Асгерд я отослал собирать все возможные сказки по ближайшим деревням — у деревенских память длиннее. Пускай поговорят со старостами, знахарями... А ты возьми деньги, и отправляйся на рынок за припасами. Считай, три дня ехать до Четырехдоля, там еще пополним мешки у барона Дортонна, а сколько в горах просидим — один Митра знает!

Хождение по рынкам не входило в число самых любимых развлечений Конана, но приказ есть приказ, ничего не поделаешь. Варвар отправился в конюшню, забрал из стойла верного помощника отряда — боссонского тяжеловоза с традиционным именем «Малыш» — и они вдвоем двинулись в сторону базарной площади.

На памяти киммерийца, пришедшего в отряд совсем недавно, это был уже второй тяжеловоз.



Первого, и тоже «Малыша», около четырех седмиц назад загрызла брукса — опаснейший вампир-демон, бесчинствовавший в поместье эрла Ронины. Тварь вовсе не охотилась на лошадь — она убила тяжеловоза только потому, что тот попался ей под горячую руку и она жаждала хоть как-то досадить Ночной Страже. После гибели Малыша, Гвай поклялся, что так просто этого не забудет и выполнил обещание — через два дня брукса была мертва.

Нового тяжеловоза купили не столь давно, в Чарнине. Почему именно боссонская порода? Очень просто: эти меланхоличные, по-детски добрые твари отличались невероятной выносливостью, привязчивостью к человеку, могли запросто перетаскивать немаленькое снаряжение Ночной Стражи, а вдобавок, отличались более тонким, нежели у других лошадей, чутьем к нечистой силе. Поскольку охотникам приходилось сталкиваться с нечистью через два дня на третий, такой молчаливый и сильный помощник был незаменим — Гвай, со временем, надеялся выдрессировать его не хуже, чем прежнего тяжеловоза, отходившего с отрядом несколько лет.

Райдор, по бритунийским, да и всем другим меркам, был очень небольшим городом. Над поселением господствовала скала, с грозоздающим на ней замком герцога, а саму скалу окружало несуразное и запутанное скопление домов, домиков и домишек, дополняемых множеством хозяйственных пристроек. Строения в основном деревянные, каменные дома могли позволить се-



бе лишь богатые купцы, да чиновники управ — как-никак Райдор был столицей герцогства, по территории превышавшего Хорайю, Хауран и Коф вместе взятые. Как и положено, единовластным властителем этих земель (после, конечно, престарелого короля, у которого своих забот в Пайрогии хватало) был светлейший Варт, какой и обустроил свои немаленькие владения как настоящее государство. В Райдоре были все приличествующие почти самостоятельной стране управы — военная, порубежная, дорожная и городские стражи, торговыми гильдиями управлял Купеческий приказ, в городах выбирались магистраты из числа старейшин...

Все это было прекрасно и замечательно, однако Конан, видевший блеск дворов Аграпура, Бельверуса или Тарантии все одно почитал Райдор самой глухой провинцией материка после, само собой, Пограничья, которое и королевством-то назвать было сложно — так, лоскутное одеяло из враждующих меж собой владений мелких дворян, способных объединиться только ради грабежа ближнего и дальнего своего. Кстати, почти половина бритунийской армии стояла как раз возле рубежей Пограничья — во-первых, ходили слухи, что эта страна населена настоящими оборотнями, во-вторых вольные бароны беспокоили приграничные земли не реже десятка раз в году, хотя обычно бывали побиваемы регулярной кавалерией короля Эльдарана.

Что нужно купить, отправляясь в многодневный поход? Солонину, вяленое мясо, запас соли,



мед. Муку, конечно. Хлеб ведь с собой не повезешь, испортится, а испечь пшеничные лепешки на костре — минутное дело. А если вспомнить, что леса и предгорья полны дичи, вопрос о голодной смерти отпадает сам собой. Конан никогда не был против вкусной еды, а посему мало доверял кулинарным искусствам Астерд, пусть она и была единственной женщиной в отряде — в Нордхейме, откуда Астерд была родом, предпочитали или пресную, или чересчур пересоленную пищу.

Оттого-то киммериец всегда прикупал мешочки с туранскими специями, при помощи которых даже из крысы можно сделать королевское блюдо.

И стоило ради всего этого тащить с собой Малыша? Ничего, пускай тяжеловоз прогуляется, а то застоялся в яслях.

— Эй-эй, ты чего? — Малыш внезапно дернул головой, едва не вырвав поводья из ладони киммерийца, и начал пятиться от прилавка со свежими овощами так, будто призрака увидал. Толстые губы тяжеловоза задрожали, показалась пена, коричнево-лиловые глаза выкатились. Лошадь явно была напугана, но чем?

Варвар, с трудом удерживая готового понести Малыша, быстро огляделся.

Торговка овощами выглядит вполне обычно — толстая розовощекая женщина в сельском костюме и чепце. Рядом торгуются два горожанина, занятые выбором бараньей вырезки, чуть дальше прохаживаются двое городских стражни-



ков с короткими копьями, мальчишка тащит тележку с яблоками.

Позвольте, а это что еще такое? Конану внезапно показалось, что проходивший мимо ребенок — девочка, лет десяти — на миг раздвоилась в его глазах. Будто прошла сквозь струю горячего воздуха, который размыл силуэт. И тут же грудь начало покалывать и холодить — проснулся оберег Ночной Стражи, серебряное кольцо с изображением волчьей головы внутри. Амулет, который носят все до единого охотники, врать не может — слишком он для этого прост: перед варваром находилась вполне настоящая нечистая сила.

Нечистая сила?! День ясный, солнце светит, со стороны митрианского храма доносятся размеренный моления жрецов и монахов, восславляющих наступающий полдень. Этого просто не может быть! Не может быть и все тут! Хоть на куски режьте!

Малыш уже начал вздрагивать всем телом, да и удержать эдакую махину, весящую не меньше откормленного быка, не хватит сил ни у кого — будь ты хоть трижды силачом. Надо принимать решение. Немедленно! Но каково же это будет выглядеть — среди бела дня здоровенный вооруженный мужчина убивает ребенка? Обыватели разорвут мерзавца на месте, не дожидаясь ни стражи, ни чиновников из управы дознания!

— Эй, малышка, — брякнул Конан первое, что попало на язык. — Хочешь серебряную монетку? купишь себе орехов с медом.



Странный ребенок обернулся на голос и варвар успел разглядеть, что глаза у девчонки необычные — черные, без зрачков. То-то она шла опустив голову!

Дальнейшее действие Конана выглядело вполне невинно — он бросил ребенку выуженную из пояса серебряную монету в один шеллин. Ничего особенного, обеспеченный месьор дарит денежку ребенку из бедной семьи, такое случается чаще, чем можно представить...

Милое дитя увернулось от летящего серебряного кругляшка, будто от арбалетной стрелы и как-то совершенно не по-детски зашипело, показав провал маленького ротика с заостренными, будто у ящерицы зубками. И мигом припустило со всех ног от щедрого господина. А у самого щедрого господина не осталось и мгновения на раздумья.

Левая ладонь сама скользнула к широкому кожаному поясу, сорвала звездочку, которая вроде бы как использовалась в качестве украшения, а в нужный момент становилась серебряным шурикеном.

Короткий взмах, металл с жужжанием распаивает жаркий летний воздух...

Умирало оно долго и противно, подняв среди мирных посетителей рынка добрую панику.

Свою лепту в образовавшуюся суматоху внес и Малыш, наконец-то вырвавший узду из правой руки Конана и тяжеловесно рванувший напролом, через лотки со снедью, корзины с живыми курицами и прилавки зеленщиков.



В десяти шагах перед Конаном билось в судорогах не виданное им прежде синевато-белесое существо, отчасти похожее на обыкновенного горного гоблина, который, впрочем, к нечистой силе никаким боком не относится. Оно выло, рыдало, визжало, исходило синим вонючим дымом и вдруг исчезло с ослепительной вспышке, распылявшей по сторонам остатки товаров с лотков.

Едва наступила тишина, киммериец осторожно подошел к месту, где умерла тварь, сплюнул, увидев обугленную ямку и, отыскав щепочку, выкопал из спекшегося песка свой шурикен. Звездочка совершенно оплавилась, превратившись в бесформенный комок металла. Только затем варвар услышал низкий голос — к его безмерной радости, человеческий.

— А ну, встать, колдун поганый! Руки на виду держи, иначе железом нашпигуем!

Понятно, на бродящую среди столичного герцогского города нечисть славные блюстители даже не смотрят, а вот охотника на чудовищ готовы насадить на копьё. Везде одно и то же! Человечество решительно не желает меняться в лучшую сторону.

— Именем его светлости... — вякнул было Конан, но сразу получил весьма чувствительный удар тупым концом пики в спину.

— Еще раз упомянешь своей поганой пастью имя вельможного Варта Райдора, проткну на месте, да так, что умирать будешь до конца седмицы! Парни, скрутить его! Живо в кордегардию



дознавательной управы! По всему видно, колдун из Гипербореи!

«Ага, теперь я колдун из Гипербореи, — слегка отрешенно подумал киммериец, мучительно пытаясь вспомнить, прихватил он с собой именную бумагу герцога, или оставил дома. — Ничего, выпутаемся, где наша не пропадала! Главное, чтобы сразу не убили. А поэтому, до поры, до времени будем вести себя смирно...»

* * *

Кордегардия, сиречь караульное помещение с клетками для арестованных и неудобными конурами для месьоров чиновников, ничуть не отличалась от прочих подобных заведений в странах к Закату от Кезанкии — это Конан мог удостоверить как знаток. Правда, в государствах цивилизованных, подозреваемого не бросали незамедлительно в глухой карцер, предварительно надев крайне неудобные кандалы, схватывающие пальцы — чтоб колдовать не мог, изверг гиперборейский! В Аквилонии хотя бы пытались разобраться в чем дело, а потом били, в Немедии сначала били, потом разбирались, в Бритунии, как выяснилось, ни били, ни разбирались — сразу в темную. Бить, вероятно, будут потом.

Одно хорошо — обыскали, причем до неприличия тщательно. В руки месьоров государевых сыскарей попали все сколь-нибудь ценные вещи, начиная от пояса с украшениями-шурикенами (изъятие объяснено было тем, что узник может



на пояс удавиться и через то миновать справедливого возмездия. Это при том, что ремень варвара был шириной в две ладони, и повеситься на нем смог бы только очень упитанный дарфарский гиппопотам), вплоть до оберега Ночной Стражи, который доставил чиновникам маленькие неприятности — попадая в чужие руки амулет начинал кусаться тонкими розовыми искрами, что для означенных чужих рук есть больно и обидно. Само собой, наличие у схваченного злодея волшебной вещи еще более уверило бритунийцев в том, что перед ними глава конклава Белой Руки, а то вовсе Тот-Амон, Тсота-Ланти и Ксальтотун в одном лице.

Мимходом варвар поблагодарил всех известных ему богов — пергамент, подписанный Вартом Райдором оказался за пазухой и тоже был изъят. Однако, радужные надежды на всесилье герцоговой подписи и печати с грохотом рухнули. Не стоит даже говорить о том, что документ был немедленно объявлен наглой подделкой. Его милость королевский дознаватель, который займется делом убийства нечестивым магом невинного дитяти, обязательно разберется, какой негодяй изготавливает фальшивые манускрипты, на которых значатся высочайшие имена!

По подсчетам Конана, коротавшего время в компании одинокой крысы, вылезшей из норы взглянуть, кто соизволил посетить ее владения, в кордегардии он находился уже не менее четырех колоколов. К вечеру Гвай и остальные начнут беспокоиться исчезновением киммерийца и



обязательно отыщут его, однако варвара очень смущала перспектива оказаться на дыбе прежде, чем вмешаются друзья и герцог Райдорский. В связи с осадным положением, спущенные с цепи псы-сыскари особенно церемониться не будут, не в их это правилах, причем даже в более спокойные времена.

Помещение, которое любезно выделили единолично Конану, в точности напоминало жуткие байки про подвалы Латераны или Вертрауэна — страшных тайных служб Аквилонии и Немедии. В общем-то, никакие они не страшные (Гвай, например, сам в Латеране служил, что не наносит пятна на его честь), но ребятки из секретных канцелярий дело свое знают крепко. Учтем, что сейчас Конан очутился в обычной кордегардии управы дознания городской стражи, где нравы попроще и помягче, но... Но киммерийца никак не вдохновляли заржавленное пыточное кресло, весьма удобная дыба и висящий на стенных крючьях набор инструментов, о которых и думать-то страшно, не то что созерцать воочию.

Единственная разумная политика (если вскопе оные инструменты сочтут нужным применить к заключенному...) — врать напрапалую и говорить то, что захочет услышать чиновник управы. Тянуть время. Ты маг из Гипербореи? Да! Ты приехал в Райдор, чтобы убить герцога? Конечно, всю дорогу повизгивал от нетерпения! Ты хочешь свергнуть короля и отдать Бритунию под власть гиперборейского конклава темных магов, иначе известного как «Белая Рука»?



Именно, ваша милость! А сам я должен быть канцлером при новом короле Бритунии, точнее при королеве — слышали про Лухи, Ведьму Туманов? Вот ее-то и прочат на трон Пайрогии! То-то веселья будет!

Боги всеблагие, бред какой...

Громыкнули ключи, заскрипел засов и взвизгнули дверные петли. Худшие предположения начали сбываться. Поочередно в камеру зашли трое. Пухленький самодовольный чиновничек с дубовыми листочками на рукавах колета, бледный молодой писец с безразличным взором и вполне обычный мужичок в кожаном фартуке, напоминающий бочара или плотника. Конан только ругнулся про себя — такие невинные дядюшки и являются худшими палачами. Не надо представлять себе заплочных дел мастера в виде обезьяноподобного громилы с волосатыми ручищами, заячьей губой и шрамом через все лицо. Правда жизни куда более скромна и беспросветна — пожилой худенький старичок в фартуке с одного движения руки заставит тебя признаться в том, что ты своими руками убил святого Эпимитриуса и в недалеком прошлом являлся императором Кхари.

В дверном проеме маячили еще трое — гигантские фигуры охранников. Это на случай, если заключенный будет вести себя недостойно и его придется усаживать на милое железное креслице с ласковыми уговорами.

Чиновник и писец заняли места с противоположных сторон кособокого стола, палач скромно



расположился в уголке. На некоторое время воцарилось многозначительное молчание — толстячок в форменном колете проникновенно изучал Конана. Последний ответил ему лучезарной улыбкой.

— Чего лыбишься, мразь? — почти нежно, юношеским тонким голоском, вопрошил чиновник. Раздул пухлые губки в самоуверенный бантик. — Есть над чем смеяться?

— Вот превращу тебя в жабу — посмеешься! — не менее любезно ответил Конан. — Ты, идиот, бумагу от герцога изучил подробно? А если изучил, изволь снять эти дурацкие железяки (варвар звучно потряс кандалами) и вызвать повозку, чтобы отвезли меня домой. И благодари, если я не обижусь всерьез.

— А мы, оказывается, обидчивые, — горестно вздохнул пухленький. — Жаль, очень жаль. Но хватит пикировок, перейдем к делу. Меня зовут месьюр Гасс, я представляю здесь власть короля и Великого герцога Райдорского.

— Конан Канах, очень рад знакомству.

Месьюр Гасс кивнул секретарю, чтобы записывал.

— Тебе известно, в чем тебя обвиняют? — осведомился чиновник, но не дожидаясь ответа сказал сам: — Черное колдовство, убийство ребенка с ритуальными целями на рыночной площади, соглядатайство в пользу Гипербореи, которая начинает с нами войну... Пока хватает?

— Конечно! — залился лучезарной улыбкой варвар. — Я готов во всем сознаться, ваша ми-



лость. Вопросов можно не задавать, я сам все расскажу.

Месьюр Гасс просиял — он-то думал, что столь опасным типом будет много возни. Сложил пальцы в замочек и многозначительно уставился на Конана: признавайтесь, сударь! Я весь внимание!

Ох, Конан и признался! У Гасса, секретаря и палача глаза на лоб полезли. Киммериец употребил все свое воображение, всю фантазию без остатка. Он развил перед обалдевшим дознавателем чудовищную картину всеобщего заговора черных магов, собирающихся подмять под себя Закатный материк, перебить всех (до единого!) королей вместе с наследниками и дальними родственниками, повсеместно ввести поклонение Великой Тьме и Сету Змееногу... И так далее, и так далее.

Окажись хотя бы сотая часть представляемых Конаном баек правдой (причем он соблюдал полную серьезность, не желая выдать себя даже минометной улыбкой), вся цивилизация Заката оказалась бы под угрозой полного исчезновения. Сплошные ужасы: нечистая сила, монстры, орды черных магов, обязательно упадет новая Небесная Гора (нарочно вызванная колдунами, дабы уничтожить могущественную Аквилонию), на трон Немедии прочат воскрешенного жутким валузийским обрядом мага, некогда владевшего конклавом Кхариин... Короче, в свое пламенное признание Конан включил почти все леденящие душу истории, слышанные за минувшие годы.



Картина получилась настолько устрашающая, что с месьора Гасса пот градом валил. Варвар умел быть убедительным. Когда Конан начал выдыхаться, дознаватель отослал писца и палача, приказав запереть дверь.

— Это... Это все правда?

— Истинная. Клянусь Сетом Великим!

— Но как же?... Закат могуществен, наши армии непобедимы...

— Вполне победимы. Силы одного Тот-Амона — слышал о таком? Мой старый друг! — более чем хватит, чтобы обратить в пепел всю кавалерию Немедии.

— И никто не уцелеет?

— Ну, отчего же... Верные нам люди будут править миром, вместе с Великим Конклавом!

Следующие три квадранса разговор велся на пониженных тонах. О чем Конан толковал с месьором Гассом и какие слова при том использовал, осталось известно только им обоим. Завершилась беседа вот чем: Гасс собственными ключами открыл замочки на кандалах варвара, а затем под его диктовку начал составлять некий таинственный документ, который пришлось подписать кровью, взятой из проколотого иголкой пальца.

Едва таинство свершилось, в дверь мощно санданули. Не иначе, как тяжелым сапогом.

— Именем герцога! — протрубили со стороны коридора. — Именем...

Когда окованная дверь распахнулась, Конан с невероятным удовольствием узрел на пороге бо-



родатого Варта Райдора, за спиной которого маячила озабоченная физиономия Гвая.

— Фу, по счастью самых непоправимых ошибок удалось избежать, — проворчал герцог, входя в каземат. — Рад видеть тебя, Конан, живым и здоровым. Мои костоломы не слишком перестарались?

— Как, светлейший, и вы тоже... с нами? — пролепетал месьор Гасс.

— С нами, с нами, — варвар перебрал герцогу только что подписанный пергамент — Ознакомься, светлейший. Очень занятно, просто зачитаешься! Я рад, что в твоей дознавательной управе служат настолько преданные люди!

Спустя квадранс месьора Гасса обезглавили прямо во дворе кордегардии. Конан наблюдал за экзекуцией не без злорадства, после чего сказал с непонятной интонацией:

— Провинция...

* * *

— Кажется, началось.

Эти слова герцог Райдорский произнес таким тоном, что создалось впечатление, будто грядущим утром следует ожидать неминуемого конца мира и Великой Битвы Богов.

Провозглашение начала «неизвестно чего» случилось прямиком в кордегардии дознания, которую светлейший временно избрал своим штабом. Плевать на месьора Гасса — он, на свою беду, оказался полнейшим болваном, сдуру купив-



шись на сказки Конана. В сущности, чиновника можно было пожурить и простить, наказав отставкой или просто понижением в чине. Герцог, однако, внимательно изучил надиктованное Конаном «соглашение с конклавом Белой Руки», подписанное незадачливым Гассом собственной кровушкой, и отправил доверчивого дознавателя на плаху — чтоб другим неповадно было. По приказу светлейшего, на процедуру отделения головы от туловища месьора Гасса согнали всех служащих управы, а сам наказуемый умер, как казалось, со вздохом облегчения. Он просто ничего не понял.

После свершения казни герцог Райдорский изгнал из собственного кабинета городского прецептора, приказав усилить стражу вдвое и бдеть в оба глаза, разослал гонцов из числа своей гвардии к нужным людям и вскоре перед его светлостью собрались наиболее важные персоны, ответственные за управление полуночной провинцией королевства Бритуния.

Стоит заметить, что абсолютное их большинство подчинялось не большим вельможам из Пайрогии, а самому Варту Райдору — назначенцам короля герцог доверял мало, а потому за долгие годы владения ленными землями подобрал себе верный коллоквиум соратников, за каждого из которых мог поручиться. Глава стражи, капитан гвардии, легат войска, которому были подчинены армейские отряды герцогства, и, наконец, начальник тайной службы — некий месьор Атрог из Гайарны — самая проверенная, са-



мая преданная и самая зубастая гвардия герцога. Не люди — боги в своем ремесле!

— Конан, расскажи им, — коротко приказал Варт Райдор, когда последний из приглашенных прибыл. Кроме присных герцога присутствовал и Гвайнард, которому Варт доверял, как человеку много лет помогавшему стране и самому владыке. Причем, помогавшему не ради славы и почестей, а ради знаменитого Кодекса Ночной Стражи, основной закон которого укладывался в одну фразу: «Помогай, чем можешь».

— А чего рассказывать? — набычился варвар, видя суровые взгляды государственных мужей. — Ничего особенного, просто нечисти вы развели у себя сверх всякой меры...

Да, на базаре Райдора Конан случайно заметил существо, весьма искусно маскировавшееся под человеческого ребенка. Варвар, с помощью амулета Ночной Стражи определил, что пред ним не-человек имеющий происхождение из Черной Бездны — средоточия всего зла, существующего во Вселенной. Оставалось одно: атаковать первым. Результаты нападения известны, а именно: нечисть, которая не терпит серебра исчезла, а Конана задержала стража, якобы за убийство ребенка. Другие вопросы?

— Она... Это существо, касалось продуктов выложенных на рынке? — первым задал вопрос месьор Атрог — глава всех конфиденентов Райдора выглядел особенно мрачно, но вместе с тем и деловито.

— Не знаю, не видел, — буркнул киммериец.



— Еще раз подробно опиши, как оно выглядело. Одежда, внешний облик, поведение?

— Как? Да обычно! Девчонка из деревни! Серое платье, волосы повязаны платком, никаких украшений или знаков рода на одежде! Идет все время глядя вниз, в землю. Ни с кем не разговаривает. Только посмотришь на нее искоса, и силуэт расплывается. Лошадь ее испугалась — спрашивается, почему?!

— Ты уверен, что амулет Ночной Стражи не ошибся, указывая на нечистую силу? Все произошло днем, было безоблачно, а нечисть не выходит под солнечный свет.

— Позвольте вмешаться, месьоры? — Гвай вышел вперед, глянул на герцога и получив его молчаливое одобрение, продолжил: — Наша Гильдия тесно связана с магическим конклавом Золотого Лотоса, немногочисленным сообществом магов, признающих Свет и Равновесие, но отвергающих Тьму. Вам знакомо имя волшебника Пелиаса из Кофа? Именно он изготавливает амулеты Ночной Стражи, которые потом раздаются командирам отрядов. Любой оберег, созданный Пелиасом Кофийским, исключительно прост — он может только отличить Зло Черной Бездны от любых других проявлений магии. Ошибки исключены — если охотник, носящий амулет член гильдии Стражи, оказывается рядом с чужеродной для нашего мира тварью, серебряная подвеска становится очень холодной и начинает вздрагивать. Когда сила зла перевешивает силу, заключенную в обереге, он может расплавиться.



Такое неоднократно случалось и со мной, и с моими соратниками. Если мой друг, Конан Канах, говорит, что оберег подействовал среди бела дня, определил чужака, я подтверждаю его правоту.

Отвечая на взгляды приближенных, герцог Райдорский наклонил голову:

— Я ручаюсь за слова Гвайнарда из Гандерланда. Этому человеку я верю безоговорочно. Следовательно, мы обязаны принять истинность слов Конана Канах. А заодно выслушать прочие сообщения о происшествиях сегодняшнего дня. Сообщения до невозможности неприятные. Всем все ясно?

Разумеется, никто возражать не стал. Герцог выстрелил взглядом в насуленного месьора Атрога.

Глава тайной службы подняться с кресла не пожелал, оправил рукава колета и начал говорить нарочито скучным голосом.

— Пока досточтимый Конан Канах отдыхал в нашей гостеприимной кордегардии, в городе произошло несколько событий, на первый взгляд внимания властей не заслуживающих. Мне донесли, что около десяти человек обратились к практикующему в Райдоре лекарю, несколько лет назад приехавшему к нам из Коринфии. Не доверять этому месьору у нас нет оснований — грамоты храмовых митрианских школ, рекомендации лекарской гильдии и все такое, но... Опытный врачеватель всегда может приметить нечто необычное, а посему он немедленно отправил



помощника в магистрат, сообщить о странностях. Мои подчиненные как раз и обязаны обращать внимание на странности. Короче говоря, в Райдоре началась чума.

— Чу... ма? — слегка заикнулся Конан. — Какая чума?

— Обыкновенная, — чуть презрительно фыркнул Атрог. — Разумеется, мы тотчас приняли меры...

— Тайную службу я предупредил о том же, о чем вас, — пояснил Варт Райдор. — Об Исчезающей долине. Продолжай Атрог.

— Мор — штука серьезная, — сказал охранитель спокойствия герцогства. — Уважаемым охотникам не стоит думать, будто в Райдоре живут одни медведи да лешаки — кое-чему мы обучены. Латерану или Вертрауэн мы не обойдем, но в пределах Бритунии работаем неплохо. Все сообщения о необычных происшествиях, особенно связанных с магией, незамедлительно докладываются городским прецепторам, а после и мне лично. И вот, на рынке некий «маг» убивает ребенка, лучший лекарь Райдора бьет тревогу, увидев отличительные признаки опаснейшей болезни, о которой в Райдоре не слыхивали долгие столетия, ко мне прибегает уважаемый месьор Гвайнард, обеспокоенный исчезновением члена своего отряда...

— Малыш, весь в мыле, примчался домой, — обращаясь к Конану сказал Гвай. — Я сразу подумал, что с тобой приключилась неприятность и обратился к месьору Атрогу.



— Благодарю за спешность в действиях, — чуть поклонился Атрог. — Цепочка событий, особенно учитывая предание о бедствиях, в свое время вызываемых Исчезающей долиной, побудили меня к немедленному вмешательству. Работать пришлось жестко, но меня оправдывает забота о безопасности всего Райдора. Мои конфидененты навестили все дома, где есть заболевшие. Каждый делал сегодня покупки на рынке. По словам уважаемого Конана Канах, именно на рынке он прикончил существо, являвшееся... Чужаком. Вывод очевиден?

— Нарочно распространяют заразу? — спросил Конан. Впрочем, ему и без того уже все было ясно.

— Похоже на то. Действуя без разрешения герцога, я приказал поджечь дома, в которых находились зараженные чумой. Разумеется, сначала их убили вполне быстрым и безболезненным способом. И не смотрите на меня, будто на кровожадного упыря, месьоры! Вам понравится, если в городе начнется повальный мор? Рынок закрыт, торговля любыми продуктами запрещена. У нас есть прекрасное оправдание — гнусные лазутчики Гипербореи хотят отравить пищу и, вдобавок, подожгли несколько зданий в городе. Лекаря, впервые обнаружившего болезнь, его семью и помощников я временно... изолировал. Теперь придется отдать еще несколько тяжелых приказов. Но сначала я хочу посоветоваться с Ночной Стражей. Как лучше противостоять нечисти? Как проверять людей?



— У любого патруля стражи на улице должно быть серебряное оружие и зеркала, — не раздумывая ответил Гвай. — Подозрительным типам надо вкладывать в ладонь серебряную монетку — все мгновенно станет ясно. Если и это не подействует, что сомнительно, дать посмотретья в зеркало: оно отражает истинную сущность, а не личину. При сопротивлении — убивать серебряными стрелами или посеребренными кинжалами. Жителей оповестить, чтобы не принимали в домах незнакомцев. Жечь факелы и костры на улицах — нечисть боится огня. Ну, и совсем домашний способ — чеснок. В целом, это все. Я никогда не сталкивался с нападением потусторонних сил на целый город.

— Если не на целую страну, — рыкнул герцог Райдорский. И снова повторил: — Кажется, началось...

— Слушаем приказы вельможного, — монотонно сказал месьор Атрог. — Мы обязаны действовать жестоко и не раздумывая. Никакой лирики. Могут пострадать невинные, увы, зато будут спасены остальные.

— Осадное положение, — тяжело сказал герцог. — Теперь уже без шуток. На улицах тройная стража. Гвардию вывести из города в полевые лагеря, чтобы не допустить распространения болезней. Поддерживать слухи о войне с гиперборейцами. Вход и выход из города закрыть — выпускать только по личной подорожной за моей подписью. Оповестить старейшин в деревнях, заставам на дорогах выдать столько сереб-



ра, сколько понадобится. И обязательно выполнить все советы месьоров охотников. Идите, исполняйте!

Ближние герцога исчезли, будто их вовсе не было. Конан только хмыкнул понимающе — хорошо же светлейший вымуштровал своих подчиненных.

— А какой совет вы дадите лично мне? — Райдор, от свалившихся на него бедствий будто меньше ростом сделался, глаза совсем потухшие. — Война с иномировыми силами — ваше ремесло... Я не ожидал, что все начнется так внезапно, сразу.

— Беды обычно приходят без предупреждений, — ответил Гвай. — Светлейший, ты обязан сохранить в своих руках управление провинцией и не допустить безвластия. Немедленно заведи семью, слуг, и переезжай в другое место.

— Куда? — ошеломленно спросил Райдор. — Ты предлагаешь мне бежать?

— Не бежать, а обеспечить себе безопасное пристанище. Ты ведь владеешь замком в Граскальских горах, возле Ронина? Взять с собой только доверенных людей, обставить замок зеркалами и засыпать серебром... Положение, сам понимаешь, нешуточное. Гонцы из коренного Райдора должны быть знакомы лично тебе, перед встречей обязательно проверять каждого — нечисть, особенно действующая под солнцем, способна великолепно менять обличья.

— Но что же это за нечисть, коли шастает днем?



— Не знаю. И никто не знает. Но, думаю, разберемся. Мы выезжаем к Исчезающей долине завтра с рассветом. Конан, ты не возражаешь?

— Тебе возразишь...

* * *

Последний военный совет состоялся уже глубоко ночью, в собственном доме месьюров охотников на Волчьей улице. Киммериец давно предлагал оснастить массивное бревенчатое строение в два этажа завлекательной вывеской с намалеванным драконом и надписью вроде: «Истребление монстров по сходным ценам», но Гвай почитал, что такое излишество будет выглядеть нескромно.

Мать и отец погибшего весной Торгейра давно отправились спать — месьюр Эгир и госпожа Тюра в дела охотников не вмешивались, ограничиваясь присмотром за домом и невеликим хозяйством — следовательно, Ночной Страже пришлось употреблять ужин собственного изготовления. Точнее, приготовленный Конаном, ибо Асгерд с Эйнарм только в сумерках вернулись в Райдор, а Гвай разбирался с поклажей в сарае. Огорченный сегодняшними приключениями, Конан слегка перебрал с огненным красным перцем к свинине, но никто не жаловался — все устали и хотели есть.

Стол накрыли в комнате, которую не сговариваясь прозвали «оружейной» или «арсеналом». Обустраивала комнату Асгерд — не даром была



дочерью вождя-херсира из Одадь-фьорда, что в Ванахейме. Деревянные лавки, медвежьи и волчьи шкуры, рога косуль и даже самый настоящий бивень редкого на Полуночи зверя — нордхеймского мамонта. А на стенах — коллекция оружия, которой позавидовал бы сам герцог. Единственно, мечи Варта Райдора почти никогда не употреблялись по прямому назначению, а вот три с лишним десятка самых вычурных (и в основном посеребренных) клинков бывали в действии частенько. Их странная форма объяснялась тем, что с обычным прямым мечом на, допустим, мантикора или арфаксату не попрешь и многочисленные зацепы служили ради того, чтобы достать плоть означенных чудовищ из-под прочнейшего панциря.

В целом, в оружейной было уютно и очень по-домашнему — свечи, вместо коптящих масляных ламп, открытый жаркий очаг, гигантский стол мореного дуба. Впечатления необжитости дом охотников не оставлял.

— ...А какие новости в округе? — осведомился Гвайнард у соратников, после краткого описания событий минувшего дня в самом городе. — Видели в деревнях что-нибудь примечательное?

— Больше, чем хотелось бы, — отозвалась Асгерд. — Знахари, из тех, что постарше, да поопытнее, твердят о наступлении какого-то «Времени тумана», причем выяснить подробно, что же это за время такое, никак не удалось.

— Конец света в пределах Полуночной Бритунии, — откомментировал Эйнар, и взоры сразу



обратились к нему. Броллайхэн жил на Закате долго, много дольше любого человека, был наблюдателен и наверняка что-то знал. — Обстоятельства, други, таковы. В горах происходит временный, но весьма неприятный всплеск магии, нашим временам и нашей эпохе не принадлежащей. Магия эта враждебна и непредсказуема, но почему-то, спустя несколько лун все возвращается на круги своя. Наша тайная долина снова замещается горами и на ближайшие пять с небольшим сотен лет вновь воцаряются тишь да благодать. Я и раньше слыхал о Времени тумана, но поскольку не слишком интересовался черным волшебством, докапываться до истины не стал... Тут я вам не помощник.

— Помолчал бы лучше, помощничек, — бросила Астерд. — Ну и поездочка сегодня была, лучше б я вместо киммерийца в когдегардии отсидела, все ж спокойнее! Начнем с самого оригинального. Гвай, дай сюда карту! Вот глядите, в шести лигах от Райдорского замка стоит Лисий хутор. Большой хутор, шесть домов, стадо коров, овцы, птичник, живут там несколько семей, объединенных ближним и дальним родством. Точнее, жили.

— Померли что ли? — обеспокоился Конан. — Мор, чума?

— Ты слушай, не перебивай. Подъезжаем мы к Лисьему, столб на тракте так прямо и указывает — добро, мол, пожаловать, господа проезжающие! А хутора просто нет. Ровное травяное поле с молодыми сосенками.



У Гвайнарда вытянулось лицо.

— Вы, случайно, не ошиблись? Странно все это... Куда может исчезнуть немаленький хутор с людьми?

— В никуда, — хмыкнул Эйнар. — Никакой ошибки нет, я на Лисьем бывал раньше. Ничего не осталось, понимаешь? Ни заборов, ни фундаментов. Колодец у них был примечательный — здоровенный, глубокий, стены выложены гранитными валунами. Сейчас — даже ямки не наши. Вообще никаких следов человеческого жилья. Только птички поют да пчелки жужжат. Мы внимательно все осмотрели — люди твари неаккуратные, любят оставлять мусор, доски там всякие, обломки. Ничего — девственно чистый лужок.

— И это еще не конец, — добавила Астерд. — В соседней деревне все коровы — то есть действительно все, до единой, — вдруг родили по... Даже не знаю как сказать. По уродцу. Каждая, в одно утро. Даже те, которые не были беременны. Существо небольшое, с морщинистой розовой кожей, очень напоминает кошку. Только посреди лба растет рог. Кметы, ясен пень, перебили всех новорожденных, но нескольких я успела осмотреть. Станные существа, прежде я ничего подобного не видела.

— Исчезнувшая деревня, коровы, будто стоворившись, рожают котов-единорогов, нечисть появляется среди населенного города... — протянул Гвайнард. — У меня по этому поводу есть лишь одно слово: чудеса! Дальше?



— Ерунда, ничего особенного, — продолжила Асгерд. — В одном месте ночью видели Лесную Деву, что относится к области чистейших сказок, в другом поймали бальберита и утопили в нужнике. На Пайрогийском тракте появилось ответвление — наезженная дорога с глубокой колеей, ведет в никуда, в трясины. Судя по следам, по дороге проезжали за два квадранса до нас, всадники гордо прошествовали в болото и там благополучно сгинули.

— Может, свернули? — вяло предположил Конан.

— Некуда там сворачивать, бурелом сплошной. Не то, что лошадь, кошка с рогом не пролезет. Словом, по мелочи набирается множество случаев самого откровенного магического наваждения. Случаев как глупейших, так и вполне заслуживающих внимания — нехорошо, когда пропадает в никуда целый поселок с немаленьким населением. Добавим сюда нечисть, скрывающуюся под обликом человека, возможное начало мора в Райдоре и неизвестный катаклизм, происходящий в Кезанкии. Что это может напоминать?

— Если подумать... — Гвайнарда наморщил лоб. — Про Бури Перемен слыхали? Магические штормы, буйство неподконтрольной магии. Подобный шторм, проходя над землей, способен натворить немало чудес — заклинания-то не направляются человеком, они извращают плоть сами по себе. Вот и получаются непредставимые уродцы, вроде теленка с человеческой головой.



Вы не смейтесь, сам однажды такого видел. И не забудьте, мы граничим с Гипербореей, там подобные случаи не редкость.

— Не надо все валить на гиперборейцев! — воскликнул Эйнар. — Мы же не тайная служба герцога, нам надо искать причину, а не призрак врага! Во-первых, до Халогии не меньше полутора тысяч лиг по прямой, во-вторых, за девятьсот с лишним лет существования Бритунии, мы всерьез воевали с гиперборейцами только четыре раза, в-третьих, Гиперборея надежно отгорожена горами и у тамошних обитателей своих забот полон рот. Не думаю, что маги Белой Руки нарочно приехали в Райдор, чтобы устраивать мелкие пакости.

— Заражение чумой — это не мелкая пакость, — справедливо сказала Асгерд. — Однако, Эйнар прав. Гиперборейцы во всем происходящем невиновны — повадки у них другие, да и источник угрозы расположен совсем рядом, на Полночном восходе от Райдора.

— Времена Тумана, — вдруг вспомнил Конан слова девушки. — Герцог, между прочим, говорил, что над скалами за Лазурной грядой наблюдается необычное облако. Вдруг это как-то связано с упоминанием тумана в сказках? И потом, ваши достопочтенные старцы, хранители преданий, соизволили вспомнить, что же это за времена такие?

— Легенда, — сказала Асгерд. — Очень древняя, смутная легенда. В горах, якобы, пробуждается древнее зло, сохранившееся едва ли не со



времен небезызвестного Роты-Всадника. Начинается магическое буйство, из тумана выходят древние демоны, мстящие людям за то, что они заняли их старинные земли... Короче, обычный набор жутковатых повестей о временах Тьмы. Такое впечатление, что означенная Тьма просто изнывает от нетерпения, кусая ногти... в смысле, когти, лишь бы нагадить людям.

— Неувязочка получается, — отозвался Гвай. — События, которые мы наблюдаем сейчас, происходят раз в пятьсот лет с разницей в полстолетия в большую или меньшую сторону. Нескольким лун безобразий — и снова тишина. Мелковато для повелителей Черной Бездны. Затем: на двух картах Исчезающая долина отмечена довольно четко, следовательно люди там бывали и благополучно вернулись, чтобы нарисовать план или рассказать о долине интересующимся ученым мужам. Если уж за Лазурным хребтом на некоторое время воцаряется эдакое царство кромешного зла, которое человека на дух не переносит, откуда эти сведения? Демоны Черной Бездны никого бы не выпустили оттуда живым. Боюсь, дело закручено посерьезнее и поинтереснее.

— Но зло — зло в нашем, человеческом понимании! — так или иначе просыпается! Больше нечисти, больше болезней, герцог упоминал о каком-то безумии... Давайте учтем, что за минувший год чудовищ в округе появилось значительно больше. Лично я, Асгерд из Одадь-фьорда, на месте недавнего этеркапа сидела бы не



высовываясь в сотне лиг от ближайшей деревни и кушала бы обычное лесное зверье, а не людей. А этот дурень приперся почти к стенам Райдорского замка, чтобы строить логово! Он либо действительно был полоумным, либо осмелел, почуввав возрождение силы, которая породила его племя!

— Все правильно, — сказал Конан. — И вместе с тем мы наблюдаем вполне невинные наваждения, вроде народившихся рогатых котят. Кметы, конечно, перепугались, но с их ненаглядными коровами все в порядке, верно? Знаете, что мне напоминают нынешние события? Наряду с вашим предполагаемым «пробуждением зла», по округе бродит сбрендивший маг и устраивает дурацкие розыгрыши наподобие новой дороги, ведущей в болото... Боги милостивые, Кром Молнемечущий, ну кого еще принесло в такое время?!

В дверь неистово колотились. Мужчины, понятное дело, машинально схватились за оружие, Асгерд подошла к притвору и осторожно отбросила деревянную задвижку на высоте человеческого лица. В прорезанном в толстых досках квадратике темнела бородатая человеческая физиономия.

— Госпожа Асгерд, Гвайнард дома? — послышался жалобный голос, принадлежащий соседу, месьору Харту, жившему на соседнем дворе. — У меня... У нас чудище в хлеву!

— Какие могут быть чудища среди ночи? — задал сам себе вопрос Конан, хотя отлично пони-



мал его бессмысленность. Ночью-то как раз больше всего работы.

Месьор Харт, перепуганно бормоча и перебиваясь с пятого на десятое, рассказал по дороге, что зашел в сарай проверить скотину а там... Там такое! Более внятных объяснений добиться не удалось — Харт трясся и отмахивал правой рукой знаки, отгоняющие нечисть.

Заглянули в сарай, осветив его факелами. Животные — две коровы и десяток коз спокойны, значит нечистая сила в хлеву отсутствует.

— Где чудовище? — посуровел Гвайнард, который терпеть не мог, когда охотников отрывают по пустякам.

— Вот! — месьор Харт подвел охотников к загону для свиньи. — Сами гляньте, пакость какая!

Здоровущая неповоротливая свинья лежала на боку даже не глядя на людей. К ее соскам приникли поросята, родившиеся, видимо, несколько дней назад. Но среди обычных розовеньких свинок кормилось существо, меньше всего похожее на поросенка: лопухая маленькая тварь с глазенками навывкате, четырьмя рождками, синеватой кожей, покрытой белесой редкой щетиной и коротким завитым хвостиком, раздвоенным, словно змеиный язык.

— Тьфу, пропасть! — сплюнул Гвай. — Нашли чудовище, тоже мне! Детеныш лесного гоблина, забрался в хлев покусать. Один вопрос, каким образом он сюда попал? Лесные гоблины к человеческому жилью вообще никогда не подходят,



бояться. А этот, по всему видно, новорожденный. Подкинули? Какому человеку в здравом уме придет в голову подкидывать в хлев гоблинка? Месьор Харт, незачем закатывать глаза — он безобиден, как муха!

Гвайнард взял крошечного уродца за шиворот, оторвал от неиссякаемого источника молока и попросту выкинул из хлева на улицу. Из темноты донесся обиженный писк.

— Идем домой, завтра вставать рано, — буркнул предводитель отряда, бросил клинок в ножны и покинул хлев. Только на пороге дома Асгерд тронула Гвая за плечо:

— Послушай, ты главное-то заметил?

— Что — «главное»?

— У свиньи недавно отошел послед, она не успела его сожрать. Валялся в соломе, можно было рассмотреть. Ты раньше встречал свиней, ни с того, ни с сего, рожающих лесных гоблинов? Я — никогда!





Глава третья,

*в которой охотники попадают в замок
барона Дортонна и впервые сталкиваются
с загадочным туманом*



Выезд маленького каравана из Райдора не был сопряжен с излишними трудностями, однако на воротах, охраняемых едва ли не полусотней стражников и гвардейцев герцога, всех Ночных Стражей непременно проверили на принадлежность к нечистой силе — сунули под нос серебряные зеркала и заставили пожевать чеснок. Обижаться вовсе не следовало — Гвай самолично присоветовал светлейшему именно таким образом выявлять чужаков, которые вполне могли пробраться в город.

Осадное положение теперь было введено по всем правилам — открыты для прохода лишь Полуденные ворота Райдора, на стенах и возле зданий управ стоит угрюмая стража, продажа продуктов разрешена только под надзором зорких и внимательных ребят из ведомства месьора Атрога, которым строго-настроено указано задер-



живать всех подозрительных личностей и с осторожностью препровождать оных куда следует. Виселица перед замком пополнилась еще тремя украшениями — на груди каждого казненного висит табличка с не блистающими разнообразием надписями: «Гиперборейский шпион», «Колдун из Халогии» и «Отравитель колодцев». Опытный в подобных делах Конан крепко подозревал, что эти неудачники не совершили ничего страшнее банальной кражи, но были призваны послужить государству в тяжкие времена в качестве наглядного доказательства силы и действенности герцогской власти. Политика, ничего тут не попишешь.

После проверки у ворот к Гвайнарду подошел неприметный серенький человечек и втихомолку передал поклон от его милости Атрога Гайарнского. Его милость просили поблагодарить за услуги и передать, что рекомендации Ночной Стражи исполнены в точности: герцог с семьей покинули город ночью, перебравшись в укрепленный замок Эрдат, что в грасскаальских предгорьях. Еще его милость указали забрать клетки с птичками — почтовыми ястребками, которые доставят любое донесение по назначению.

Когда ажурные ивовые клетки взгромоздили на спину тяжеловоза, и десятник отметил в подорожных невнятным росчерком, можно было отправляться.

Четыре всадника (трое на обычных лошадях, один на сартаке), медовой масти боссонский тя-



желовоз и два заводных коня покинули ошетилившийся перед неизвестной опасностью Райдор без сожаления. Впереди ждала интересная и опасная работа, а что еще требуется в жизни настоящему охотнику на монстров?

Отряд обошел город с Полудня на Полуночный восход, оставив за спиной скалу с чернеющей коробкой опустевшего герцогского замка и направился по тракту на Четырехдолье, к владениям барона Олема Дортон, ленного вассала его светлости Великого герцога Райдорского. По сведениям, барон был молод, хорош собой, являлся отчаянным охотником и гулякой, а заодно владел едва ли не самыми лучшими угодами этого отдаленного края. Четыре прекрасные долины, расположенные между Когтями Дракона приносили Олему исправный доход. Сюда же добавим два бывших серебряных рудника кезанкийских гномов, которые барон без всякого зазрения начал вновь разрабатывать, да неплохое наследство матушки — весьма богатой графини из самой Пайрогии.

Как поговаривали, барон Дортон был гостеприимен и разухабист, как и всякий дворянин, живущий в невообразимой глуши Полуночной Бритунии. Если подходить научно, Четырехдолье являлось самой отдаленной точкой всего Заката, если таковым считать квадрат, образованный цепью Граскааля, Эйглофиата и Киммерийских гор с Полуночи, побережьем Пуши Пиктов с Заката, берегами Великого Океана с Полудня и самым протяженным на материке Кезанкийским хреб-



том с Восхода. Словом, медвежий угол, каких поискать.

На протяжении первых лит пути ничего интересного или загадочного не происходило. Лошади шли размашистой рысью, тяжеловоз по имени Малыш пыхтел, будто кипящий котел, но это вовсе не означало усталости — как сказала Асгерд, такой большой зверь и дышать должен много. Сартак Конана вовсю передразнивал певчих птиц — это животное, кроме хищного нрава и неотличимого от лошади внешнего облика, обладало великолепным талантом имитатора. Не столь давно сартак умудрился выучить даже несколько особо крепких киммерийских словечек, услышанных от Конана, чем вводил непосвященных в немалое смущение — надо же, говорящая лошадь! Хотя сартак получил от хозяина неприятное имя «Гнедой», варвар всерьез подумывал переименовать его в «Попугая», благо у старого приятеля Конана по морским приключениям в Зингаре, боцмана карака «Вестрел» Зелтрана, как раз имелся яркий дарфарский попугай, за долгие годы запомнивший немало сугубо пиратских выражений, которые в приличном обществе не употребляются.

Дебри Полуночной Бритунии по своему привлекательны. Это вам не ухоженные, смахивающие на дворянские парки, лесочки Аквилонии и не кипарисовые рощи Золотого Офира. Оказавшись в бритунийском лесу, ощущаешь себя так, будто ты вернулся в самый первый год от сотворения мира, когда природа еще не знала прикос-



новения руки никакой разумной расы, будь то альбы, кро мара или люди.

Колоннады стволов-гигантов, над головой непроглядная, связанная в единый ковер зеленая крона, цветы невиданных раскрасок, многообразные птицы, начиная от всем известных дятлов, до птиц-ящеров, с синими перьями и зубками в клювах. Зверье непуганое и многочисленное — людей здесь мало, охотника встретишь редко, вот и ходят вдоль тракта кабаньи гурты, одинокие медвежата-подростки, сбегавшие от грозных мамаш на самостоятельную прогулку, или важно шествуют знаменитые болотные ящеры — чудовища с доброго быка размерами, длинным хвостом и почти черепашьей мордой.

Ко всему этому непременно прилагаются замечательные запахи леса, смешивающиеся с единый аромат, пахнущий грибами, прелой листвой, пылью и сыростью. Пятна солнечного света на подлеске, в глубине чащобы раздаются таинственные скрипы веток и твяканье волков, недавно обзаведшихся потомством. Где-то в отдалении недовольно ревет медведь, искусанный пчелами после покушения на их гнездо. Гудит, словно боевой рог, олень-трубач, а ему отвечает грай вставших на лесном озере журавлей.

И никакого следа человека, если не считать поросшей травой дороги, да крайне редких, замшелых столбов-указателей. Благолепие. Именно такой, спокойной и величественной, помнил Конан давно покинутую Киммерию. В лесу Бритунии он чувствовал себя почти как дома.



— Та-ак, а это что у нас такое? — Гвай, ехавший впереди и с наслаждением слушавший музыку леса, резко натянул поводья. — Всем стоять! Ни шагу без команды!

Благолепие рухнуло в один момент. Ну как, скажите, следует относиться к обычному человеческому дому, наверняка некогда являвшемуся форпостом дорожной стражи герцогства, если этот дом в свое удовольствие разгуливает по большой, освещенной полуденным солнцем, поляне? Зрелище, само по себе, довольно абсурдное.

Конан напрягся, хотя его амулет Ночной Стражи молчал, не чувствуя непосредственной опасности. Небольшая, в одну-две комнаты, сторожка под двускатной крышей и со слепыми окнами бычьего пузыря, уверенно накручивала круги по вытоптанной в траве проплешине, ничуть не стесняясь появившихся рядом людей. Над входной дверью виден герб Райдора в обрамлении соснового венка — верно, знак дорожной стражи. Домик бегаёт на десятках ножек, в точности похожих на человеческие — пятки так и сверкают. Никакого смысла в его эволюциях не наблюдается: знает, отсчитывает круги диаметром в полсотни шагов, словно лошадь на чембуре вокруг шеста.

— По-моему, вино которое мы пили вечером, было вполне приличным, — неуверенно высказался Эйнар. — Значит, это не белая горячка. Я наблюдаю какую-то магию, в виде зеленых с лиловым волн, но что сие значит, объяснить не мо-



гу. Сколько живу на свете, ничего подобного даже в пьяном сне не видывал.

Лошади, а особенно тяжеловоз, глядели на хибарку с человеческими ногами совершенно бесстрастно — следовательно, черная магия отсутствует. Только Гнедой киммерийца заинтересованно потягивал носом воздух — сартаки намного умнее лошадей, некоторые утверждают, будто они почти разумны. Однако и сартак не воспринял явленное чудо с негодованием или агрессией. Ему было просто интересно понаблюдать за необычным движущимся предметом.

— Эй! — рывкнул Гвай, пытаясь привлечь внимание домика. Тот приостановился, совершенно животным движением повел вправо-влево фасадом с хлопающей от тряски дверью, а после со всех ног припустил в лес, будто испугавшись. Только треск ломаемых сучьев послышался, да гудел легкий топоток.

— Демоны зеленые, — Конан утер пот со лба, и заметил, как аналогичный жест повторила Асгерд. — До глубокой старости такого не забуду!

— Поедешь дальше — глубокой старости и сопливых правнуков тебе не видать, как короны Аквилонии, — процедил Гвай. — Соединение живого с неживым — ничего себе выверты! Что происходит в старом добром Райдоре? К демонам такие чудеса, будем считать, что это нам привиделось от жары!

— Какая сейчас жара? — прогнусил Эйнар. — Прохладный ветерок с гор, даже в ящобе чувст-



вуется. Домик на ножках? Это ли не бред? И знаете, никакого злого волшебства! Я бы мигом учуял. Начинаю разделять твою, Гвай, мысль о Буре Перемен — только она способна породить такое непотребство. Но если никакой бури нет, то что тогда мы наблюдали? Или прав Конан, говоря о сумасшедшем волшебнике, который сбежал из приюта для умалишенных и теперь вовсю развлекается?

— Едем, — рыкнул Гвайнард. — Считайте, что у вас не два глаза, а четыре! После эдакого наваждения я начинаю беспокоиться, а я беспокоюсь довольно редко, сами знаете.

Лошади, вначале медленно и осторожно, затем все быстрее, вновь пошли по лесному тракту. У людей желание обсуждать увиденное отсутствовало напрочь — домик начал казаться одномоментным помутнением рассудка, ненадолго поразившем всех охотников.

* * *

Это может показаться странным, однако на протяжении следующих полутора десятков лиг глуповатые странности Ночную Стражу вовсе не беспокоили. Зато хватило настоящих, нешуточных неприятностей.

Первую ночевку предполагалось провести в деревне Торгал, поселении бортников и охотников, доставлявших в Райдор драгоценные шкуры диких животных и отличный лесной мед, так ценящийся на Полудне. Торгал полагался солид-



ной деревней, с дарованным герцогом самоуправлением через совет старейшин, собственной вольной дружиной для обороны от лихих людей и тыном, прикрывавшим Торгал по окрестности.

Если верить карте с рукописным описанием земель Райдора, выданной охотникам, деревню населяло человек шестьсот, но...

Случилось это вечером, перед сумерками, когда Гвай приказал встать на краткий отдых. За два квадраса можно успеть разложить костерок, подогреть солонину и распечатать пару кувшинов густого эля, который, как известно, заменяет хлеб.

Этим занялись Асгерд и Эйнар, пока киммериец вместе с Гваем таскали ветки для костра. Лошадей отпустили попаситься на лужайке, а сартак сам обеспечил себя пропитанием, запросто поймав зазевавшегося в траве кролика. Разве мог ушастый предположить, что мирная лошадка может обладать набором зубов, каким матеруший волчий вожак позавидует?

Постепенно темнело, солнце сползло к Грани Мира, но сумерки летом долгие. К Торгалу получится выйти задолго до того, как наступит непроглядный мрак полуночи. А уж доказать недоверчивым селянам, что прибыли посланники его герцогской светлости можно будет без проблем — научены долгим опытом.

— Боги, как хочется после полного дня тряски в седле искупаться, надеть чистую одежду и поспать на ровной лавке, чтобы спина не болела,



— Гвайнард, нарубив топориком достаточно дров, сбросил рубашу, подставляя спину ветерку.

Асгерд, как женщина молодая, оглядела предводителя с затаенным удовольствием — разве девице, едва миновавшей двадцатилетний рубеж, не понравится парень с идеальным торсом, квадратными плечами, круглыми жилистыми мышцами и знаменитыми «кирпичиками» на животе, каковые являются гордостью каждого мужчины? Вдобавок, Гвай и лицом уродом не вышел, за исключением парочки красящих всякого настоящего воителя белесых шрамов. Чем тебе не пара?

Но Асгерд сама для себя приняла решение — с мужчинами, которые ходят вместе с ней в отряде, никаких половых отношений! Работе мешает, а красивых и добрых ребят можно и на стороне отыскать.

Слово есть слово, а потому Конан по первости несколько раз чувствительно схлопотал от железной девицы из Нордхейма, за попытку дружески (чисто дружески, честное слово!) коснуться ее груди.

— А у меня другая мечта, — варвар завалился в траву, закинув ладони за голову. Вверху синело вечернее небо и полыхал розовым закатный край Сферы, которую собиралось покинуть солнце. — Горячая паровая баня, ледяное пиво, горячие овощи с бараниной и...

— По поводу своего «и» на меня можешь не поглядывать, — с льдистой улыбочкой ответила Асгерд, перехватив многозначительный взгляд



киммерийца. — Вот между прочим, мы все здесь свои, тайн никаких, так что я хочу задать тебе, варвар, интересный вопрос.

— Задавай, варварка, — любезно согласился Конан. Слово «варвар» его ничуть не обижало, Конан даже подчеркивал свое киммерийское происхождение, как самое необычное — много ли киммерийцев бродят по дорогам Хайбории? А нордхеймцы (в представлениях тех же подданных Трона Льва) еще худшие варвары, так что и Асгерд данное слово в ущерб не пойдет.

— Вот скажи, — проворковала Асгерд, — отчего у Гвая в Райдоре есть девушка, к которой он постоянно ходит, и которая приносит ему подарки на праздники? Я Лантхильду с Рысей улицы имею в виду (Гвайнард слегка покраснел, но ничего не сказал). А ты чуть не каждый день хаживаешь в веселый дом госпожи Альдерры, никаких привязанностей, никакой любви, только одно животное желание?

— Не люблю привязывать себя к одному месту и одному человеку, — совершенно правдиво ответил Конан. — Эйнар вот вообще живет бобылем, на девиц даже не смотрит. К нему же ты не цепляешься?

— Я не-человек, мне можно! — немедленно возмутился Эйнар. — За несколько тысяч лет все надоедает... Пойдите-ка, что происходит? Гвай, Гвай...

Броллайхэн затрясся будто в судорогах — всем показалось, что воплощенному Духу Природы стало очень нехорошо. Так оно и было —



Эйнар, своим нечеловеческим существом почувствовал нечто очень и очень скверное...

— Тише, я в порядке, — промычал броллайхэн, вставая, опершись на Конана и Гвая, подбежавших на помощь. — Посмотрите в лес!

Эйнар вытянул подрагивающую руку, указывая на отлично просматривавшуюся с холма лесистую низину, в глубине которой скрывалась деревня Торгал. Пока не наблюдалось ничего особенного — черно-зеленая бесконечная полоса диких пущ, вдали синее освещенная закатом полоса Кезанкии, за горами начали тускло вспыхивать первые вечерние звездочки. Мир и тишина.

Пр-ду-ум! Этот глухой удар буквально втолкнулся в уши каждого, будто ударили тяжким молотом. В голове зазвенело и помутилось. Но перед звуком пришел свет. Безжалостный неопределенно-белый свет, ярче звезд и ярче солнца. Конан и все остальные потом долго жаловались, что перед глазами стоит непроглядное пятно, как отпечаток этого неживого света.

Первая вспышка — чуть растянутый над землей круг — полыхнула мгновенно, до нетерпения ярко, обжигая открытую кожу. Потом круг померк до пронзительного желтого, оранжевого и багрового, замесившись поднимающимся в небо клубом пыли, смешанной с жидким пламенем. Еще несколько мгновений спустя лес на холме, облюбованном охотниками колыхнулся под порывом теплого ветра. Серебристые облачка над головой шустро разбегались по сторонам,



словно испугавшись невиданной ярости чужой силы. Земля мягко качнулась — так качается привязанная у берега лодка на волнах прибой.

Амулеты, висевшие на груди у каждого, зазеленели и перестали вздрагивать — теперь они просто били в грудь непрерывным набатом.

Простенький оберег мага Пелиаса Кофийского видел невыразимую черную силу. Силу, которой не мог противостоять. Впрочем, надежда оставалась — амулеты не рассыпались и не расплавились, что означало бы гибель для их носителей.

Внизу, в подхолмье, разгоралось лесное пожарище, распространявшееся кругом от центра, в котором прежде находилась деревня Торгал. Кольцо огня было особенно хорошо заметно с высоты, на которой находились Ночные Стражи.

— Эйнар! — почти панически выкрикнул Гвай. — Убери огонь! Как хочешь, но убери! Немедля!

Вот теперь Конан впервые воочию увидел, на что способен бrolлайхэн, Дух, порожденный самим тварным миром, существо, принявшее воплощение человека, хранящего вечную молодость.

Эйнар необычно насупился, мальчишеские черты лица стали резкими и злыми, он за один миг словно постарел не полсотни лет, потом силуэт молодого человека растекся на струйки тумана, даже вполне материальная одежда исчезла в колдовском мареве. Сероватые ручейки потянулись вверх, набухая и разрастаясь, и вдруг



вспушли в облако, тучу, сверкающую проблесками молний...

— Это Эйнар? — выдавил задравший голову Конан. — Гвай, поклянись именем своих предков, что это Эйнар!

— Клянусь всем, чем пожелаешь! Он же бrolлайхэн, создание природы и Алого Пламени Равновесия!

Вскоре на разраставшийся лесной пожар хлынул долгий, тяжелый и молчаливый ливень, уничтожающий оранжевые цветы огня и распространяющий густой гаревый дым. Сама природа, устройство мира, в лице своего отпрыска, восстало против явившегося из ниоткуда чужого зла.

В небесах грохотало до середины ночи, затем дождь стих и прекратился.

К третьему колоколу после полуночи бессонные Гвай и Конан, оставшиеся сторожить измученную и заснувшую Астерд нашли возле погасшего кострища Эйнара. Бrolлайхэн безмятежно спал и почему-то улыбался. Только лицо выглядело осунувшимся. По скулам и вискам бродили серые тени. Обычные, живые тени, присущие уставшему человеку.

* * *

— Ты думал, облако и Гроза — это я сам? Ничего подобного, я лишь использовал свое волшебство Равновесия, чтобы создать бурю. Конечно, это можно было сделать и не покидая собст-



венного тела, но зато вышло гораздо добротнее. Столько времени бушевало! Последний раз подобный трюк я делал лет шестьдесят назад, когда засуха в Бритунии вызвала лесные пожары, захватившие половину Райдора. Силы израсходовал безмерно... Отоспаться бы сутки-двое.

Конан слушал затаив дыхание.

— В седле отоспишься, — безжалостно сказал Эйнару Гвайнарда. — Если уж некто уничтожает целые деревни используя столь мощную магию, мы должны спешить, как никогда не спешили!

— Куда спешить? — уныло спросил Эйнар. — С соломинкой против двуручного меча не попрешь. И потом, ты неверно выразился. Не «некто», а «нечто». Пускай я никакой не волшебник, но колдовстве разбираюсь. Выброс магии, который мы наблюдали вечером, не был направлен чьей-то волей. Привожу пример. У всякого знаменитого мага есть волшебное кольцо, в которое он вкладывает часть собственной силы. Если кольцо разрушить, например, бросить в кузнечный горн и расплавить, сила высвободится и произойдет почти то же самое — кузню разнесет в мелкую щепку, а неконтролируемая хозяином магия либо вызовет Бурю Перемен, либо сожжет все вокруг на расстоянии лиги.

— Вот как? — опешил Гвай. — Точно, никаких фантазий? Но позволь узнать, откуда в нашей непролазной глуши появляется так много «ничьей» черной магии? В Бритунии и колдунов-то стоящих никогда не было, не одарен наш народец этим сомнительным искусством! Я по-



нимаю там в Стигии, Гиперборее... Но не в Бритунии!

— А ну, постойте! — подался вперед Конан. — Это, конечно, только догадка, но меня зацепили слова «ничья магия». Что значит — ничья? Есть непререкаемый закон: волшебство само по себе возникнуть не может! Не бывает же книг, написанных никем, или детей, не рожденных родителями! Предположим, что с очень давних времен в горах остался некий артефакт. О нем не знали даже искушенные в колдовстве кхарийцы, иначе старинная карта герцога Райдора давала бы пояснения... Что остается? Валузия? Сомнительно — валузийцы не оставили бы настолько сильный артефакт без присмотра. Атлантида? Об этом и думать дико — атланты были не особо талантливым народом. Лемурия? Уже ближе, но государство лемурийцев лежало далеко в океане, а мы находимся в центре материка. Или этот никому не известный Рота-Всадник, эпоха не-человеческих цивилизаций?

— Может, перестанем гадать на фасолевых зернышках и поедем дальше? — предложила Асгерда. — Валузия, Лемурия, Роту зачем-то приплели... И тем не менее внизу, под холмом, словно вулкан извергался. Я не разделяю мнения о зловредных предках, тысячелетия назад планировавших насолить человечеству — просто не понимаю, зачем это было им нужно. Бессмыслица... Седлайте лошадей, уже достаточно рассвело, чтобы продолжить путь. Лично я не жажду проезжать мимо Торгала, но, видимо, придется.



Пришлось, конечно. Дорога спустилась с холма, попетляла между болотин, опять вернулась под своды леса, теперь нестерпимо пахнущего гарью. Вскоре обнаружили и следы пожара — обугленные и поваленные стволы. Пришлось двинуться в объезд, ибо несколько огромных деревьев, вывороченных с корнем, перегородили тракт.

— Ай, как скверно, — качал головой Эйнар, наблюдая под копытами лошадей тушки почерневших, мертвых птиц, сгоревших прямо в поле. — Мы находились в семи лигах от деревни, окажись ближе — попали бы под удар. Любопытно, что осталось от Торгала?

Интерес Эйнара вскоре был удовлетворен в полной мере. На месте деревни теперь чернело ровное, как стол, поле. Смело все строения, тын, от невероятного жара земля спеклась в потрескавшийся камень. Не уцелело ни одного столба. И вот какая странность: окружавший Торгал густой лес сильно пострадал от огня, часть деревьев рухнули, но полные разрушения наблюдались только по периметру деревенского тына. Поселение выжгло ровнехонько по его границам, вернее не выжгло, а напрочь испепелило. Дома, люди, животные точно испарились.

Гвайнард не преминул исследовать огромную черную проплешину, надеясь отыскать место, где возникло колдовское пламя, однако не преуспел — никаких следов. Торгал будто срезали с поверхности земли гигантским ножом. В живых, разумеется, никого не осталось.



— Похоже на заклинание Белого Пламени Оридата, — мрачно сказал Эйнар, когда выжженное поле осталось позади. — Применялось в Кхариин, боевая магия Ахерона, я читал. Откуда это безобразие в наши просвещенные времена вынырнуло это безобразие? Не понимаю, хоть мне кол на голове тешите!

И вновь потянулся долгий дорожный день с редкими привалами, остановками возле речушек, чтобы напоить лошадей, и бессмысленными разговорами. Когда варвар почти уверил всех остальных, что в горах скрывается могила Роты-Всадника, Асгерд не выдержала, поименовала размышления соратников «неприкладным умствованием» и посоветовала тщательнее смотреть по сторонам, а не трепать зазря языками.

Незадолго до третьего полуденного колокола, охотники узрели на дороге удивительную процессию: тракт пересекали два десятка низеньких, обросших бородами как мхом, созданий, в листовых одеждах и с посохами сделанными из древесных веточек. Человечки, достигавшие Кнану едва ли высоты колена, шли цепочкой, и только заметив всадников, рассыпались по придорожным кустам — прятаться.

— Данхан, лесные карлики, — пояснил Гвай, хотя варвар прежде видел подобное существо, помогавшее Ночной Страже в поимке ронинского упыря. — Да как много! Наверное, целая семья. Очень необычно: лешаки привязаны к собственному участку леса и никогда не переселяются в другие места. Что их напугало?



— То же, что и нас с тобой, — разумно ответил Конан. — Если вернемся в Райдор живыми, придется взять с герцога двойную плату. За особую опасность предприятия.

— Кстати, о герцоге, — Гвай повернулся к Эйнару. — На следующей стоянке возьми пергамент со стилем, да отправь сокола к вельможному. Особенно Райдора не пугай, но о разрушении Торгала обязательно сообщи. Пусть знает, что мы пока живы и пытаемся действовать.

* * *

К Драконьей Лапе и четырем долинам удалось выйти только к вечеру следующего дня. Горы теперь воздвигались прямо впереди темной зубчатой стеной, вершины синели ледниками, а левее, за скалами Лазурного кряжа, и впрямь угадывалось темное неподвижное облако, укрывшее Исчезающую долину.

Особых приключений по пути не претерпели — ничейная магия если и буйствовала, то в других местах. Зато встретили довольно много знакомых тварей, которых нормальные люди привыкли именовать «чудовищами».

Предгорья обеднели на двух этеркапов — пузатые мерзавцы по им одним известной причине решили перегородить ядовитой паутиной дорогу. Спасибо остроглазому Эйнару да хорошему чутью принадлежавшего варвару сартака — Гнедой остановился как вкопанный, отказавшись идти в западню.



Вновь пошли в ход серебряные дротики и склянки с зингарским огнем, оба любителя расставлять сети на проезжих трактах расстались со своей странной жизнью, а охотники отправились дальше. Однажды встретили довольно крупного липера — сиречь некое подобие громадной хипцной блохи — но чуда перепугалась людей, оттолкнулась от грунта дороги мощными задними лапами, взвилась в воздух и с впечатляющим грохотом рухнула где-то в буреломе за деревьями.

Ночью, стоявший на страже Конан подстрелил неосторожно приблизившегося к стоянке grimloka — человекоподобное существо с сине-черной гладкой кожей, гривой светлых волос, тянувшихся вдоль хребта и удивительными глазами — невидящими и белоснежными. Grimloki слепы, добычу находят по звуку, и атакуют при помощи молний, срывающихся с рук. Варвар, пускай и не обладавший чувствительным слухом grimloka, первым заметил противника и угодил невнятную тень арбалетной стрелой. На этом неприятные встречи и закончились — вся лесная нечисть будто сговорилась обходить отряд Ночной Стражи десятой дорогой.

Путь теперь лежал вверх по возвышенностям, означавшим, что равнины Бритунии остались позади и начинается царство Кезанкийских гор. Когда солнце отстояло от закатного горизонта меньше, чем на три ладони, наконец-то показалось знаменитое Четырехдолье.

Горы и впрямь напоминали лапу титанического дракона — в холмистую равнину врезались



пять скальных хребтов-когтей, рассекая зеленые поля на широкие длинные межгорья. Судя по картам, замок барона Дортон находился в глубине правой, самой полуденной долины. Как раз в ту сторону и вела дорога.

— Вот и приехали, — Гвай, вытянув руку, указал на солидный каменный столб, украшенный как бритунийскими буквами, так и рунами Нордхейма и Гипербореи. Надпись гласила вполне ожидаемое: «Здесь начинаются ленные земли баронов из славного рода Дортон, милостью лучезарного Митры!»

Насчет «приехали», Гвайнард ошибался. Расстояния в предгорьях нельзя оценивать на глаз — скалы Драконьей Лапы оказались довольно далеко, в восьми лигах. Вечерело, а потому следовало поторопиться. Вламываться в дом к барону среди ночи было бы и неосмотрительно и невежливо — в сложившейся ситуации, когда вокруг происходит один Нергал знает что, его милость Олем Дортон вполне способен не пустить на порог столь поздних гостей.

Лошади пошли переменчивым аллюром, с галопа на рысь и снова в галоп — надо успеть к замку до заката. Тем более, что возле скал началось довольно непонятное, а учитывая все события минувших дней, настораживающее явление. Появился туман.

Признаться, туман в горах не редкость, но только не в разгар жаркого лета и не на границе с равниной. Тем более, что клубы серого марева вели себя как-то странно — появившись на отда-



ленных склонах Лазурного края, они начали постепенно сползать вниз, напоминая снежную лавину. Пока это происходило медленно, но если отряд не успеет к замку за три-четыре квадраса, облако запросто накроет долину. И течет оно слишком целеустремленно, слишком неотвратимо, будто океанская приливная волна.

— Времена тумана, а? — крикнул варвар Гвайнард, подталкивая шпорам Гнедого. — Это зрелище мне напомнило слова Асгерд. Необычное облако, согласись!

— Соглашаюсь, — рявкнул Гвай. — Может ты на время заткнешься? Вот замок, поддайте ходу!

И точно, замок. Родовое гнездо Дортонов устроилось на широком каменном уступе в лиге от устья долины. Не заметно, что баронское семейство было излишне озабочено возможностью нападения на замок — с кем здесь воевать прикажете? Подъезд свободен, никакого рва или могучих бастioned, дополнительные укрепления отсутствуют. Архитектура, как и везде в Бритунии, простая, без изысков — чуть вытянутый квадрат стен, с полуночной стороны высится довольно изящный донжон с островерхой крышей и флашштоком, по углам возведены круглые башенки, имеющие больше декоративное, чем оборонительное значение. Солнце еще не зашло, а на стенах вовсю пылают огоньки факелов — прекрасно, хозяева дома!

Дома-то дома, но ворота негостеприимно закрыты, что есть нарушение традиций. Створки запираются только когда солнце окончательно



скроется за горизонтом, таково правило, установленное дворянским этикетом. Закрыто — значит Дортон имеет основания чего-то опасаться.

Удивительное дело, но колотиться в ворота или выкликать стражу не пришлось. Едва всадники очутились на площадке перед замком, гнусно завизжали огромные стальные петли, и левая створка отошла внутрь двора крепостишки. Гвай мигом спешился и дал знак остальным, чтобы сделали то же самое. Первый знак того, что у гостей нет дурных намерений.

Встречать охотников вышел мужчина средних лет, в блестящей кольчуге, с непрямым клинком на боку и золотой цепью на груди. Выражение на загорелом лице настороженно-суровое. За его спиной темнели фигуры дружинных — каждый вооружен, кто копьем, кто самострелом.

— Ларн из Вергита, каштелян и управитель, — сурово представился кольчужный. — Могу я осведомиться у достойных месьоров об их цели прибытия в замок Дортон?

— Может, мы вовсе не к вам приехали, — без разрешения сказал Эйнар. — Вдруг мы только проездом?

— Проездом куда? — вздернул одну бровь месьор Ларн. — Дальше только Кезания, а за ней Туран. Если держите путь в Султанапур, могу только посоветовать обойти горы с Полудня. Лишние три тысячи лиг, зато ног не переломаете и в пропасть не свалитесь. Итак?

— Прошу простить моего друга, — процедил Гвай. Умей он воспламенить взглядом, все сущее



в пяти шагах вокруг Эйнара пылало бы синим пламенем, равно как и сам Эйнар. — Мы действительно направлялись в Дортон. Прошу взглянуть на пергамент.

Господину каштеляну был вручен подписанный Великим герцогом документ, каковой был изучен настолько тщательно, что оставалось только пожевать его краешек, чтобы окончательно убедиться в подлинности. Впрочем, обошлось без жевания — Ларн поверил.

— Могли бы мы встретиться с его милостью бароном? — спросил Гвайнард, получая пергамент обратно. — И как можно быстрее?

В глазах каштеляна мелькнула неуверенность — с чего бы? — но месьор Ларн коротко поклонился и ответил:

— Да, разумеется. Прошу войти в замок, господа. Лошадьми и поклажей займется прислуга. Скоро опустится туман, не стоит оставаться под открытым небом.

Гвай и Конан переглянулись. Вот как? Оказывается, в Дортоне все-таки опасаются тумана? Интере-сно! И, нет сомнений, опасно.

Пока во дворе разбирались с лошадьми, а варвар пытался втолковать конюхам, что его скакуна обязательно надо поставить отдельно и покормить сырым мясом (что поделать, если у лошадки столь необычные вкусы!), Гвай и Эйнар взяли со спины Малыша два походных мешка с самым необходимым — особыми настоями Ночной Стражи, мелким серебряным оружием вроде метательных игл или шурикенов и амулетами,



отгонявшими нечисть. Астерд вполне благоراضно раздала весьма немногочисленной прислуге по серебряной монетке в качестве награды от щедрых гостей — каждый взял и поблагодарил. Следовательно, вокруг люди, а не что-либо иное. Это радует.

Поднимаясь по лестнице, ведущей в покои замка, Конан заново оглядел настороженного каштеляна. Непонятно почему, месьор Ларн киммерийцу не понравился, и вскоре Конан понял причину своего недовольства. Густые усы каштеляна висят вниз, вместо привычного прямого клинка он носит ятаган, глаза карие, что для светловолосых бритунийцев редкость... Все ясно, он родом из Кофа! Точно, ошибки быть не может!

И в речи управителя слышен еле заметный полуденный акцент, почти неразличимый и тщательно скрываемый. Имя, однако, вполне бритунийское — Ларн из Вергита, а Вергит расположен недалеко от Пайрогии. Надо будет обязательно поделиться своими соображениями с Гваем, хотя ничего такого особенного в кофийском происхождении нет. Просто Конан не слишком любил подданных короля Страбонуса по личным мотивам.

Главная зала поместья Дортон вполне соответствовала слухам, ходившим о молодом бароне. Очень дорогая офирская мебель, гобелены на стенах явно из Аквилонии и тоже стоят немало, масса охотничьих трофеев на стенах. Все немного ярко, несколько хаотично. Пышно, однако



слегка неряшливо. Заметен недостаток умелой женской руки, способной превратить хорошо обставленный дом в удобное семейное обиталище. Отец и мать молодого Олема скончались, жениться барон пока не собирался, вот и лежит на парадной зале крепкий холостяцкий отпечаток. Роскошная казарма.

— Вы, конечно, прежде не встречались с его милостью? — неожиданно осведомился Ларн, неотступно сопровождавший гостей. И снова Конан отметил в его голосе сомнение. Да в чем дело-то? Или напуганные внезапной напастью обитатели Дортон не доверяют и Ночной Страже, имеющей безупречную репутацию на всем Зака-те?

— Не доводилось, — ответил Гвайнард. — Наш отряд прежде не... не звали в эти места. Оно ведь и к лучшему, верно?

— Появление охотников на чудовищ никогда не говорит о спокойствии в округе, — согласился каштелян. — Вот и теперь...

— Ночная Стража? — голос донесся с винтовой лестницы, ведущей на верхние этажи донжона. — Да еще и по прямому указанию его светлости Варта Райдора? Я был бы очень рад видеть вас в более приятные времена, но коли уж явились в беспокойные дни — милости прошу в мой дом!

Состоялось явление господина барона. Русоволос, чуть полноват, розовощек. Одевается без роскоши — коричневый скромный костюм с вышивкой серебряной нитью.



«Чепуха какая-то получается, — подумал Конан, глядя на Олема Дортонна. — Нас уверяли, будто ему около девятнадцати лет, а этому парню не меньше двадцати трех или двадцати пяти. Или разгульный образ жизни повлиял?.. Ничего, разберемся.»

Вежливо представились, Олем куртуазно чмокнул ручку Асгерда и весьма плотоядно оглядел ее фигуру. С остальными поздоровался за руку, как с равными. Вел он себя безо всякой скованности, чувствуя себя хозяином, так что вскоре киммериец отказался от своих подозрений.

Пока накрывали стол, разговор пошел об охоте. Его милость похвалялся своими подвигами, тыкал рукой в кабаньи головы и рога горных оленей, предъявил шкуру настоящего серого медведя — грозы здешних мест, открыл свою коллекцию охотничьего оружия, стоившую не меньше пятнадцати тысяч немедийских ауреев, непрерывно рассказывал какие-то байки о звериных тропах и повадках самых разных животных, которых в свое время ему пришлось убить. Само собой, интересовался охотничьими секретами Ночной Стражи и заявил, будто год назад устроил облаву на болотного ящера. Потом, выказывая себя приверженным этикету дворянином, потащил Асгерда и увязавшегося за ними Эйнара взглянуть на собрание драгоценностей, которыми он увлекался не меньше, чем охотой.

Гвай и Конан прочно застряли возле столика, украшенного доброй дюжиной кувшинов и бутылей с эмблемами лучших винодельческих до-



мов, от Шема до Зингары и Пуантена включительно. Гвайнард плеснул себе «Черного герцога», произведенного в Гайарде Аквилонском, задумчиво оглядел залу и тихо спросил:

— Конан, ты никаких странностей не заметил? Я не имею в виду нечисть, пока ничем потусторонним здесь и не пахнет. Что-то другое, неуловимое.

— Заметил. Рассказать, что именно?

— Позже. Сначала послушай мои соображения. Не спорю, барон отлично разбирается в охоте, но меня смутил рассказ о сером пещерном медведе. Угрожать такую здоровую тварь можно только одним способом — арбалетной стрелой в глаз, чтобы стальной болт прошил мозг. Олем уверяет, будто заманил медведя в ловушку, в яму, и там добил. Какие, к демонам, ямы в горах? Серая бестия отлично лазает почти по отвесным скалам, выберется из любой западни... Мне кажется, что барон великолепно знаком с охотой на равнине и в лесу, однако в горы никогда не заходил. И потом, где его охотничьи собаки?..

Киммериец, словно не поверив, обвел взглядом залу. Слуги выносят яства из боковой двери, явно ведущей на кухню, у дальнего окна скучают каштелян, наверняка призванный присматривать за гостями, но... Извините, такого просто не бывает: любой, самый бедный дворянин, содержит хотя бы пару породистых собак. Здесь их нет. Ни одной. Остались на псарне? Расскажите эту сказку кому-нибудь другому! Ко-



нан отлично помнил, что даже во дворце его старой подруги, хауранской королевы Тарамис, собаки всегда присутствовали и на приемах, и на обедах и даже на государственных церемониях. То же самое было в Кордаве у Фердруго и принцессы Чабелы, которая вообще очень любила животных. И у Страбонуса в Кофе... А если вспоминать бесчисленные дворянские замки, к которых побывал киммериец за последние пятнадцать лет, то полное отсутствие охотничьих собак в замке Дортон, выглядело попросту невероятно!

Вполголоса Конан изложил свои подозрения: кофеец-каштелян, несколько неподходящий возраст самого барона, кроме того, завзятый охотник, проводящий большинство времени в седле или на своих двоих в лесу, должен выглядеть более жилистым...

— За ужином не вздумай напиваться, — проворчал Гвай. — Изображай пьяного сколько угодно, но голову сохрани чистой. Что-то в Дортоне неправильно, руку на отсечение даю!

* * *

Киммериец стоял перед открытым окном и недоумевал. Сразу за узким прямоугольным проемом колыхалось молочно-белое густое облако тумана, причем настолько плотное и непроглядное, что не видать даже краев распахнутых наружу ставень. В комнату туман не затекает, ни одного ручейка странного марева не вьется над



каменным подоконником. Такое впечатление, что за стенами замка разлито целое море молока, затопившее Дортонское поместье до крыши.

Еще немного поглазев на туманную стену, Конан вернулся к столику, на котором разложил ставшие привычными карты герцога Райдора. Снова попытался отыскать на них что-нибудь необычное, способное дать ответ хоть на один вопрос, и снова отодвинул пергаменты в сторону. Ничего путного на ум не приходило. Даже посоветоваться-то не с кем! Барон оказался столь любезен, что выделил каждому гостю по отдельной комнате и вся остальная компания улеглась спать в собственных апартаментах.

Донжон являлся более вместительным, чем показалось на первый взгляд. Целых четыре этажа, множество переходов, ведущих в другие помещения замка, добрый десяток лестниц... Запутано. Слишком запутано для родового гнезда провинциального дворянина. Хотя, о вкусах не спорят — не сам же Олем Дортон возводил это сооружение, смахивающее на уменьшенное подобие Лабиринта стигийского Птейона? По виду, замку не более трех сотен лет и Олем обязан благодарить достойных предков за оставленное в наследство жилище.

— Можно к тебе?

Конан встрепенулся, услышав голос Асгерд, стоявшей на пороге комнаты.

— Всегда рад, — варвар поднялся с жесткого стула и целенаправленно двинулся к столику с вином и холодной закуской, оставленной на



ночь слугой. — Как понимаю, ты пришла поговорить, а не?..

— Еще один подобный намек — и твоя величайшая гордость полетит в окно, — усмехнулась Асгерд. — Нож у меня острый.

— Ничего страшного, обратно отрастет. — парировал Конан. — Я же варвар, у нас всегда так. Садись. Отчего не спишь?

— Оттого, что остальные дрыхнут, как младенцы, — сказала девушка, усаживаясь напротив и рассеянно подхватывая бокал с вином. — Гвай и Эйнар подтверждают поговорку о том, что людей с чистой совестью и конец света не разбудит. Туман видел?

— Окно открыто, можно смотреть сколько угодно, — киммериец кивнул в сторону проема, в котором едва заметно бурлило спустившееся с гор облако. — Мне это очень не нравится. Слишком необычно.

— И опасно? — полувопросительно-полуутвердительно сказала Асгерд. — Конечно, опасно. Я не представляю, что творится внутри тумана. Но явно ничего хорошего. Хочу спросить о другом. Как тебе понравился сам замок и его обитатели? Такое чувство, что перед нами разыгрывают какой-то спектакль. О чем вы шептались с Гваем перед ужином, пока Олем тряс передо мной золотыми побрякушками? Впрочем, драгоценности у него очень приличные — можно было бы и позавидовать...

— О чем шептались? — Конан ненадолго задумался. — Что ж, слушай.



Варвар рассказал все. Не забыл упомянуть и некоторые «мелочи», увиденные за ужином и привлекшие внимание всех охотников.

К трапезе в залу спустилась благородная дама — очень красивая девушка лет двадцати, представленная как графиня Дайрэ из Атреи, гостящая ныне во владениях его баронской милости. Вроде бы всем хороша была графиня — и одета прекрасно, и драгоценности подобраны со вкусом, и любезна с гостями, однако... Графиня Атрейская таковой не являлась, равно как и сартак варвара не был настоящим конем.

Дело в том, что возглавляемый Гвайнардом отряд Ночной Стражи всего пять седмиц назад был в Атрее — поместье на Закате Бритунии — по приглашению самого старого графа, отца истинной госпожи Дайрэ. В фамильном склепе его светлости (а этот склеп оказался целым городком-некрополем, расположенным в естественных пещерах) завелось чудище, посему графу срочно потребовались услуги охотников. Чудище оказалось совсем не страшным — всего-то паршивенький вампир-фледер, который, однако, был способен натворить немалых бед, не оказись на его пути бравая четверка знатоков вампирьей жизни и смерти. Фледер был незамедлительно истреблен, а Ночные Стражи удостоены парадного обеда в замке его светлости, где и познакомились с графским семейством.

Госпожа Дайрэ, в отличие от представленной нынешним вечером особы, являла собой милую, несколько располневшую златовласку с провин-



циальными манерами и желанием как можно быстрее выйти замуж — батюшка был строг и воспитывал наследницу в суровых традициях прежних лет: с неженатым мужчиной можно находиться только в присутствии камеристки, нельзя носить чересчур открытые современные платья, а лучшие добродетели юной дворянки — это вышивание и умение вести хозяйство. Кроме того, Дайрэ едва исполнилось шестнадцать лет.

А вот неожиданная подруга Олема Дортон (это, кстати, еще вопрос, Олем он, или кто другой?..) оказалась худощавой красавицей с темными волосами и карими глазами, была осведомлена обо всех веяниях моды и новшествах этикета последних лет и вообще производила впечатление не простушки из бритунийского захолустья, а весьма образованной и вместе с тем хладнокровной девицы, явно воспитывавшейся при известном и богатом дворе, будь то Бельверус, Ианта или Кордава.

После взаимных представлений, Гвай и вся компания слегка опешили, но с завидным рвением продолжили изображать охотников, увлеченных лишь своим опасным ремеслом и ничем не выдали своей осведомленности. Аже-графиня могла, в конце концов, оказаться просто знатной любовницей барона Олема, скрывавшей свое имя ради избежания огласки.

Конан, который начал подозревать всех и вся, дал несколько намеков на то, что прежде служил у таких известных особ королевской крови как Тарамис и Чабела, но разговорить приятель-



ницу барона не сумел — с Хаураном или Зингарой она оказалась не знакома, это замечалось сразу. Однако, девица довольно точно ответила на вопросы о поместье графа Атрейского и даже упомянула кладбище-пещеру «своих» предков, но ни словечком не обмолвилась о недавних событиях, связанных с поимкой вампира. Видимо, она просто об этом не знала, пускай и была знакома прежде с владельцами Атреи.

Внимание пришлось удвоить после того, как барон Олем вежливо, но непреклонно отказался беседовать на интересовавшие охотников темы. Да, что-то такое было, кметы из деревень жаловались на чудовищ и неизвестную магию, но зачем портить столь замечательный вечер разговорами об ужасном?.. Да, с недавних пор ночами на Четырехдолье наползает странный туман, но к утру он рассеивается. Нет, никто из прислуги и сам барон ночью из замка не выходят, все-таки неизвестно, что это за туман и чем он может грозить. Наверное, скоро все прекратится... Давайте лучше поговорим об охоте на волков или лисиц!

И все. Больше из Олема Дортон не удалось вытянуть даже словечка о событиях возле Азурного кряжа. Словно и не бегают вокруг домики на человеческих ножках и не превращаются в пепел большие деревни на равнине.

Или барон что-то скрывает, или он законченный дурак, не желающий обращать внимание на очевидное. Либо одно, либо другое, прочих сообщений нет.



После окончания трапезы, когда гостям предложили взглянуть на их комнаты, Гвай задал единственный вопрос: не случилось ли чего странного в самом замке? Нет, все как обычно, только этот туман... Не выходите ночью во двор, мало ли что может случиться? Нам с госпожой Дайрэ будет очень жаль, если...

Тут Олем сделал многозначительную паузу, и стало ясно, что последняя фраза была изящно завуалированной угрозой. Не надо никуда ходить, понятно? А коли непонятно, случится это самое «если». И нам, безусловно, будет очень жаль.

— Утром посмотрим, что к чему, — устало сказал потом Гвай. — Отоспимся как следует, но очень прошу быть внимательными. Мало ли что?

С тем охотников развели по покоям (это делал единственный слуга, отдаленно напоминавший обликом месьора Ларна, только постарше). Конана снова постигло удивление — в поместье, особенно таком богатом, слуг должно быть гораздо больше! Вспоминая, киммериец насчитал трех конюхов, прислуживавших во дворе, четырех дружинных с копьями, двух лакеев, подававших кушанья, да этого, последнего слугу, который затем принес в каждую комнату вино и холодное мясо. Управитель, само собой. Итого десять человек. С бароном Дортоном и фальшивой графиней — двенадцать. Маловато! Об одном можно не беспокоиться — все они люди, ибо не боятся серебра и зеркал, которых в замке предостаточно.



— Дела-а... — протянула Асгерд, выслушав все соображения киммерийца. — При таком раскладе, можно было бы заподозрить барона и его близких в содействии нечисти, заполонившей Райдор, но я отметила, что каждый носит серебряные украшения — гривны, кольца, браслеты. У этой красотки колье и диадема были именно серебряные, с черным опалом, а черный опал тоже отгоняет нечистую силу. Значит, сами боятся. Тогда кто объяснит мне смысл фарса, который нам представлен?

Асгерд в раздражении отставила бокал с недопитым вином и подошла к окну. Вгляделась в туман. Сказала нетерпеливо:

— Скорее бы утро. Не могу спать, когда вокруг незнамо что происходит!

И вытянула руку, которая по локоть погрузилась в белое марево, подсвеченное из комнаты желтоватыми лучами масляных фонарей. Потом Асгерд сокрушенно покачала головой и вернулась на свое место перед киммерийцем.

— Это какой-то заговор, — уверенно произнесла она. — Непонятный заговор, который может быть вовсе и не связан с Исчезающей долиной и...

— Сиди смирно! — внезапно воскликнул Конан. — Не шевелись! Что с твоей правой ладонью?

Некоторое время оба пораженно (а сама Асгерд и с испугом) смотрели на кисть правой руки, окунувшейся в туман. Человеческая кожа начала замещаться синеватыми, с зеленым отли-



вом мелкими чешуйками, аккуратно обрезанные ногти Асгерда удлинились, на глазах превращаясь в когти, длиной в полтора дюйма, но спустя всего десяток ударов сердца рука человека снова обрела совершенно нормальный облик.

— Ты тоже это видел? — хриловато спросила Асгерд, растирая ладонь. — В чем дело? Что за ерунда?!

— Туман, — невнятно буркнул киммериец. — Времена тумана! Так, быстро перебуди всех наших, пусть закроют окна! Снаружи — сплошная магия! Вроде Бури Перемен, только гораздо хуже! Беги!

— Успокойся, — Асгерд поморщилась и осталась сидеть, где сидела. — Незачем поднимать панику. Особенно в этом замке, где явно не живут наши друзья. Ну-ка, давай устроим небольшой опыт. Здесь найдется длинная палка? Щипцы для камина? Отлично! Насади на них что-нибудь! Да хоть подушку! Высунем наружу, и посмотрим, что произойдет дальше!

Очутившись в тумане, шелковая подушка с кровати Конана осталась всего лишь подушкой — никаких изменений не наблюдалось. Однако, по внимательному осмотру предметов, выяснилось, что оконечье каминных щипцов вдруг стало не железным, а каменным. Настоящий зеленый нефрит!

Киммериец сразу же расколол камень рукоятью меча — удостоверился, что ему ничего не почудилось. На ковер полетели нефритовые осколки.



— Либо мы помешались, — заключила Асгерд, — либо ты прав. Туман способен изменить сущность предмета не хуже колдовской бури.

— И как такое понимать?.. Почему?

— Исчезающая долина. Все идет оттуда. Надо решать, что делать дальше. Сейчас туман захватывает лишь Четырехдолье, но его действие постепенно распространяется вглубь Райдора, а это исключительно скверно...





Глава четвертая,

*в которой происходит множество событий,
как приятных, так и не очень*



Разумеется, это была немыслимая авантюра. Не столь уж и жуткая по сравнению с некоторыми другими похождениями киммерийца, имевшими место в прошлом, но все-таки довольно опасная. Станный замок, странные люди, за стенами кипит магический туман, вытекающий из некоего неизвестного источника...

Однако Конан Канах вполне оправдано предпочитал действие бездействию — нет смысла тихонько сидеть в уголке и дожидаться, пока тебя не позовут на эшафот.

— Я с самой первой нашей встречи подозревала, что все киммерийцы во главе с тобой — опасные сумасшедшие, которых лучше бы держать под замком, — такими словами Асгерд ответила на предложение варвара. — И, боюсь, никакие лекари тебя не спасут.



— Вы, нордлинги, ничуть не лучше, — огрызнулся Конан. — Не хочешь помогать — не надо. Сам управлюсь.

— Я разве отказалась? — Асгерд нахмурилась так, словно варвар нанес ей личную обиду. — Только нехорошо это делать без разрешения Гвайнарда. Он бы не одобрил.

— Именно поэтому, советоваться с Гваем мы не будем, — решительно сказал Конан. — Иногда мне кажется, что он чересчур осторожен.

— Не осторожен, а исключительно расчетлив. Именно поэтому его отряд работает уже много лет без лишних потерь.

— А как же Торгейр, вместо которого вы взяли меня?

— Охотник погибает только по собственной глупости и неосмотрительности, — вздохнула Асгерд. — Ладно, согласна. Сейчас принесу мешок...

Девушка покинула комнату варвара, прошла по освещенному тусклыми факелами круговому коридору башни и, надеясь, что Гвай не запер дверь, толкнула тяжелый, из дубовых досок, притвор.

Все правильно, месьюр Гвайнард Гандерландский изволит вкушать отдых. Проще говоря, тихонько сопит под обширным одеялом из беличьих шкурок. Две лампы из четырех, установленных в небольшом покое уже погасли, но и света оставшихся вполне достаточно, чтобы отыскать кожаный дорожный мешок. Вот он, лежит у изголовья.



Асгерд, умевшую ходить абсолютно бесшумно, подвела деревянная половица под ковром — доска скрипнула под весом человека и хозяин комнаты тотчас вынырнул из-под покрывала, протягивая руку у заряженному арбалету, устроенному на столике рядом. На Асгерд уставились два сонных, но внимательных светло-карих глаза предводителя ватаги.

— А, это ты, — увидев знакомое лицо Гвай снова откинулся на лежанку. — Чего бродишь среди ночи?

— Нужно одно снадобье из твоих запасов, — Асгерд сказала правду, но неполную. Некоторые утверждают, что полуправда — худший из видов лжи, однако сейчас дочь нордхеймских берегов не особо задумывалась над высокими материями. — Мне лично. Можно взять?

— Конечно, — пробурчал Гвай и опять заснул — мгновенно, как пораженный заклинанием.

Асгерд недолго постояла рядом с ложем, убедилась, что Гвай действительно спит, подняла мешок и выскользнула за дверь. Прислушалась. В замке было тихо, будто в склепе. Только снаружи, из-за ставень, доносятся невнятные шорохи и что-то вроде отдаленного собачьего влечения. Ночь, поглощенная туманом, идет своим чередом. Отлично, нарушим ее спокойное течение!

— Достала? — Конан жадно уставился на мешок. — Очень хорошо! Распаковывай, только аккуратно. Гвай заметит, что мы залезли в его святая святых — убьет на месте.



Вскоре на столе красовался строй глиняных, стеклянных и металлических сосудиков, самый крупный из которых был не крупнее трактирного стаканчика для крепких настоек.

Если вдуматься — этот набор склянок, бутылочек и горшочков, был вдесятеро драгоценнее всего серебряного оружия Ночной Стражи вместе взятого. Охотники пользуются не только и не столько клинками да стрелами, иногда приходится применять и старинное, почти забытое даже крупными магическими конклавами, волшебство природы.

Склянки содержали в себе два с лишним десятка редкостных снадобий, весьма полезных в ремесле охоты на монстров. Если маг пожелает видеть ночью, как днем, он прочтет соответствующее заклинание, если того же захочет жрец, придется молить богов и приносить жертву, а вот Ночному Стражу вполне достаточно сделать глоток нужной выварки из растений с добавлением минералов, и пожалуйста — будешь видеть в темноте не хуже любого филина.

Секрет создания этих замечательных декоктов передавался от одного командира отряда к следующему, иногда приходилось спрашивать совета у волшебников братства Золотого Лотоса, покровительствующих охотниками, но так или иначе снадобья действовали. Употребление некоторых настоев было совершенно безвредно, другие затем вынуждали человека сутками лежать без сил, третьи были настолько ядовиты, что к ним приходилось привыкать годами, ежедневно



употребляя по капле... Поскольку Асгерд давно научилась разбираться в настоях, киммериец попросил отобрать для него самые безопасные — не хватало только свалиться без чувств, не сделав дела!

Изготовление смеси заняло полтора квадранса — в кубок с водой было намешано пять различных снадобий, каковые следовало выпить одним глотком и недолго подождать начала действия. Конан, морщась и сквозь зубы сквернословя, выхлебал невероятно противное на вкус пойло и уселся в кресло, наблюдая, как Асгерд копается в большом кошеле, набитом десятками оберегов и амулетов, отыскивая нужные. Когда варвар почувствовал изменения, произошедшие в его теле и сознании, Асгерд нацепила ему на шею два серебряных кругляшка покрытых нордхеймскими рунами.

— Руническая магия — самая древняя и надежная, — уверенно сказала девушка. — Она дарована полуночными богами Нордхейма и доселе никого не подводила. Вставай! Та-ак... Неплохо выглядишь! Если будешь осторожен, тебя никто не заметит.

Со стороны киммериец теперь смотрелся довольно необычно. Его фигура размылась, стала полупрозрачной, движения нормальным человеческим глазом почти не замечались. Сам Конан сделал десяток шагов по комнате, принаравливаясь к новым ощущениям. Все чувства обострились. Зрение, слух, обоняние стали куда сильнее чем прежде — теперь киммериец мог расслы-



шать, как под полом соседней, пустующей комнаты скребется поселившаяся в замке полевка и ерзают в гнезде новорожденные мышата. Снизу тянет запахом кухни и лошадей, добрую сотню необычных запахов, нахлынувших так внезапно, почти не отделить друг от друга...

— Теперь я понимаю, что чувствует идущая по следу собака, — проворчал Конан, шурясь от света ламп, ставших неожиданно яркими.

— Амулеты дают тебе возможность пройти незамеченным, — втолковывала Асгерд. — Первый отводит глаз неприятеля, но ненадолго, второй позволяет ходить тише, чем самая осторожная кошка. Настои, повышающие внимание, будут работать колокол и два квадранса, так что не задерживайся. Теперь — иди. Не зря же мы это устроили? Если все-таки попадешься, ори и отбивайся, только попробуй никого не убить. Остерегайся зеркал — они немедленно тебя раскроют, покажут истинный облик. Я буду ждать здесь.

Асгерд выбрала одну из четырех книг, оставленных в комнате хозяевами и опустилась в кресло, давая понять варвару, что ее участие в деле закончено. Ныне все зависит от самого Конана и его ловкости, усиленной магией Ночной Стражи.

* * *

Куда бы направиться? Если уж решено обследовать замок от конька крыши до подвалов, сле-



дует немедленно придумать, как именно осматривать родовое гнездо барона Дортонна.

Удивляясь новообретенным дарованиям (Гвай крайне редко позволял использовать декокты из своего мешка), киммериец для начала прошелся по своему, третьему, этажу главной башни, потом поднялся по лестнице. Наверху было пусто и почти безжизненно, если не считать паучков, ночных бабочек и посвистывающих под крышей летучих мышей. Любопытно, почему они не вылетели этой ночью на охоту? Тоже знают, что снаружи небезопасно?

Теперь вниз, на второй этаж, к покоям его милости Олема Дортонна. Ага, ясно, барон спит за этой дверью — доносится громогласный храп. Почему нет охраны? Просим простить, не заметили сразу — вот вам и охрана: двое копейщиков неусыпно бдят возле следующей двери.

Конан приостановился, по привычке полагая, что с расстояния десятка шагов его обязательно услышат и заметят. А что тут такого? Я просто пошел нужник искать, господа хорошие!

Стражники, однако, в сторону Конана и не посмотрели. Не слышали и не видели.

Подойти ближе? Какой смысл? И так ясно, что охраняют они очаровательную графиню, которая вовсе никакая не графиня — из-за двери пахнет благовониями и очень дорогой офирской пудрой из рисовой муки. Нет сомнений, тут обитает женщина и она благополучно спит. Один вопрос, отчего стража стоит именно возле комнаты лже-графини? Вояки с копьями от нечис-



той силы не защитят. Или ее милость опасается людей?

Пойдем-ка лучше в другую сторону. Вот здесь наверняка спит господин управитель — запах оружейной смазки, человеческого и конского помета и сапог. И крепкого вина, само собой. Скорее всего шемское, виноградники «Солнечный склон», неподалеку от Асгалуна. Знаем это вино, пробовали неоднократно.

Четвертая дверь оказалась заперта на врезной замок, но какая преграда устоит перед человеком, прошедшим молодость в славном городке Шадизаре? Старые умения пригодились вновь — берем кинжал, вставляем острие в скважину, зацепляем язычок...

Замок клацнул так громко, что варвар едва не выронил нож. Тотчас стукнули подошвы сапог — проклятие, один из стражей решил пройти по коридору и проверить, откуда шум! Конану ничего не оставалось делать, как нырнуть в нишу, в которой и кролик не поместился бы, и прикинуться спиной к стене. Магия охотников показала себя великолепно — копейщик скользнул взглядом по замершему Конану, но прошел мимо, словно чужого человека здесь вовсе не было.

Не зря же мы открывали замок? Теперь главное, чтобы не скрипели петли. Молодец каштелян, следит за домом, петли смазаны и не произвели ни звука.

Вот как, оказывается мы забрались в кабинет хозяина! Темновато даже для ночного зрения, но



можно не беспокоиться — из коридора падает луч света от факела, осмотреться можно без лишних трудностей.

Как и везде, обстановка роскошная. Мебель только офирская или аргосская, как самая изящная и дорогая. Привычный холостяцкий беспорядок. Недурная библиотека, сто-сто двадцать рукописных томов, большая подставка для тубусов, в которых хранятся свитки пергамента и папируса.

Жаль, времени мало, можно было бы покопаться и поискать хоть какой-нибудь текст, посвященный Исчезающей долине и Временам тумана! У баронов Дортонов непременно должны быть сведения о чудесах, происходивших в прежние годы в Кезанкийских горах!

Любопытная коллекция на дальней стене — вбито несколько железных крюков, на которых висят гладкие, желтые от времени черепа. Не человеческие. Один явно принадлежит гному, целых три черепа некогда носили на плечах горные гоблины, весьма неприятные твари, сохранившиеся с древнейших времен. Следующий, наиболее крупный и старый, оказался черепом пещерного тролля...

Тьфу, мы же сюда не на охотничьи трофеи баронов Дортонов смотреть пришли?

Взглянем, что на столе. Завал бумаг. Некоторые покрыты тонким слоем пыли, будто к ним несколько дней не притрагивались — как, в таком случае, барон ведет дела своих немаленьких владений?



Относительно новым выглядит лишь один свиток, распечатанный и развернутый наполовину. Прочсть? Почему бы и нет?

Конан осторожно взял пергамент и взгляделся в ровные строчки. Написано почему-то на аквилонском языке, но в том нет ничего удивительного: на Закате наречие Аквилонии полагается классическим и самым изящным, дворяне полагают хорошим тоном переписываться на языке наследников Эпимитриуса.

Никаких вежливых предисловий или приветствий, депеша изложена сухим и деловитым тоном:

«Люди Альдануса будут ждать вас в Пайрогии. Явившись на место сообщите об успехе или провале дела и обстановке вокруг вас. Господин прибудет немедленно по получении письма. Не покидайте дом вплоть до приезда Господина.»

Подпись, разумеется, отсутствует.

Ясно то, что ничего не ясно. Альданус — несомненно, кофийское имя, но это пока ни о чем не говорит. Кто, зачем и почему должен явиться на какое-то «место»? Какое дело должно быть успешным или провальным? Какой еще «Господин», и отчего это слово пишут с заглавной буквы, как обычно поступают при написании имени высоких особ? Непонятно.

Положим пергамент на место, но запомним содержание. Вдруг пригодится? Тем более, что депеша очень уж напоминает не стиль переписки между двумя людьми, а приказ некоему конкретному человеку от государственной управы.



Конан вышел из кабинета, не забыв (теперь уже куда аккуратнее и тише) защелкнуть замок и направился к лестнице. Вниз, на первый этаж он прошел легко, в парадной зале никого не обнаружил. Очень хорошо, кстати, что нет собак — они сразу почуяли бы чужака, животных никакой магией не обманешь.

Куда теперь? Из залы ведут три двери. Первая, запертая на огромный засов, выводит наружу, а туда идти не хочется — туман еще не рассеялся. Вторая, если судить по запаху, открывает путь на кухню, а там уважающему себя соглада-таю делать нечего — какие тайны могут скрываться в сковородах и котлах? Третья? Что ж, рискнем.

Длинная крытая галерея, судя по направлению, ведет в закатное крыло замка. Стража опять отсутствует, что нам только на руку. За галереей небольшой зал, увешанный боевым оружием — здесь хранят амуницию баронской дружины. Кольчуги, мечи, щиты. Все начищено и готово к употреблению. Судя по количеству оружия, под рукой барона Дортон ходит не менее тридцати человек, да только куда все они подевались? Замок большой, а производит впечатление необитаемого.

Новая дверь, потом лестница вниз. Вот теперь киммериец остановился, поразмыслить, как поступать дальше.

Сквозняк донес из подвала крепости человеческие голоса. Трое мужчин, судя по редким фразам, играют в кости. Сидят довольно далеко,



не меньше, чем в доброй сотне шагов, но охотничья магия позволяет в точности расслышать каждое слово.

Конан недоволен и озадаченно сплонул. Говорят-то на кофийском! Ничего себе дружина у барона! Набирал в Хоршемише? Не слишком ли далеко и не слишком ли дорого? Кофийские наемники ценятся на Закате, они хорошие воины, но какой смысл барону Дортону, обитающему в невероятной глуши Полночной Бритунии, выписывать личную охрану аж из самого Кофа? Между прочим, выговор у всех троих именно столичный — во времена службы у Страбонуса варвар сам изучил этот язык и умел отличить акцент жителей Хоршемиша от простоватого говорка провинциалов. Загадка на загадке, честное слово! До Кофа только по прямой, без учета поворотов дорог и объездов непроходимых гор, не меньше трех тысяч лиг! Давайте еще вспомним письмецо, прочитанное в кабинете, где упоминался некий Альданус... Пока никаких выводов делать не следует, но ответы на некоторые вопросы уже всюду напрашиваются!

Решено, идем вниз, взглянем на игроков. Какого демона эта троика сидит в холодном подвале и среди ночи дуется в кости? Неужели не обнаружилось более удобного помещения? Караулка, кухня, наконец!

Подземелья в крепости Дортон славные — глубокие, выложенные гранитом, кое-где вырублены прямоком в скале. Даже если свалится новая Небесная гора, тут вполне можно будет от-



сидеться. Кажется, часть переходов делали гномы; слишком приметная кладка. Ничего удивительного — гномов частенько нанимают богатые жители предгорий Кезанкии и Грасскааля, и карлики с удовольствием строят дворянские укрепления. Лучших мастеров-каменщиков во всей Хайбории не сыщешь!

Конан шел по звуку. Пятьдесят шагов прямо, поворот в левую галерею, еще шагов тридцать. Теперь виден яркий факельный свет — огонь горит в небольшом круглом помещении, где и находятся люди. Подобравшись ближе, варвар увидел то, что и ожидал.

Они сидели на небольших бочонках, еще одна кадка стояла посередине. На деревянном донце кучки монет и стаканчик для костей. Игра идет довольно скучно — только бы время провести. Все трое вооружены по полной выкладке: кольчуги, перевязи с мечами, кинжалы. У одного под рукой мощный арбалет, прошибающий болтом любой доспех. Конические шлемы лежат у ног.

Есть о чем подумать. Умеющий разбираться в людях варвар с первого взгляда определил, что перед ним не простые дружинные или наемники. Настоящий человек войны серьезно отличается от обленившегося десятника дружины заолустного эрла или барона, как воробей от ястреба. У него иные движения, другой взгляд, даже речь отличается от разговоров прочих людей. Конан с годами научился неким шестым чувством отделять опытного волка-вояку — тертого,



бывалого-перебывалого, стреляного-резаного. Такие всегда в высшей степени опасны, если оказываются на стороне противника!

Подойдем с другой стороны. А эти трое нам враги? Барон, которому они служат, принял охотников со всем этикетом, угостил, предоставил свой дом для ночевки. Никаких враждебных действий с его стороны не замечено, если не считать парочки мутных намеков в стиле «не суйте нос, куда не следует». Правильно, кому же понравится вмешательство в его частные дела? Но окаянное шестое чувство и без всякой магии твердит: троице кольчужных волчар препоручено важное дело. Какое? Никакой загадки нет — если вооруженный человек ночью не спит и проводит время в глухом подвале, значит он что-то охраняет. И означенное «что-то» имеет большую важность.

Как любит выражаться Гвай, «перед принятием окончательного решения сто раз подумай, взвесь все “за” и “против”, но решившись — действуй молниеносно.» Киммериец решил. Убивать кофийцев будет подло и это вызовет громкие последствия — барон сразу догадается, чьих это рук дело, благо чужаками в замке является только Ночная Стража. Используем два главных оружия охотников на чудовищ: силу и хитрость. В разумных пропорциях эти две составляющие победы обычно приносят великолепный результат. Короче, как гласит девиз аквилонской королевской гвардии — «Делай, что должно, и будь что будет!»



В противоположную от зальчика сторону коридора полетел подобранный варваром камушек. Только бы все трое не ринулись проверять скопом, кто произвел подозрительный шум! Тогда придется нелегко, при всех преимуществах простенького волшебства Ночной Стражи.

Повернули головы все, но встал только один, видимо главный. Росточком не уступает отнюдь не маленькому Конану, лицо худое, хищное, в резких морщинах. Взгляд спокойного убийцы. Он-то и пошел в галерею.

Волшебство декоктов и амулетов помогло варвару буквально слиться с каменной стеной — его снова не заметили. Рослый вояка прошел дальше, не вынимая меча. Зачем? Выхватить клинок — дело одного мига, моргнуть не успеешь. Конан знал, куда бить — черенком кинжала в ямку под черепом. Если не переусердствовать и не сломать шею, человек будет мирно отдыхать до следующего полудня.

Кوفيц рухнул на камень без единого возгласа, шумно ударившись об пол. Сейчас сбегутся остальные. Придется пугнуть.

Когда в светлом проеме показались два силуэта, и в стену, дробя гранит, ударил тяжеленный арбалетный болт, Конан слегка пожалел о своем решении. Впрочем, не отступать же теперь? Весь замок на ноги поднимут!

Кольчужников донельзя озадачила колеблющаяся впереди тень, чьи движения ускользали и смывались. Недолгим замешательством варвар и воспользовался. Прыжок вперед, первому супо-



стату наносится удар снизу вверх под челюсть, второму — ногой по нежным местам ниже живота, никакая кольчуга не спасет. Если первый оказался оглушен сразу, то его напарник каким-то чудом превозмог боль и не раздумывая набросился на странную тварь, отдаленно напоминавшую человека — даже меч не выхватил, ринулся с кулаками, возможно понимая, что атака против неизвестного (и явно магического!) существа окажется бесплодной. Уважения достойно!

Киммериец повалил соперника просто — идеально действовавшая магия обманула взгляд, Конан легко ушел из-под удара, и обвалился на кофийца всей тяжестью. Тот было вскрикнул, но поздно: варвар изо всех сил саданул кольчужника по затылку. Хруста ломаемой кости черепа не слышалось, что и к лучшему. Отлежится к утру!

Теперь быстро осмотримся. Время уходит, да и не исключена возможность появления новых противников — вдруг скоро назначена смена караула?

Есть! Вот он, момент истины! Троица оберегала низкую дверь, окованную полосами железа настолько плотно, что деревья под металлом почти не видно. Засов, два навесных замка! Для шадизарского жулика — дело невеликое, но за двадцать минувших лет киммериец слегка подрастерял сноровку и, вдобавок, очень спешил. Взломом надо заниматься вдумчиво, со старанием, а не после драки. Пускай и очень кратковременной драки.



И снова легкая победа. Замки оказались простенькими до полного неприличия, курятники такими запырять. О том, что за дверью может быть схоронено нечто опасное, Конан не думал — выиграло знаменитое киммерийское любопытство.

— Эй, найдется кто живой? — варвар, нагнувшись, заглянул в темный проем. Так и есть, роскошный каземат. Каменный мешок, из которого не выберешься.

Ночное зрение позволило разглядеть человека, приподнявшегося с кучи соломы, судя по запаху, довольно свежей.

— Не бойся, я не привидение, — быстро говорил Конан, представляя, какое впечатление может произвести его нынешний вид. — Я... Я служу его светлости герцогу Варту Райдору. Ты кто такой?

— Олем Дортон, милостью короля — владелец этого поместья, — неуверенно ответили из полутьмы. — Замок захвачен гвардией герцога? Наконец-то! Ты маг?

— В какой-то мере, — фыркнул Конан. — Быстро пошли отсюда, твоя милость. Или доверься мне, или оставайся отдыхать здесь!

...Асгерд, вдумчиво перелистывавшая труд Аккония Галпаранского, посвященный движению светил и влиянию звезд на человеческую судьбу, уставилась на ворвавшихся в комнату людей с недоумением. Если первый был Конаном Канах, пускай и слегка измененным воздействием магии внешне, то второй был молодым человеком



в драной рубахе и кожаных штанах. Обуви не наблюдалась вообще. Асгерд быстро оценила, что парень хорош собой, пускай и напуган, худощав, но широк в плечах. Держится как дворянин. Что за явление, позвольте узнать?

— Вот тебе настоящий Олем, знакомься, — громко шикнул варвар. — Уму непостижимо, как мы прошли незамеченными! Ближе к утру, в замке начинают просыпаться. Господина барона надо спрятать. Асгерд, придумай что-нибудь!

— Уже придумала, — девушка быстро поднялась и направилась к двери. Обернувшись, приказала: — Сидите тут, не высовывайтесь. Я разбужу и приведу Эйнара. Он лучше нас знает, как поступать в подобных случаях. Конан, возьми кубок и выпей, что я приготовила. Состав уничтожит все следы магии. Сними амулеты, они теперь не нужны. Ждите!

* * *

Главная беда Эйнара состояла в том, что броллайхэн был исключительно ленив и оправдывал ленью своим почтенным возрастом. Поскольку никто (включая самого Эйнара) даже отдаленно не представлял, сколько же ему лет, сие оправдание прочие месьюры охотники не считали весомым, отчего бедолаге практически никогда не удавалось всласть отоспаться. Действовать быстро и разумно воплощенный Дух Природы умел только в случаях, когда начинал клеваться жареный петух — мигом прекращались



визгливые истерики на тему «меня все обижают» и Эйнар приступал к работе. А работал он, отдадим должное, увлеченно и добротнo.

Следы ночных походов варвара по замку Дортон были замечены так старательно, что охотников не заподозрил бы самый матерущий дознаватель из знаменитого Пятого департамента Немедии, каковой оправданно считается лучшей тайной службой Хайборийского мира, от Пагана и Вендии, до Пуши Пиктов. Изъятый Конаном из подземного каземата молодой барон Дортон был спрятан так надежно, что более безопасным пристанищем для злосчастного владельца Четырех долин оказалась бы лишь коронная башня Тарантии, которую не возьмет штурмом никакая армия. А все почему? Эйнар постарался!

После рассвета туман снаружи рассеялся, как и предполагалось — теплые лучи утреннего света разогнали белесую мглу с быстротой горного ветра. И сразу же в замке началась мышьяная возня. Конан, у которого еще сохранялись ничтожные остатки обостренного слуха, валялся на постели и не без удовольствия слушал, как внизу хлопают двери, рычит на кого-то каштелян и бегают стража.

Вчерашний слуга принес горячую воду для умывания слишком рано, с внимательностью собаки-ищейки оглядел покой варвара и приуныл: спрятаться в комнатах, предоставленных охотникам было невозможно. Тем временем беготня и тихая паника продолжались — двое или трое



слуг человека, представившегося наемни бароном Дортоном, прогрохотали по лестнице вверх и теперь можно было слышать, как они топчут по доскам, наверняка производя тщательный обыск.

Теперь оставалось ничем себя не выдать и как можно быстрее переговорить с Гвайнардом — бравый командир позволил себе расслабиться и спокойно проспал вплоть до времени, когда его навестил служка с неперменным кувшином воды и чистыми полотенцами. Свой любимый мешок с отравой Гвай благополучно обнаружил на прежнем месте — Асгерд вернула его хозяину немедленно по завершении дела.

— Как настроение? — осведомился Гвай, заглядывая в комнату варвара. — Отлежался после трех дней в седле? Вот и отлично. Пойдем, его милость соизволили пригласить нас на завтрак.

«Есть в главном зале зеркала или нет? — напряженно думал Конан, спускаясь в трапезную. — Чтоб меня Нергал забрал, не помню! Все-таки, есть ли там зеркала? Вот было бы некстати!»

Позади шествовала невозмутимая, как нордхеймская богиня Фрейя, верная сподвижница — Асгерд шла под ручку с Эйнаром, который почему-то был непривычно хмур и неразговорчив. Впрочем, выглядел брoллайхэн как обычно — волосы на висках заплетены в длинные тонкие косички, поверх рубахи Эйнар счел нужным надеть меховую безрукавку, а на пояс привесить сумочку-споран со своими невеликими ценно-



стями в виде десятка золотых ауреев нумалийской чеканки и пахучими корешками, какие имел обыкновение иногда жевать.

Стол накрыт, как и вчера вечером, безукоризненно. «Барон» и «графиня» пока не появлялись, но зато у дверей обнаружилась стража. Конан мгновенно узнал высокого сухощавого кофийца, которого уложил первым. Надо же, как быстро очухался!

Зачем он здесь находится, можно догадаться без подсказок — опознать мерзавца, каковой в глухую зловещую полночь ухитрился запросто повергнуть троих опытных вояк и похитить таинственного узника. Варвар глянул кофийцу прямо в глаза — если узнает, то сразу, если нет, значит опасности никакой.

Не узнал. Да и не могло такого случиться по вполне понятной причине: внешность Конана ночью была, мягко говоря, необычной. Варвар мимоходом пожалел кольчужника — хорошую же трепку устроят ему хозяева! Если уже не устроили.

Сиятельная парочка явилась вскоре — «барон» смотрелся мрачновато, но выдавать дурное настроение не спешил. «Графиня» наоборот, метала глазами молнии, поджимала губы и смотрела на господ охотников с нескрываемой подозрительностью.

Расселись, чинно и благопристойно. Конан все осматривал залу на предмет наличия хоть одного зеркала, но по счастью здесь таковых украшений интерьера не наблюдалось. Сели так:



на полуденной стороне стола расположились оба самозванца, на полуночной — Эйнар, Асгерд, Гвай и Конан. Вообще-то изначально варвар планировал усадить отца-командира на самый край, но тот выбрал себе место прежде, чем его успел занять киммериец.

— Надеюсь, достойные гости почивали спокойно? — девица заговорила первой, и яда в ее голосе хватило бы на отравление всех подданных Бритунии, да и на Замору немного бы осталось. — Все эти кошмары, туман, наводят изрядную тоску и нам с его милостью приятно, что в доме находятся воители столь знаменитой гильдии, как Ночная Стража.

— Благодарю за милостивые словеса, госпожа, — не остался в долгу Гвайнард, который отлично знал куртуазию и этикет, умея изъясняться не хуже любого королевского церемониймейстера. — Нас, безусловно, насторожил опустившийся ночью туман, но мы вняли предостережениям и не покидали замок.

— Комнаты, однако, покидали, — едко сказал «барон». — Я слышал, как вы ходили после полуночи.

— Буде мы побеспокоили вашу милость — примите извинения от всего сердца...

Слушая этот куртуазный обмен любезностями и неприкрытыми колкостями, Конан пытался сдержать улыбку. Он хорошо представлял себе, какой напряженный обыск сейчас проводится в покоях наверху. Ищите, ищите! Может и отыщете кучку мышиного помета!



— Замок у меня старинный, с богатой историей, — неожиданно сказал «барон». — Тут можно встретить много странных вещей. Например, минувшей ночью вас не побеспокоил призрак?

— Призрак? — непритворно удивился Гвай. — Нет, ничего подобного!

— А вот стража наблюдала самое настоящее привидение, причем оно напало на караульных у нижних дверей... Насколько я знаю, охотники на чудовищ знакомы с различными проявлениями нечистой силы, может быть, посоветуете что-нибудь? Эрвин, подойди! Опиши уважаемым гостям тварь, которую ты видел!

Высокий шагнул вперед, чуть поклонился и заговорил на чистом бритуниском почти без акцента. Почти. Конан лишь ухмыльнулся, заслышав в речи стража чуть удлиненные «окающие» звуки, свойственные выходцам из Кофа. Описание зловредного призрака было взято, несомненно, с чужих слов — этот вояка Конана не видел, ибо киммериец напал сзади. Не совсем честно, конечно, но иногда любые средства хороши.

— Оно большое, выше человека, — басом повеествовал кофиец. — Нет четкой формы, однако силуэтом смахивает на очень крупного мужчину. Передвигается абсолютно бесшумно. Я... мы так и не поняли, было это существо во плоти или же мы столкнулись с бесплотным фантомом.

— Если дерется, значит во плоти, — заключил Гвай. — Подобные наваждения, выраженные в



расплывчатости фигуры, может вызывать грим-лок, владеющий даром внушения... Чересчур скупое описание, я вряд ли смогу точно определить, что это за существо. Астерд, будь добра, передай мне чистое блюдо.

Астерд не задумываясь подала Гвайнардугу начищенное серебряное блюдо для жаркого. Скользнул по стенам солнечный зайчик, отраженный сияющим металлом.

Гвай замер и вытарашил глаза. В отражение на овальной тарелке случайно попал Эйнар.

Хвала всем богам за то, что Астерд успела отреагировать первой и не дала предводителю отряда сказать лишнего слова. Она сама поставила блюдо на стол, незаметным движением сжала ладонью колено Гвайнарда и железным голосом сказала:

— Чем тебе не нравится посуда его милости? Надраена как зеркало, прислуга любого короля позавидует. Тебе положить баранины?

— П-положить, — слегка заикнувшись, ответил Гвай. Скосился на Эйнара, будто не веря своим глазам. Конан, заметив неладное, вступил в разговор и обратился к его фальшивой милости, отвлекая внимание:

— Господин барон, дозволю спросить, есть ли в твоём замке библиотека? Нас очень интересуют записи прежних лет, хоть как-то связанные с приходящим ночью туманом. Мы подозреваем, что тут действует некая магия...

— Об этом я и хотел поговорить, — сдвинул брови самозванец. — Дело в том, что четыре дня



тому, несколько моих людей ушли в горы и не вернулись. Я бы хотел просить Ночную Стражу о помощи в розысках. Безусловно, я заплачу за услуги столько, сколько потребуется. А если вы ухитритесь найти и уничтожить призрака, который бродит по замку и досаждаёт страже, то оплата будет увеличена втрое. Вам хватит тысячи шеллинов? Для начала?

Конан, не давая никому опомниться, немедленно начал торг, оговаривая самые несущественные и второстепенные детали, вроде подков для лошадей и теплой одежды, которая обязательно понадобится в горах. Постепенно в разговор втянулся Гвай, продолжавший кидать быстрые взгляды на Эйнара. Лишь сам Эйнар в течении всего завтрака молчал, как рыба и не поднимал глаз. Выражение на его лице давало повод предположить, что бродяга всю прошедшую ночь скорбел животом...

И все-таки лже-барон начал что-то подозревать. Конану это было понятно по недобрым взглядам его милости и постоянному присутствию в зале охраны. Одно успокаивало: стражи к столу не приближались и не могли даже случайно увидеть отражения Эйнара в сверкающем серебре. В противном случае, их удивлению не было бы предела.

* * *

Разговор за трапезой, состоявшийся между Гвайнардом и фальшивым бароном Дортоном,



не принес вообще никакой пользы. Его самозванная милость отвечал на вопросы, касаемые событий, происходящих в непосредственной близости от замка так расплывчато и уклончиво, что казалось, будто он ведет существование затворника и вообще не выходит из дома, ничего вокруг себя не видя и не замечая. Это очень плохо вязалось со вчерашними соловьиными песнями о чуть ли не ежедневной охоте на разнообразное зверье в горах, лесах, полях и болотах сего ленного владения.

Нечисть? Бывает, но кметы как-то сами справляются, знаете, всякие там знахари, шаманы, деревенские жрецы... Необычные животные? Нет, не встречал, вернее встречал но очень мало, ведь чудовища охотятся ночью, в отличие от благородных дворян... Туман и записи о нем? В библиотеке не удалось отыскать никаких серьезных упоминаний, последний раз это случилось так давно, что памяти не сохранилось и на пергаментях...

Сплошное вранье! Причем неуклюжее! Надо заметить, что красotka, якобы происходящая из семейства графов Атрейских, поглядывала на собеседника с заметным неудовольствием — плохо играл свою роль.

Каким это, позвольте узнать, образом, косные и суеверные кметы «справляются с нечистью» при помощи «шаманов» и прочих ведунов? Да завидев самую безобидную, но страховидно выглядящую чуду, обитатели деревень и хуторов бросаются не к «знахарям», а к собственному



сеньору — мы платим подати, а ты обязан нас защищать! Это, господа, закон. Затем: утверждение о том, что «чудовища охотятся только ночью» вдвойне несостоятельно. Да, некоторые вампиры не переносят свет, встречаются и ночные хищники, но восемь из десяти реликтовых тварей вполне благополучно могут вами отобедать в ясный полдень, на залитой солнцем живописной лесной полянке.

После вполне закономерного вопроса о том, что же произошло с несколькими «людьми барона», незнамо по какой надобности поехавшими к Лазурному кряжу, кое-что начало проясняться. Оказывается, дружинный отряд количеством в девять человек отправился четыре дня назад в горы и бесследно сгинул, хотя было условлено возвратиться в замок Дортон через сутки. Зачем поехали? Господина барона волнуют трудности, связанные с туманом, вот он и приказал своим воинам разведать, что происходит на перевалах Лазурного кряжа. Если господа охотники столь любезно согласились помочь отыскать пропавших, им будут выделены в сопровождение несколько вооруженных людей. Для пущей безопасности.

Тут Гвай взбеленился. Сопровождение? Благодарим, но это излишне! У Ночной Стражи свои секреты, которые посторонним глазам открывать не положено! Безопасность? Вы, ваша милость, понимаете, что вчетвером нам будет сто-крат безопаснее, чем в окружении целой армии?! Нам придется не выполнять свою работу, а сле-



дить, чтобы ваших «вооруженных людей» не перекусали всякие чудовища, которые, как известно, бродят в горах огромными непугаными стаями! Словом, мы категорически отказываемся от столь любезного предложения. Справимся самостоятельно.

— Ладно, — «барон» поморщился и пожал плечами — не ожидал столь яростного отпора. — Может быть... э... дама останется в замке, если в горах так опасно?

Астерд, со скорбным вздохом, вынула из уложенных кос серебряную метательную иглу и слегка взмахнула ладонью — движение, человеческому глазу не заметное. Игла вошла в спинку кресла самозванца в полупальце от его виска и противно зазвенела. На том разговоры и были окончены — все стало понятно без дополнительных словопрений.

Под неусыпным надзором угрюмых дружинников доблестная четверка начала готовиться к походу — проверили лошадей, поклажу, оружие, требовали у каштеляна запас еды на несколько дней. Управитель смотрел волком, но молчал — никаких доказательств причастности охотников к ночному нападению не было, хотя кто их знает? Недаром о Ночной Страже ходят слухи, будто подвластна им некая странная магия... А вот узник, к величайшему разочарованию, исчез бесследно. Как сквозь землю провалился! Колдовство, не иначе.

Гвай ходил как в в воду опущенный — ничего не понимал. Один раз даже пощупал Эйнара



за плечо, удостовериться, настоящий он, или не совсем. Оказалось, настоящий. Только отказывается разговаривать да по приказу Асгерда целеустремленно и сноровисто седлает лошадей.

Причем, Эйнар перепутал сбрую и нацепил на гваевского жеребца более маленькое и тесное седло, принадлежавшее Асгерда. Пришлось менять.

Заявился «барон» со своей неременной спутницей — лошадок посмотреть. Он, извольте видеть, ценитель. Более всего его милость восхитился Гнедым киммерийца: экий красавец! Пуантенская скаковая порода?

— Именно, — ответил Конан. — Немалые деньги отдал...

Вежливая улыбка варвару далась с трудом: он отлично представлял, какие финты способен выкинуть Гнедой, если к нему подходят чужаки да еще глядят по морде! Недавно проклятуший монстр даже хорошо знакомому Гваю едва руку не отожрал!

Сартак поглядел на благородных господ, оценил, и выдал вполне ожидаемое:

— Демоновы задницы... — тщательно выговаривая каждый звук, молвил породистый пуантенский жеребец, прошедший у варвара достойное обучение и нахватавшийся, от хозяина достаточно крепких словечек, сопровождавших трудную походную жизнь. Засим Гнедой по-медвежьему взрычал и поднял длинную верхнюю губу, демонстрируя благодарным зрителям острейшие клычищи длиной с палец.



— Ч-что? — тонкий ценитель лошадиной красоты отступил на шаг назад, а его прелестная подруга побледнела, как льняное полотно. — Это... как?

— Так, — пожал плечами Конан. — Совсем новая порода. Окажетесь на рынке в Чарнине, спросите торговца Ретула, у него еще несколько таких лошадок найдется. Весьма рекомендую.

Последние слова варвара были истинной правдой, ни на толику не солгал. Прирученных сартакон доставляли с Ауруса, мира за Бритунийскими Вратами, и продавали в Чарнине из-под полы (если, конечно, так можно сказать о крупном животном в точности напоминающем лошадь).

Похоже, нынешние владельцы замка Дортон были счастливы, когда охотники выехали за ворота. Ничего удивительного: Ночная Стража всегда была знаменита своей редкой эксцентричностью в мыслях и действиях. Что и доказала вполне блистательно. Конан себе отметил, что Гнедого придется наградить кроличьей тушкой за своевременный и опеломляющий спектакль.

Караван в составе четырех охотников, сартака и шести лошадок, включая Малыша и заводную пару, мелкой рысью отправился на Полночный Восход, к синему валу Кезанкийских гор.

* * *

Нервы у Гвайнарда не выдержали примерно на второй лиге подъема вверх по долине. Собст-



венно, теперь не имело смысла ехать в молчании — замок остался позади, подслушать никто не сможет, а вот прояснить, что, Нергал вас всех заберет, тут происходит, Гвай жаждал от всей души.

— Ну, господа соратники и сподвижники, мне наконец расскажут, что вы натворили ночью? — Гвай придержал горячившуюся лошадь, чтобы ехать вровень с остальными. — Первое: за каким демоном понадобилось использовать составы из моей сумки? Впрочем, я догадываюсь — «привидение», о котором говорил барон, ваших рук дело? Второе. Куда подевался настоящий Эйнар и кто теперь носит его обличье? А ты парень не красней, распознать было несложно. Зеркало не обманешь. И третье: почему меня не поставили в известность сразу же? Конан, я жду внятных объяснений, а не детского лепета!

Киммериец искоса поглядел на облака с выражением лица застигнутого врасплох разбойника. Именно так выглядит любой малоопытный грабитель, когда стоит над телом убиенного, а в этот момент в комнату вваливается толпа представителей власти, имея целью непременно выяснить, зачем сей выжига злодейски убил благовоспитаннейшего господина обывателя.

Выручила Асгерд:

— Ночами не спать надо, а работать, — безапелляционно заявила девушка. — Мы Ночная Стража или кто? Сначала тебя будить, потом три колокола уговаривать, к утру ты примешь решение, но будет поздно... Эйнар — тьфу! —



Олем, изволь познакомиться с нашим достойным командиром. Гвайнарда из Гандерланда.

— Олем, барон Дортон, — пробурчал человек, которого никто и ничто, кроме правдивых зеркал, не могли бы отличить от Эйнара. — Весьма рад, сударь.

Гвай заковыристо присвистнул, вызвав буйную радость сартака. Гнедой очень любил подражать свисту, музыке флейты и чириканью птиц.

— Рассказывайте!

Асгерд взглянула на киммерийца, который и был основным виновником ночных событий. Конан вызов принял — так или иначе придется сознаваться. Слишком много всего случилось. Он описал свои похождения в замке, вспомнил дословно непонятную депешу, обнаруженную в кабинете, засим перешел к описанию краткой схватки в подземелье и освобождению молодого барона.

...Когда Эйнар соизволил продрать глаза (Асгерд просто вылила на него полкувшина воды), броллайхэн, ознакомившийся с текущими делами, предложил простейший и самый надежный выход. Беглеца будут искать. Везде, даже в мышиных норах. Прятать его в тайнике, который по словам Олема имелся в замке, бессмысленно — придется сидеть несколько дней, а то и больше, можно будет с голоду умереть! Единственное разумное предложение — использовать магию Равновесия, которой Дух Природы владел если не в совершенстве, то, по меньшей мере, очень неплохо. Среди Алых заклинаний найдется и за-



клятие личины, способное полностью изменить истинный облик человека. За чем же дело стало? Поменяем местами Эйнара и Олема, если последний сможет добротню сыграть навязанную ему роль! Опасаться следует только зеркал и животных, каковых никакой магией не проведешь. На том и порешили.

Эйнар быстро придал опарашенному внезапными приключениями барону свой облик, втолковал, как следует себя вести утром и благополучно развоплотился. Незаменимым качеством Духов Природы было умение сбрасывать телесное воплощение и сливаться с миром, который его породил. В любом виде — облако, дождь, дерево, животное. Этакая разновидность оборотня.

Где сейчас находится лично Эйнар, то никому неизвестно. Но бреллайхэн обещал непременно вернуться к вечеру, когда его волшебство вновь сможет пригодиться — туман спускается с гор перед каждым закатом...

Вот и вся история. Вопросы?

— Никаких, — отчеканил Гвай и вдруг подобрел. — А вы, пройдохи, сумели проверить совершенно идеальную авантюру! Такого на моей памяти еще не было! Конан, с меня боценок пива, за сообразительность. Для Асгерда, когда вернемся, купим в Райдоре браслет с черными опалами — я заметил, как ты вчера смотрела на госпожу графиню с ее украшениями.

— Больно надо! — усмехнулась Асгерд. — Лучше для нашего дома новые туранские ковры купить, давно приглядываюсь...



— А ты, голуба моя, ответь, каким манером владетельного барона засунули в каменный мешок? — Гвай повернулся к Олему и смерил его взглядом. Можно присягнуть на любой святыне, это Эйнар — один к одному, до последнего волоска! Вот, что значит магия Равновесия! Сам Тот-Амон, небось, от зависти бы скукожился и в росте умалился! — Месьор Олем, я жду ответа. Учти, положение более чем серьезное. И мы действительно хотим тебе помочь.

— Перво-наперво, месьоры и милая дама, я хотел бы поблагодарить... — очень неуверенно и смущенно начал барон Дортон, однако его перебил Конан:

— Благодарности и расшаркивания будут потом. Сейчас говори четко. И без фантазий!

— Какие, к зеленым демонам, фантазии? — возмутился Олем. — Мало мне было откровенного бесовства, которое началось две седмицы назад, так меня, вдобавок, лишают наследного имени и владений, захватывают замок... Слушайте.

Весной, во время поездки в столицу на празднование дня рождения короля Эльдарана, молодой барон раззнакомился во дворце с очаровательной парой. Госпожа Лиа и месьор Эргус представились кофийскими дворянами, собирающимися вскоре пожениться. Сейчас они путешествуют по странам Полуночи, чтобы отдохнуть и набраться впечатлений. Эргус (граф, если судить по гербу), оказался заядлым охотником, не хуже самого барона Дортон. На том и сошлись: Олем



пригласил кофийцев погостить в фамильном замке и с увлечением расписывал новым друзьям свои чудесные охотничьи угодья.

Десять дней назад Лиа и Эргус приехали в Дортон. Со свитой в виде двух десятков отъявленных головорезов и нескольких слуг. Объяснили наличие боевого отряда опасными дорогами Полуночи, где кого только не встретишь — от привычных разбойников, до страшных чудовищ. Олем, простая душа, поверил.

А следующей ночью в замке произошел маленький переворот. Спящую дружину Олема перерезали мгновенно. Убили всю прислугу. Трупы тайно вывезли и сбросили в одно из ущелий, которыми столь богата Драконья Лапа. Следов теперь не отыскать.

Самого Олема, еще пьяного после дружеского пира, скрутили и потребовали отдать ключи от библиотеки. Какие ключи, к Нергалу? Книги хранились прямо в кабинете, приходи да читай сколько влезет! Долго расспрашивали о Временах тумана и Исчезающей долине — древних легендах, известных в землях Дортонов. Ничего путного не добившись, Олема бросили в подземелье. Одно хорошо — кормили со своего стола и приносили свежую солому для лежанки. Сказали, будто Олем еще понадобится. Вот и все, если вкратце.

— Почему не убили сразу? — озадачился Гвайнард, выслушав рассказ барона. — Непонятно... Ты становишься опасным и ненужным свидетелем.



— Возможно, они хотят получить мои деньги, — хмуро предположил Олем. — Мое состояние, причем немаленькое, заключено в закладных бумагах нескольких торговых домов Ианты Офирской. Без меня деньги получить невозможно, а завещания я не составил. Какой нормальный человек будет писать завещание в девятнадцать лет?

— Деньги? Вряд ли. Кстати, а состояние большое?

— Без учета ленных земель, замка и деревень, около тысячи тысяч немедийских золотых ауреев.

Конан поперхнулся. Ничего себе! Практически все дворяне Полуночной Бритунии владели непредставимыми деньгами! Сам Великий герцог Райдорский, эрл Ронин, граф Атрейский... Ничего удивительного, Бритуния — страна неистощимых серебряных рудников. Почти как Офир, только подданные Золотой Ианты добывают золото, а следовательно в три раза богаче... На тысячу тысяч полновесных ауреев Трона Дракона его милость Олем Дортон мог бы купить себе небольшую страну, вроде Хорайи, и стать королем. Нечестолюбивы, однако, провинциальные дворяне Бритунии!

— У нас есть почтовые соколы, — сказал Гвай. — Обо всем случившемся мы немедля сообщим герцогу, его светлость непременно поможет. По-твоему, что произошло на самом деле? Почему захвачен именно твой замок? Это связано с Временами тумана?



— Как много вопросов... — выдал барон Олем. — И туман, будь он проклят! Конечно, я понимаю, что госпожа Лиа, которая верховодит в этой странной парочке, интересуется магией. А туман есть порождение магии и ничего другого! Они говорили, будто скоро в Дортон приедет некая очень важная персона, имени не называли.

— «Господин»? — тотчас спросил Конан. — Ты хоть что-нибудь о нем знаешь?

— Ничего... Я читал в старых семейных хрониках о Временах тумана. Запомните главное: туман никогда не входит в человеческое жилище, оно ему неподвластно. Туман действует и днем, распространяя магический яд дальше, в глубину земель Бритунии. Туман содержит как первородное зло, так и обычную безобидную магию, не способную причинить вред. Это все, что я вынес из древних рукописей. Остальное — полнейшая загадка.

— Не входит в дом? — подняла голову Асгерд. — Гвай, ночевать придется у самого поднодия Лазурного кряжа, а может и на склонах. Старый шатер мы с собой взяли?

— Конечно. Я как чувствовал, что он пригодится!

Варвар понял, о чем ведется речь. Знакомясь с обширным набором снаряжения отряда Ночной Стражи, Конан увидел и довольно большую палатку, очень и очень тяжелую. Ткань, сверху до низу, была вышита серебряной нитью. Эдакая маленькая крепость против нечисти, заставшей охотников ночью в пути.



Туман, туман... Что же он такое? Откуда появляется, чего хочет? Ответить на данные вопросы почти невозможно — Исчезающая долина за горным кряжем, проникновение в ее пределы чревато неприятностями, самая худшая из которых называется смертью, а войско, идущее на штурм долины, состоит всего из четырех людей.

Впрочем, это утверждение сомнительно. Четыре человека и один броллайхэн, который сейчас гуляет неизвестно где (спит, наверное!). Чересчур маленькое войско. Но, говорят, великий король Аквилонии Сигиберт Завоеватель, разбил объединенную армию держав Заката силами только четырех гвардейских легионов... Кто знает, может легенды правдивы? Тогда и у нас появляется твердая надежда на победу. Победу если не над всей нечистью мира, то над загадками, поставленными перед крохотным отрядом Ночной Стражи.

— Между прочим, за нами следят, — сказал Гвайнард. — Если внимательно посмотрите, между двух ложинок левее замка идут всадники. Будем отрываться?

— Зачем? — хмыкнул Конан. — Пока мы едем вполне благопристойно, приличий не нарушаем. Еще и полдень не миновал, дождемся сумерек. Там и видно будет.

— Согласен. Кто-нибудь знает хорошую песню?..



Эпилог,

в котором у охотников появляются
неожиданные союзники



Аные поговаривают, будто Грасскальский хребет воздвигся не волею богов и природы, а был порожден Великим Бедствием — падением Небесной горы, столкнувшейся с материком Заката в совсем уж незапамятные времена. Деревность вообще богата событиями исключительными и трагическими, превосходящими по масштабам даже Хайборийское завоевание и крушение непобедимой Кхарийской империи, раскинувшейся на землях целого континента.

Мир изменялся многократно. После Битвы Гнева, положившей конец не-человеческим цивилизациям мира, была затоплена огромная часть Закатных пределов, воздвиглась среди океанских волн Атлантида и через несколько тысячелетий вновь исчезла в пучине, погибла прекрасная Лемурия, бесследно исчезли валузийцы... Гигант-



ские катастрофы преследовали материк неотступно, но все-таки, Небесная Гора стала символом ранимости и хрупкости населяемой человеком Сферы. Она и донныне скрыта под толщей Грасскааля, утверждается, что гномы даже ухитрились проложить к ней шахты, и неизвестно, может ли погребенное в камне создание чужого мира вновь проснуться и, в очередной раз натворить бед?

И кто знает, не является ли Исчезающая долина последствием падения Небесной горы — ее магия, возможно, жива и по сей день.

Кезанкия слева и впереди, сточенные зубья Грасскааля уходят вправо, на Закат, к горизонту и Грани Мира, за спиной сине-зеленым отливают холмистые равнины Бритунии. Со склонов Лазурного кряжа хорошо различимы полосы лесов, ниточки крупных рек, убегающих в сторону Немедии и к Соленным озерам. Окажись возможность использовать заклинание «орлиного глаза», то где-то вдали можно было бы различить темную точку Райдорского замка и блески на куполах митрианских храмов Чарнины. Человеческий же взгляд преодолеть многие десятки лиг, увы, не в состоянии.

Перевал оказался на удивление проходимым, не сложным. Природа сама создала вполне удобную тропу, вьющуюся по крутому боку горы. Никаких камнепадов, оползней или угрозы схода лавин, снега на вершинах было слишком мало. Отряд поразило полное отсутствие животных — Конан давно начал размышлять о необычной ти-



шине, стоявшей на склонах. Всякая звериная мелочь, живущая в горах и на редких, поросших низенькими соснами площадках, обязательно должна бы оказаться на пути. Обычно зверьки копошатся, ухают, скребутся, перекрикиваются тонкими голосками, но сейчас ничего подобного не отмечается. Напрочь исчезли мошкара и комары. В небе не заметно хищных птиц, которые обитают в предгорьях и на скалах во множестве. Говорить о всяко-разных горных козлах, пещерных медведях и прочих известных тварях, обычно скачущих по камню или поджидающих в засаде добычу, вообще не приходится — их нет. Кроме звуков, исходящих от человека и лошади, ничего не слышно. И не видно. Спрашивается, почему?

Подъем на перевал продолжался до середины дня, пока Гвай не обнаружил ровную и удобную площадку, где можно было устроиться на кратковременный отдых. Ручеек, травка для лошадей, нагретые солнцем плоские камни, на которые немедля улеглись люди — растянуться и дать отдохнуть спине. В дальнейшем придется покинуть седла и вести коней на поводу — тропа становится довольно крутой.

— Примечательное зрелище, — сказал Гвай, указывая вверх и вперед. — Вот вам источник ночного тумана, благоволи́те рассмотреть подробно! С места не двигается, пускай наверху сильные ветры, выглядит безобразно и вообще наводит на размышления о колдовском происхождении. Я разве не прав?



Конечно, Гвайнард был прав. За стеной Лазурного края, колыхаясь сероватыми боками с черными прожилками, бурлила огромная туча. Довольно интересная туча, на взгляд охотников — чересчур плотная, слишком устойчивая, на диво многоцветная, пускай в гамме красок господствовали только черный и все оттенки серого цвета, от серебристого, до буроватого. Изредка облако подсвечивалось изнутри сполохами синих и белых молний, заметных даже при ярком солнце. А иногда скопившийся над горами туман приобретал очень мрачный багровый оттенок, будто за перевалом извергался вулкан.

На тучу перестали обращать внимание — существует, ну и пускай! В дороге она не помеха. Посему каждый отвлекся от недобрых мыслей и отдыхал так, как ему нравится.

Конан, покормив сартака вяленным мясом (Гнедой остался недоволен человеческой пищей, но сжевал все без остатка), разлегся на мягкой траве и устремил мечтательный взгляд в небеса. Гвай расстелил попону на ровном камне и пытался задремать, Асгерд (женщина, что возьмешь!) принялась плести венок из красивых горных цветов, напевая что-то под нос на родном наречии нордлингов. Его потускневшая светлость, барон Дортон, с которого никак не желала сползать личина Эйнара, вызвался сторожить и теперь залег среди камней, высматривая соглядатаев, неотступно следовавших за отрядом на расстоянии лиги. Олем хотел казаться полезным.



— Хей-рр, — прозвучало вдруг за валунами.
— Я говорить, не надо стрелять...

Конана и Гвая как пружиной подбросило. Голос-то откровенно нечеловеческий! В чем дело? Откуда? Кто? Все потянулись за оружием, а Гвай схватил свой замечательный арбалет, способный выпустить до дюжины стрел, одна за другой.

— Асперд, отойди дальше, используй шурикены, — прошептал Гвай. — Конан, будешь работать клинком, если придется... Олем, не мешайся под ногами! Тихо! Эй, кто здесь?

— Стрелять не будешь-шь? — за нагромождением гранитных обломков кто-то стоял, причем неудачно, не по-охотничьи — была заметна тень. — Хочу говорить.

— Выходи и говори, — рявкнул Гвайнард. — Если не нападешь, никакого вреда тебе не причиним. Ну?

Очень осторожно, кособоко переваливаясь, на площадку вышло Нечто. Оно шурилось от солнечного света и прикрывало лицо рукой, было облачено в ужасающие тряпки, однако носило кованый нагрудник явно гномьей работы. Серо-зеленая кожа, круглые и большие желтоватые глаза, низкий лоб в морщинах и шрамах, острые уши. Ростом не превышает двенадцатилетнего ребенка. И грубый ятаган на боку.

Горный гoblin, во всей красе! Что заставило это существо вылезти из пещер среди ясного дня? И кто ответит, откуда здесь появилась тварь, чьи дальние предки служили самому Роте-Всаднику?



— Воевать идешь-шь? — гoblin при разговоре растягивал шипящие, будто змея и коверкал некоторые другие звуки. — Против темноты из глубин?

— Тебе-то какое дело? — грубовато отозвался Конан, который лишь второй раз в жизни видел горного гoblina. Ни прежде, ни теперь, обитатели пещер киммерийцу не нравились. Вид несимпатичный и характер дурной.

— Больш-шое... Можем помочь. Теперь все заодно. Темнота глубин враг для всех-х... Все бояться, мы, гномы, человек. У вас Алая магия, мы почувствовали. Алые — нам не друзья и не враги. Когда нужно — будем вместе. Ты как?

— Как? — недоумевающе переспросил Гвай. Племя горных гoblinov, в отличие от их лесных сородичей было по-своему разумным, на дух не переносило человека и обычно его сторонилось. Что же, прикажете теперь брать в союзники любую встречную-поперечную нечистую силу? Однако, гobliny к нечистой силе имели самое малое отношение, они вполне живые существа, пускай и поклоняются неизвестной людям темной силе, порожденной исчезнувшим во времени Всадником.

— Надо убрать мглу, — втолковывал тем временем гoblin. — Она плохая, не наша, не ваша... Господин ее сделал. Зачем — не знаем. У нас сила железа, у вас Алое пламя. Как?

Очень интересно, прямо-таки захватывающе! Союз древнейшего зла Роты и Алого Пламени Равновесия? Откуда проклятый гoblinище зна-



ет, что отряд Ночной Стражи владеет магией Середины, не признающей Свет и Тьму, а идущей по собственному пути? Или Эйнар неподдающему? Возможно, возможно...

— Условия? — быстро спросил Гвай, думая над принятием решения.

— Никаких-х... Только союз. Мы поможем. Мы слово держим. Ужас глубин идет против всех. Ну?

— Твои силы? И вообще, как тебя зовут?

— Среди нас кликают Гардагом. Я вождь. Сил хватит. Пойдем, посмотрим? Никто тебя не обидит. Мы не обижаем Алое пламя.

— Куда пойдем? — озадачился Гвай.

— В гору. Боишься — бери оружие. Говорю, не обидим. Войско хорошее. Как?

— Конан, старые карты у тебя? Возьми копию той, которая была составлена при Эпимитриусе. Глянем... Гардаг, подождешь?

— Жду. Мы долго ждем.

— Олем, возьми арбалет, следи за любым движением в округе. Асгерд, тоже присматривай. Где, чтоб вас всех зеленые демоны сожрали, Эйнар? Где шляется этот поганый нелюдь?

Поганый нелюдь на призыв отца-командира не откликнулся. Эйнар по-прежнему пребывал в неизвестном отдалении, совершенно не обращая внимания на трудности отряда.

Вот и требуемая карта. Именно на ней обозначены входы-выходы из древнего царства гномов Кезанкии, некогда именовавшейся Туманными горами. Смотрим. Вот Драконья Лапа, вот



полуденная долина Четырехдоля, из которой охотники начали подъем наверх. Все правильно, именно в этом месте и на этой высоте находится одна из секретных дверей гномов. Дверги давно ушли полуденнее, в копи находящиеся возле Заморы, и немудрено, что их место заняли гоблины. Поверить Гардагу? Поверить проклятой расе? Ох и трудно дается окончательное решение! Но давайте согласимся, что гоблин в союзниках лучше, чем ничего.

Гвай созвал всех четверых на совет. Плевать, что Олем Дортон не входит в отряд по общему согласию — он вступил в него как только согласился идти вслед за Конаном из подземелья замка. Ну, как поступим? Доверимся? Риск, конечно, огромный, но...

— Почему нет? — киммериец внезапно заступился за ожидающего в скальной тени гоблина. — Они тоже боятся. Если заметили в нас хоть небольшую, но силу, пакостничать не будут. До времени, само собой.

— Решайте сами, — закусив губу сказала Асгерд. — Но помните, что горные гоблины никогда не были нашими друзьями.

— А я решительно против! — воскликнул Олем. — Эти твари столетиями досаждают людям и гномам. Мое семейство в старое время было дружно с некоторыми гномьими кланами, записи в библиотеке остались. О гоблинах там не сказано ничего хорошего, уверяю вас!

— Двое остаются здесь и разбивают лагерь, — процедил Гвай. — Асгерд, наша «серебряная па-



латка» должна быть развернута к вечеру. Мы с Конаном заглянем в пещеры гоблинов. И не дергайтесь, к вам обязательно вернется Эйнар, в крайнем случае поможет. Варвар, ты согласен?

— Соглашаюсь, как родственник по варварской крови, — усмехнулся Конан. — Гандеры, киммерийцы — с одного поля ягода? Всю жизнь мечтал увидеть настоящие подземелья гоблинов. Я с тобой, Гвайнард.

— Прекрасно. Эй, Гардаг, мы согласны пойти...

Гоблин поднялся с камушка, сузил глаза и махнул рукой:

— Пош-шли. Зачем страх? Мы другие, но мы в плохие времена верим человеку. Вам нужен будет свет. Факелы есть?

— Незачем факелы, — поморщился Гвайнард, поднимая свой мешок со снадобьями. — Конан, набери водички в ручье. Опять придется тратить составы из наших запасов. Зато в любой тьме увидим каждую песчинку!

* * *

Всем известно, что общим названием «гоблины» именуется несколько совершенно разных существ, обитающих на Закате. Если лесной гоблин является маленьким полумразумным существом, живущим небольшими семьями в глухих чащобах, то про гоблинов горных (или пещерных) можно сказать, что они создали свою цивилизацию, правда, весьма отличную от человеческой.



Из самого названия этой древней расы понятно, что обитают они в горах, в естественных пещерах или старых выработках гномов. Времена жестоких войн между бородачами-двергами и гоблинами давно миновали — сказался общий упадок не-человеческих рас. Хайбории, но в Кезанкийских горах и Эйглофиате доселе можно встретить довольно крупные гоблинские поселения. Ничего не скажешь, народ они малоприятный и агрессивный, случаются и набеги на предгорные деревни людей, хотя в последние годы о таких нападениях слышали крайне редко. Но чтобы гоблины сами предложили союз человеку?.. О таком не слышали вообще никогда!

— Сунули голову в петлю, — бурчал под нос Конан, спускаясь по щербатой лестнице в глубины Лазурного кряжа вслед за Гваем и шествующим впереди Гардагом. — Где такое видано, чтобы всякое гоблинье приглашало в гости людей? Да нигде!

— Перестань, — поморщился Гвайнард. — Думаешь, тебя съедят? Киммерийским мясом даже гоблин отравится, можешь утешиться. Не верю я, что нас ведут в западню, не верю и все тут! Гоблины напуганы Временем тумана не хуже нас, понимают, что в одиночестве не справятся с угрозой.

— Еще хорошо бы знать, что это за угроза такая...

Как не пытался Гвай расспросить Гардага о тумане, внятного ответа получить не смог. С гоблинами вообще сложно разговаривать — че-



ловеческий язык они знают исключительно плохо, говорят короткими, часто непонятными, фразами, перемежая слова из людской речи выражениями своего неблагозвучного языка. Единственное, что Гвай вынес из шипения Гардага, это скверное известие о том, что «мгла» есть порождение древнейших времен, когда на материке безраздельно царствовал пресловутый Рота. Якобы, лично Всадник Полуночи означенную мглу и сотворил, неведомо для каких целей. Поскольку вплоть до нынешних дней слава о Роте шла исключительно дурная, можно предположить, что ничего благочестивого и добродетельного в творении Всадника нет и быть не может по самой природе.

Если уж гоблины, детища Роты, боятся сохранившейся магии погибшего господина, то что говорить о людях?

Путь вниз продолжался довольно долго — Гвай насчитал больше семисот ступеней и два поворота. Ночное зрение помогало рассмотреть, что старые лабиринты гномов находятся в состоянии заброшенном и запущенном, кое-где своды коридоров начали осыпаться, но все же нельзя было не похвалить работу dwarves: копиям много тысяч лет, а целы поныне. Крепко строили гномы.

Последний поворот налево, в пещеру. Конан сначала зажмурился — горели несколько факелов, разгонявших стылую подгорную тьму и глаза варвара заслезились от их света, показавшегося обостренному зрению очень ярким.



Лишь привыкнув к сполохам пламени киммерец осмотрелся и рука машинально потянулась к мечу.

Гоблины. Десятка четыре, не меньше. Но присутствие подгорного народа еще можно было бы перетерпеть — в конце концов Конан знал, что идет отнюдь не в гости к аквилонской королеве. Позади гоблинской орды, хмуро взиравшей на приведенных Гардагом людей, возле арки ведущей дальше в глубины подземелий, громоздились два невероятных создания, которых варвар прежде не встречал, однако был весьма наслышан. Пещерные тролли!

...Высотой в два человеческих роста, кожа-чешуя сероватая, с болотным оттенком, широченные плечи, в четырехпалых лапищах сжимают нечто вроде боевых молотов, головы круглые, с маленькими глазками и провалом огромной пасти, в которой желтеют длинные обломанные зубищи, уши вообще отсутствуют — вместо них едва заметные темные отверстия. Один такой тролль может запросто прихлопнуть человека одним движением руки! А еще тролли угрожающе порывают — звук низкий, глухой, как из бочки.

Но, как видно, низенький Гардар пользовался в этой жутковатой своре нелюдей большим авторитетом. Пролаял что-то на своем языке, успокаивая гоблинов, рявкнул на троллей, которые (вот диво!) смиренно отошли подальше.

— Здесь половина войска, — сказал Гардаг повернувшись к Конану и Гваю. — Что надо де-



лать? Охранять? Идти впереди? Разведывать дорогу?

— Гм... В долину, откуда ползет туман можно пройти как-нибудь по другому, под горами? Вы хорошо знаете эти подземелья? Туман не должен заходить в пещеры!

— Ночью внутри горы еще хуже. Приходит с-страх из глубин. Демоны. Плохо.

— Так, — почесал в затылке Гвай. — Значит, лучше оставаться снаружи... Вот мы как сделаем. Гардаг, ты знаешь, где находится замок Дортон? Человеческий дом в глубине долины?

— Знаю. Надо захватить?

— Нет-нет, этого делать не нужно. Отправь часть своих... э... людей к замку, пускай скрытно следят. В крепость должен приехать один человек, я не знаю точно когда. Очень важный человек! Если он появится — пускай нам сразу сообщат. И еще одно. За моим отрядом следят другие люди, они сейчас идут ниже по тропе. Поймайте и приведите к нам. Только не калечить! Пока все.

— Хорош-шо, — Гардаг зыркнул на четверку самых здоровенных гоблинов, стоявших ближе всего, выдал грозную тираду и его подчиненные мигом исчезли в полутьме, прихватив с собой одного из троллей.

— Идите обратно, — прошипел Гардаг. — Дорогу помните или надо проводить?

— Помним, — кивнул Гвай.

— Ваш-ших врагов приведем. С-скоро. Ждите...



На середине подъема наверх Конан вытер с лица пот рукавом и ругнулся:

— Сожри их Сет, не понимаю, зачем таскаться в подземелье, когда можно было договориться обо всем не спускаясь в гору?

— Наверное, Гардаг хотел, чтобы его красавчики убедились в том, что мы действительно владеем магией Равновесия. Гоблины способны чувствовать волшебство.

— Сказки, — отмахнулся Конан. — Какие из нас двоих маги? Это просто смешно!

— А амулеты Ночной Стражи? В них содержится частица Алого Пламени... Погоди-ка... Кажется, за нами кто-то идет. Слышишь шаги? Догоняет!

По ступеням прорубленной в гранитной толще лестницы стучали кованые подошвы. Звук быстро приближался, словно неизвестный бежал. Гардаг послал кого-то из своих?

Точно, гoblin. Да какой страшный! Рожа перекошенная, из-за толстых черных губ высовываются кривые клыки, мерцают глазищи в красных прожилках. Одет в черные обноски, на узкой груди — железная цепочка с подвеской в виде глаза со зрачком в виде звездочки, пояс украшают какие-то косточки, метелки и звериные зубы, привязанные за шнурки. Шаман, не иначе.

— Уф, — выдохнул гoblin, добравшись до ступеньки на которой стоял варвар. — Быстро же вы бегаєте, други любезные! Не уgonишься! Как вам новые знакомства? Правда, милые ребята у Гардага? Не говоря уже о троллях?



— Эйнар? — у Гвайнарда челюсть отвисла. — Это все твоя работа, паршивец?

— Чем вы недовольны? — обиделся гoblin. — Я с прошлой ночи только и занимаюсь тем, что выручаю вас из неприятностей, а вы ругаетесь? Свиньи вы, а не верные друзья! Чем вам гoblinны не понравились? Думаете, мне легко было уломать Гардага и его ораву? Эти твари знают в горах каждый камень, каждую тропинку, могут предупредить об опасности! Конечно, я тоже предпочел бы просить помощи не у гoblinов, а у гномов, но дверги давным-давно переселились на Полдень...

— Постой, не шуми, — нахмурился Гвайнард. — Сначала расскажи, с чего вдруг тебе пришлось в голову отправиться к гoblinам и каким образом тебе удалось договориться с ними? Чью личину ты принял?

— Разве не видно? — усмехнулся Эйнар, показывая все свои коричневатые зубы. — Пойдем дальше, чего стоять? Объясняю: гoblin, когда становится союзником, незаменим во многих отношениях. Я и раньше знал, что в этих местах обитает довольно крупное племя, посему решил, что поддержка со стороны наших очаровательных приятелей будет отнюдь не лишней. Не вчетвером же штурмовать Исчезающую долину?

— Впятером, — напомнил Конан. — Его милость барон Дортон теперь с нами, не прогонять же?

— Прогонять не будем, — согласился Эйнар. — Итак, продолжаю. Утром, сбросив обличье в



замке, я раздумывал, куда бы отправиться и где вас встретить. Кстати, я не сомневался, что захватившие поместье господ устроят за вами слежку — очень уж подозрительно выглядело исчезновение месьора Дортон. Доказательств никаких, но... Сами понимаете. В общем, я нашел вход в подгорные тоннели, довольно быстро обнаружил поселение Гардага и без лишних церемоний взял облик его шамана — представьте, у гoblinов есть своя религия! Поклоняются тени своего Господина, Роты-Всадника.

— А где сам шаман? — невинно поинтересовался Гвай. — Лежит в какой-нибудь пещере с перерезанным горлом?

— Что ты городишь? Я же не зверь какой! Пришлось использовать магию внушения, на гoblinов она действует даже лучше, чем на людей! Сейчас старина Шахрош приходит в себя и думает, что это именно он убедил вожака племени помочь достойнейшим Ночным Стражам... Кстати, они на самом деле уважают Алое Пламя, потому, что наша магия никогда не была враждебна гoblinскому племени. С троллями пришлось гораздо сложнее — эти безмозглые монстры видят в людях только неплохое дополнение к привычному обеду. Надеюсь, отправленных за нами соглядатаев не сожрут прежде, чем мы успеем их ласково допросить... Вот и дверь! Пошли наружу!

Асгерд и барон Олем устали на сопровождавшее Гвай и варвара страшилище так, словно хотели своими руками швырнуть его в близ-



лежащее ущелье. Шатер был установлен и теперь тускло поблескивал серебряными нитями, на костре булькал котелок.

— Ням-ням! — вскричал Эйнар, бросаясь к разложенным у костра припасам. — Моя много жрать хотеть!

Асгерд потянулась к валявшейся у ног толстой палке, но остановилась, услышав слова Гвая:

— Не обращай внимания, он просто придуривается. Видишь, сегодня Эйнар перестал носить благопристойную маску и принял свое истинное обличье. Хотя прежним он мне нравился гораздо больше.

— Ну, и шуточки у вас, — покачала головой Асгерд. — Эйнар, ты что, окончательно спятил? Сними это поганое обличье, меня сейчас стошнит!

— Ладно, уговорили. — бrolлайхэн нарочито глубоко вздохнул, забрал мешок со своей одеждой и нырнул за камни — превращаться обратно и переодеваться. Вскоре на каменистой площадке было уже два совершенно одинаковых Эйнара, только штаны и рубаха разные.

— А как же я? — нахмурился Олем. — Всю жизнь теперь под чужой личиной ходить?

— Хочешь, переделаю под гоблина? — беззаботно спросил Эйнар. — Нет? Тогда до времени оставайся мной. Пока мы не отошли от замка на достаточное расстояние и не изловили преследователей, возвращать тебе настоящий, природный вид барона Дортонa небезопасно. Может, пока



ждем результатов охоты парней Гардага, слегка перекусим? Я жутко голодный!

Чревоугоднические устремления бrolлайхэн остались неосуществленными. По склонам Лазурного кряжа разнесся отдаленный рык, чьи-то панические вопли и послышались несколько ударов стали о сталь. Гоблины вкупе с пещерным троллем вступили в игру.

Правда, в тот момент никто еще толком не мог и вообразить, сколь высоки будут ставки в этой игре...





СОДЕРЖАНИЕ

УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ

Керк Монро

Предисловие автора..... 5

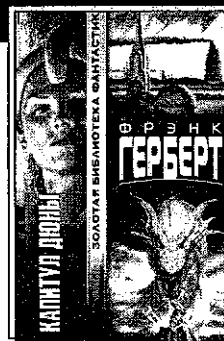
Часть 1

Глава первая.....	15
Глава вторая.....	50
Глава третья.....	84
Глава четвертая.....	120
Глава пятая.....	155
Глава шестая.....	191
Глава седьмая.....	227

Часть 2

Глава первая.....	242
Глава вторая.....	277
Глава третья.....	314
Глава четвертая.....	352
Эпилог	390

ДЮНА



В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын
Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом
Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне».
Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕВ»!



По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"



Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВЪЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**



ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**



197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Монро Керк

КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Елена Малько*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ТНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТЫЙЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИПРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70
КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72	КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77
КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79					



ISBN 5-17-010620-3



9 785170 106202